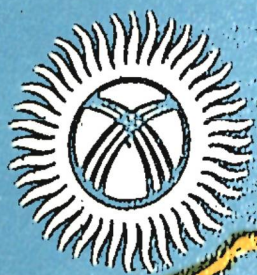

А.Акунов, В.Киютин,
В. Прытков, С.Токтомышев

Постсоветский
Кыргызстан
глазами зарубежных
политологов

Посвящается
50-летию Всеобщей
Декларации прав человека
*Devoted
to 50th anniversary of General
Declaration of the human rights*

Бишкек - 1990

КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

KYRGYZ STATE NATIONAL UNIVERSITY

**УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР "СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК"**

EDUCATIONAL CENTRE "STRATEGICAL RESEARCH OF PUBLIC

ADMINISTRATION AND POLITICAL SCIENCES"

**Постсоветский Кыргызстан
глазами зарубежных
политологов**

**Post-Soviet Kyrgyzstan through
eyes of foreign political
scientists**

Краткие сведения о зарубежных авторах.....141

Brief information about the foreign authors.....141

Источники.....144

Sources.....144

Бишкек – 1998

Bishkek – 1998

ББК 63.3
А 38

Акунов А.А., Киютин В.Г. и др.
А 38 Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов,
/А.А.Акунов, В.Г.Киютин, В.Г.Прытков, С.Ж.Токтомушев.
- Б.: «Элпек». 1998. - 152 с.

A.Akunov, V.Kijutin, V.Prytkov, S.Toktomyshev. Post-soviet Kyrgyzstan
through eyes of foreign political scientists. - Bishkek, 1998. -152 p.

ISBN 9967-403-08-X

Отв. редактор – доктор филол. наук, проф., академик IASEIA
(США) *В.И. Шаповалов*
Рецензент – директор Центра постсоветских исследований
(США) *Сьюзен Эйзенхауэр*

Перевод материалов зарубежной печати – *В.Г. Киютин.*

Книга знакомит читателя с широким спектром
зарубежных оценок и прогнозов относительно исторического развития
Кыргызстана в первой половине 90-х годов XX века. Особое место в
книге занимают проблемы демократии, прав и свобод человека,
экономики, ислама, религии, международных отношений. Книга
адресована историкам, политологам, преподавателям, студентам, а
также всем, кто интересуется проблемами отечественной истории.

A 0503000000 – 98

ББК 63.3

ISBN 9967-403-08-X

© Учебный центр «Стратегические исследова-
ния государственной службы и по-
литических наук, 1998 г.

Оглавление
Contents

От авторов
The foreword from the authors

Лики демократии.....	6
The faces of democracies.....	6
Кыргызстан и Россия.....	33
Kyrgyzstan and Russia.....	33
Центральноазиатский узел международных проблем.....	56
Central-Asian unit of International problems.....	56
Ислам.....	83
Islam.....	83
Экономические реформы и их проблемы.....	100
Economic reforms and their problems.....	100
Краткие сведения о зарубежных авторах.....	141
Brief information about the foreign authors.....	141
Источники.....	144
Sources.....	144

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Каждый социум хочет знать, что он представляет собой в глазах мирового общественного мнения, в оценках человечества.

Эта книга — не исключение. Она построена на широком и детальном заинтересованном анализе мнений видных политиков и ученых, единодушно видящих в Кыргызстане уверенный рост демократии — во многом небывалый и для центрально-азиатских традиций, и для современного бытия молодых "постсоветских государств".

Истинность и органичность демократического выбора и как государственно-стратегических вектора, и как нравственного ориентира общества в Кыргызстане проверяется "лакмусовой бумажкой демократии" — отношением к проблеме прав и свобод человека. Примечательно, что этот аспект занимает особое место в книге, отражая этим глубинные интересы ее авторов и регистрируя социальную температуру идей общественного гуманизма в этой маленькой стране, которая своей демократической ориентацией бросила вызов всей социальной инерции своего прошлого и своего территориально-государственного окружения.

Далеко не случайно и то, что книга эта создана в крупнейшей "лаборатории" проработки и реализации демократических идей — Кыргызском государственном Национальном университете, где Учебный Центр "Стратегические исследования государственной службы и политических наук" в последние годы аккумулирует изучение демократической проблематики, ее преподавание в школах и университетах страны, ее настойчивую и оптимистичную пропаганду среди широких слоев населения страны. Учеными Центра выпущен ряд учебников, монографий, словарей, проведены авторитетные международные семинары, где права и свободы человека в Центральной Азии и Кыргызстане получили должное освещение.

Одновременно эта деятельность, снискавшая Центру заслуженное международное признание, выразилась в сотрудничестве с UNDP. Характерной чертой концептуального отношения в вопросу можно считать недавнее предложение одного из авторов этой книги, Министра образования, Науки и культуры Кыргызстана академика С.Ж.Токтомушева: "В День Знания в Кыргызстане, в процессе проведения Уроков Манаса во всех школах должны в первую очередь прозвучать документы и главные тезисы демократии — о правах и свободах человека". Вероятно этими словами определяется и концепция предлагаемой Вашему вниманию книги, и сама социально-нравственная доминанта жизни Кыргызстана — сегодня и в XXI веке.

Сьюзен Эйзенхауэр
Вячеслав И. Шаповалов

THE FOREWORD FROM THE EDITORS

Each society wishes to know what it represents in eyes of the world public opinion, in the mankind estimations.

This book is not exception. It is based on the wide and detailed analysis of the opinions of outstanding politicians and scientists, unanimously seeing in Kyrgyzstan the strong development of democracy very unusual for Central Asian traditions and for contemporary existence of the young post-soviet states.

The validity and harmony of the democratic choice as the state strategy direction and as the moral ... of the society in Kyrgyzstan is approved by the "democracy checkpoint" - relation to the *human rights and freedoms* problem. It is remarkable, that this aspect takes a special place in the book, reflecting the deepest interests of the authors and registering the social temperature of the ideas of social humanism in this small country, which, by its democratic orientation has challenged the social inertia of the past and the territorial-state environment.

It is not occasional, that this book is created in the largest "laboratory" of the study and execution of the democratic ideas - Kyrgyz State National University, where the Educational Centre "Strategic Research of the governmental service and political science" during years accumulates the exploration of democracy problems, its in schools and universities of the country, its optimistic promotion for the population. The Centre scientists has edited a number of manuals, monographs, vocabularies, a number of reputed international seminars has been conducted by the Centre, where the human rights problems in Central Asia and Kyrgyzstan has been widely enlightened.

Simultaneously, this activity, which has got to the Centre the deserved international recognition, has expressed in the co-operation with the UNDP. As the characteristic feature of the conceptual relation to the question could be considered the recent proposal of one of the authors of this book, Minister of Education, Science and Culture of Kyrgyz Republic, academician S. J. Toktomyshev: "In the Day of Knowledge in Kyrgyzstan, during the conducting of the Manas Lessons in each school, first of all there should sound the documents and main theses of democracy about the Human rights and freedoms". Probably, by these words are determined the concept of the book offered to your attention and the social and moral determinant of life in Kyrgyzstan today and in the XXI century.

S. Aizenhayar
V.I. Shapovalov

Помимо самооценки — её шкала простирается от нарциссизма до критики — человеку небезразлично и мнение окружающих. «Глас народа» воспринимается либо болезненно (критика, особенно несправедливая), либо благожелательно — кто из нас устоит даже перед грубой лестью! Во многих случаях общественное мнение поможет изменить поведение человека, заставляет его более взвешенно подходить к собственному «Я». Государствам также полезно порой посмотреть на себя со стороны, так сказать, «чужим глазом». С небольшими оговорками утверждаем, что «домашние» — официальные ли, оппозиционные — издания редко выражают объективную точку зрения, дабы представление об истинном положении вещей. Не случайно хорошим тоном общественно-политической жизни многих государств является анализ материалов зарубежной печати, включая научные издания и средства массовой информации. В России, США, Великобритании, Германии, Франции, других странах определенные государственные, общественные и частные структуры специализируются в этой области, формируя дайджесты зарубежной прессы, аналитические обзоры, реферативные журналы и сборники. Российская Академия наук, например, издает реферативные сборники «Россия и её соседи», «Россия и современный мир» и т.д.

В советское время в нашей республике появлялись некоторые аналитические материалы американской, западногерманской и английской советологии и зарубежной прессы. Правда, работа была эпизодической и носила характер «праздного любопытства». Партийное руководство республики, впрочем как КПСС в целом, признавало советологические исследования чисто пропагандистским и идеологическим феноменом, отказывая им в сколько-нибудь научном подходе к советской действительности. Скажем, советологи А. Беннигсен, Э.К. д'Анкоис, Г. Симон, Г. Бреккер пессимистически прогнозировали перспективы национальных отношений в СССР. Конечно, вряд ли следует преувеличивать пророческие таланты советологов: распад Советского Союза даже их застал врасплох, но нельзя не отметить, что национальный фактор во многом сыграл роль «коварного вируса». Теперь уже бесспорный факт, что лозунговость внутренней политики КПСС сыграла злую историческую шутку со страной, коей по букве марксистского учения уготовано было явить миру торжество социалистического интернационализма.

За прошедшие годы утекло немало воды, прежде всего социально-исторической. Крупные подвижки произошли на международной арене: «двухполюсный» мир сменился «однополюсным». Социалистическая система разрушилась: большинство её стран пошло по дороге рыночной экономики. Перегруппировка военно-стратегических сил и интересов очертила новое геополитическое пространство. На постсоветских просторах также грянул гром. «Союз нерушимых республик» отныне — достояние истории. Дезинтеграция «супермногонациональной супердержавы» (Ю.Суровцев), скольжение по наклонной плоскости национал-радикализма стимулировали многочисленные конфликты, появление «горячих точек». Актуальность исследований постсоветских государств резко возросла. Говоря о причинах повышенного интереса к центрально-азиатским республикам журнал «Aus Politik und Zeitgeschichte» (Бонн) отмечал, что их внезапный выход на международную арену открыл пространство для геополитических перспектив и прогнозов: расширение «исламской дуги нестабильности» вокруг Центральной Азии и Евразии,

альтернативы турецкого и иранского путей развития, западно-секуляризованной и исламско-теократической моделей. В одном из номеров журнала «Business and the Contemporary World» Ф.Фэн констатирует пересечение в Центральной Азии интересов России, Турции, Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии. К тому же на Западе хорошо представляют значение Кыргызстана и других государств региона как емкого, многообещающего рынка, а также их промышленный потенциал и сырьевые ресурсы. Красноперчивое признание на этот счет высказал журнал «Business America»: «...закрытый более семидесяти лет центрально-азиатский рынок больше игнорировать нельзя».

Активно изучается центрально-азиатская тематика в США (Стэнфордский, Мичиганский, Южно-Калифорнийский и другие университеты и научно-исследовательские центры), Великобритании (Глазго, Лондон, Бирмингем), Германии (Бонн, Ганновер, Кельн и т.д.), Пакистане (Центр региональных исследований в Исламабаде). Она представлена в разнообразных изданиях: «The Russian Review», «The Wall Street Journal Europe», «Asian Survey», «Problems of Economic Transition», «Business Week» — все США; «Europe and Asia Studies», «Survival», «Journal of Peasant Studies», «Third World Quarterly» — Великобритания; «Aus Politik und Zeitgeschichte», «Aussenpolitik», «Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und Internationale Studien», «Geografische Rundschau», «Der Spiegel», «IFO Schelldienste» — Германия; «Central Asia Journal» — Пакистан и др.

В постсоветский период в зарубежных странах опубликован ряд серьезных исследований, в том числе книги Р.Сани «The Revenge of the Past Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union», Л.Дунза, И.Добози, М.Радецкого «Energy and Economics Reformation the Former Soviet Union: Implication for Production, Consumption and Export», П.Кольсте «Russians and the Former Soviet Republics», Дж. Николс «Diplomacy in the Former Soviet Republics». Существуют долгосрочные научно-исследовательские проекты, например, университеты Мэриленда и Джона Гопкинса выступают спонсорами 10-ти томной серии «The International Politics of Eurasia: Newly Independent States Enter in the Twenty-First Century». Второй том под редакцией Романа Шпорлука посвящен проблеме национальных отношений в Кыргызстане и других странах постсоветского периода.

Осенью 1997 года нас созрела мысль дать репрезентативный обзор зарубежных публикаций по проблемам независимого Кыргызстана. Библиотеки нашей республики, к сожалению, не располагают соответствующими фондами, поэтому работа по сбору необходимых материалов велась в отделах истории и периодики Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской Академии наук (Москва). Хронологически зарубежные издания охватывают период 1991-1996 г.г., т.е. время крупных переломов в судьбах Кыргызской Республики. Мы стремимся как можно полнее представить палитру зарубежных оценок, прогнозов в отношении рыночных реформ, политических преобразований, межгосударственных отношений, исламской религии. Не претендуя на самостоятельное исследование этой многоаспектной проблематики, мы, тем не менее, не считаем возможным обойтись без скромных по объему комментариев: расходясь либо сходясь во мнениях с авторами цитируемых материалов, мы напоминаем, что у ученых Кыргызстана есть и своя точка зрения на многое из того, что происходило вчера, происходит ежедневно и произойдет в обозримом будущем.

ЛИКИ ДЕМОКРАТИИ

Человек - существо общественное, социальное. Пусть порой он нетерпелив, излишне притязателен, даже жесток к себе подобным. Но кто, спросим себя, добровольно согласится покинуть такой живой, многообразный, беспокойный, противоречивый мир человеческих взаимоотношений ради безмолвья, робинзонады? Французский писатель Антуан де Сент Экзюпери как-то назвал общение высшей роскошью людей. Только среди собратьев «разумное животное» побеждает страх одиночества, всеразрушающего времени, индивидуального небытия. Тысячелетиями социальность людей была единственным способом их физического, интеллектуального, психологического выживания и прогресса. Человеческий мир придает сильные импульсы творческой энергии и способностям индивидуумов, заставляя зачастую, не щадя своих сил, а то здоровья, упорно добиваться лавров признания, высокого социального статуса, славы, денег, почестей. Вспомним честолюбивых деятелей античности, средневековья, особенно Возрождения, новой и новейшей истории.

Глубина и полнота социального самовыражения, творческой реализации людей во многом зависят от принципов общественного устройства (в известное время политического). Человеческая цивилизация на своем веку с пристрастием экзаменовала общественно-политические системы: античную полисную демократию (например, Афины), восточную деспотию (древний Египет, Ассирия, Иран, Китай и другие государства), тиранию (средневековые города Италии), абсолютистско-монархические режимы (средневековые Испания, Франция, Англия, Российское государство и т.д.), тоталитаризм (фашистская Германия 1933-1945гг.), современные западные демократии (США, Германия, Великобритания, Франция, Швеция, Финляндия, Италия и другие.)

Сегодня хорошим тоном международной и внутривнутриполитической жизни стран признаются уважение и соблюдение основных прав и свобод человека, получивших всестороннюю разработку в ряде важнейших международно-правовых документов, например, «Всеобщей Декларации прав человека» ООН 1948 года. Как средство обеспечения социально-

экономических, политических и иных прав и свобод человека демократия - если она не фиговый листок — предпочтительнее других общественно-политических систем и институтов. В конце XX века невозможно, как в былые времена, отгородившись от мирового сообщества и отмахиваясь от докучливых замечаний, вершить политику по своему пониманию и разумению. По замечанию Р. Кэнфилда новые средства коммуникации (телевидение, видеоаппаратура и т.д.), и информационные технологии оказывают повсюду сильнейшее воздействие на социальную и политическую действительность. (1) Центральная Азия без помех слушает "Би-Би-Си", "Голос Америки", радио "Свобода" и радио "Свободная Европа". Зоркому глазу кинокамеры, газетчикам, журналистам, социологам ныне доступны даже "медвежьи" уголки планеты. Политические и общественные деятели попадают под «перекрестный допрос» средств массовой информации, уполномоченных международных организаций, хотя, разумеется, не обходится и без спекуляций по поводу соблюдения политических прав человека, национальных меньшинств и т.д. Мировая общественность, многие ученые испытывают, как нам кажется, преувеличенный пиетет к демократическим ценностям и идеям. Фрэнсис Фукуяма в нашумевшей книге «The End History and The Last Men» заверяет: грядущее всемирное торжество западной демократии приведет к завершению всемирной истории. Дескать, весь ее ход с конца XVIII века, времени Великой Французской революции неумолимо свидетельствует в пользу этой тенденции. Питательной средой такого сверхоптимизма, явилось «... падение берлинской стены и коммунизма, что воспринималось как почти повсеместное и автоматическое укрепление институтов демократии и рыночной экономики». (2) Впрочем, многие современные ученые, политики и журналисты, ввиду непрямолинейного, противоречивого характера демократических преобразований и альтернативных возможностей сдержанно оценивают концепцию Фукуямы.

Не вдаваясь в детали спора, напомним, что для целого ряда стран демократия — сознательно выбранный путь общественного движения. Ф.Фукуяма справедливо, полагаем, писал: «Демократия никогда не может войти через заднюю дверь;

в определенном пункте развития общества она возникает как результат преднамеренного политического решения». (3) Чрезвычайно актуальна эта проблема для постсоветского Кыргызстана. Демократические процессы важны не только для нас самих, но и мирового сообщества в целом, международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, МВФ и другие). Предоставление международной (финансовой, технической, экономической) помощи, уровень доверия к республике зависят от размаха, последовательности демократизации общественной, государственной жизни, всех сторон действительности. Сошлемся в этой связи на доклад сенатскому комитету по иностранным делам США К. Брэдли и М. Мейнарда, проверявших в январе 1994 года осуществление американской помощи России, Казахстану и Кыргызстану. В докладе отмечается, что в жизненных интересах США развитие программ приватизации, создание новых рынков для американских товаров, демократизация и переход от военной экономики к гражданской. (4)

Мировая печать внимательно анализирует различные этапы демократизации в Кыргызской Республике. Логика демократических преобразований, политических и экономических реформ в Кыргызстане обязывает нас вернуться к их истокам - перестройке в СССР середины 80-х годов, когда ее глашатай Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев поставил задачу — извините за штампы — совершенствования реального социализма, ускорения социально-экономического и культурного развития, повышения качества политико-идеологической жизни общества. На острие перестройки находились общественные преобразования: осуществление социалистического самоуправления, углубление демократических начал в государственном управлении, использование всех форм непосредственной демократии, расширение гласности, гарантия социально-экономических, политических и иных прав и свобод граждан, укрепление социалистической законности, создание правового государства и т.д. Сам облик нового лидера правящей партии — молодежавого, явно выпадающего из обоймы геронтократов, словоохотливого, вездесущего, словно Фигаро, с открытой, казалось бы, всему неординарному душой, вызывал

сильные людские симпатии, будил надежды на лучшее; генерировал общественную энергию. В стране происходили невероятные вещи. Изумленно ехала советская публика при выборах директора завода микроавтобусов в Елгаве (Латвия), внимая необыкновенным и откровенным по тому времени устным и печатным выступлениям Г. Попова, М. Шаталова, Е. Гайдара, А. Аганбегяна, М. Шмелева, ненасытно проглатывая книги Д. Гранина, М. Дудинцева, М. Приставкина и других. Журавлиным клином потянулись в большую политику демократы, многие из которых, увы, оказались лжедемократами. Время, впрочем, расставило все по своим местам. Отсутствие целостного взгляда на цели перестройки, ясных ориентиров в окружающем мире, пристрастие к красноречию, а не живому делу, обусловили зигзагообразность, непоследовательность демократического процесса. Кстати, демократические институты поднимались в атмосфере советской политической системы, приводным ремнем которой по-прежнему была КПСС. Ее верхушка с неохотой соглашалась с радикальными переменами, ввиду угрозы собственному благополучию, обеспеченной сытости, поступала по классике: «шаг вперед, два шага назад». Перестройке суждено было остаться «голубой мечтой» ее стратегов. Вместо обновленной страны, миру явилась панорама рассыпающегося, а затем окончательно рухнувшего союзного государства. Видимо, прав А. Хан: советская система получила удары не снизу или сбоку, но сверху — от руководства страны. (5)

И все-таки в 80-е годы лед тронулся. Слово «демократия» вошло во всеобщее употребление, требование демократизации всех стороны жизни уже нельзя было держать под спудом. Конечно, амплитуда демократических процессов в новых государствах сильно различалась и различается в зависимости от традиций, обычаев того или иного народа, их подготовленности к восприятию определенных общественных ценностей. Первостепенное условие демократизации страны - соответствующий настрой лидеров, вкус к гуманистическим идеалам (без излишнего пафоса, как это часто бывает). Главные политические фигуры центрально-азиатских республик и Казахстана зарубежные аналитики и журналисты расставляют на черно-белом (авторитаризм-демократия) поле в иерархическом

порядке. «Journal of South Asian and Middle Eastern Studies» писал: "...когда одни республики Центральной Азии (Кыргызстан, Казахстан) приступили к демократическим реформам, другие например, Узбекистан, сопротивлялись эрозии авторитарного режима». (6)

Демократические процессы в Кыргызстане несколько запоздали по сравнению с европейской частью СССР. Только в конце 80-х — начале 90-х годов в республике появляются сначала русскоязычные, а позже и национальные общественные организации. Первое время эти организации («Ашар, «Ош аймагы» и другие) преследовали прежде всего социально-экономические цели, требуя решения, в частности, жилищной проблемы. В республике в очереди на жилье стояли сотни тысяч человек, в том числе в Ошской области - почти 60 тысяч человек или каждая шестая семья. Позже происходит политизация молодежных организаций. Весной 1990 года «Ашар» и «Ош аймагы» выступили с требованиями политического, экономического и культурного характера: регулирование миграции в республику, ускорение реализации Закона о языке. Помимо Фрунзе, национальные общественные организации появились в Оше, Майли-Сае, Таласе, Чолпон-Ате, Кара-Балте, Кеминском районе, Иссык-Куле. (7) Расширение географии национальных организаций сопровождалось структурными изменениями. В 1990 году оформилось демократическое движение «Кыргызстан ДДК» включившее в себя более 30 организаций («Ашар», «Асаба», «Атуулдук демилге», а также национально-культурные центры, «Славянский фонд», «Социал-демократы Кыргызстана» и т.д.). 11 ноября 1990 года Министерство юстиции начало регистрацию общественных организаций республики.

Определенный демократический опыт Кыргызстан обрел, по мнению Ю.Хаски, в ходе массовых дискуссий по проекту закона о государственном языке в 1989г., предполагающего коренное изменение государственной языковой политики в пользу кыргызского населения. На многочисленных митингах тысячи граждан энергично выступали «за» или «против» законопроекта. В Верховный Совет Киргизской ССР поступило более 30 тыс. писем. Но обстановка вокруг законопроекта

складывалось далеко не демократическая. Само название законопроекта, полагает Ю.Хаски, предполагало привилегированное положение кыргызского языка. Языковая реформа была частью революции «сверху», революции, бравшей начало в Бишкеке и Москве. (8) Чтобы гарантировать лояльность славянских критиков законопроекта, секретарь ЦК КП М. Шеримкулов напомнил депутатам Верховного Совета Киргизии о поддержке проекта закона Е.Лигачевым, связав их тем самым узами партийной дисциплины. 23 сентября Закон о государственном языке стал реальностью.

Культурная политика развела кыргызскую правящую элиту на три соперничающие группы и вопрос о языковой политике не исключение. Первая группа — интернационалисты: ее ядро составляли лидеры европейской общины и ортодоксальное крыло (в значительной степени этнические кыргызы) коммунистической партии. Они пытались заблокировать закон о языке и внести в «Декларацию о независимости» положение о статусе русского языка как государственного. Неудача вынудила их добиваться отсрочки реализации закона под предлогом возможных этнических насилий и массового отъезда европейцев.

Вторую группу составили националисты (руководители кыргызских националистических партий, часть кыргызской интеллигенции, аксакалы, местное чиновничество из районов с преимущественно кыргызским населением, особенно на юге). Они возлагали на русских всю вину за политические и экономические трудности и пытались исключить их культурное влияние. Цель националистов — быстрая и полная реализация закона о языке с минимальными уступками некоренному населению.

Среднее положение между обеими группами занимали умеренные во главе с президентом А.Акаевым. Умеренные больше тактики, чем стратеги: они шли на уступки обеим сторонам, чтобы избежать ухудшения социально-экономического кризиса. Признавая необходимость реализации закона, они высказывались в пользу постепенного перехода к кыргызской культурной и языковой автономии. Если националисты мыслят в понятиях нескольких лет, то умеренные

считают, что понадобится по крайней мере одно поколение. Такая политика, по мнению Ю.Хаски, защищала целостность государства и общества, их собственную политическую карьеру. Большинство русифицированных кыргызов не в состоянии политически конкурировать без наличия в стране крупной славянской общины и главной роли русского языка в политических дискуссиях. Как свидетельствует политический опыт плюралистических обществ, мультиэтническая центристская коалиция испытывает удары со стороны правых и левых, поэтому осуществление политики центра со временем становится весьма проблематичным.

Прелюдией современных демократических процессов в Кыргызстане Ю.Хаски называет выборы народных депутатов СССР в 1989 год, бросивших «вызов традиционной основе политической власти». Действительно, эти выборы напоминали порыв свежего ветра: рядовой избиратель вдруг почувствовал свою общественно-политическую значимость; у него появилось ощущение, что отныне он не статист с заранее приготовленной ролью, но распорядитель собственной воли, хозяин собственного слова. Выборы же — прежде ангажированные, под строгим оком номенклатуры — стали живым действием, принесли на избирательные участки шум и гам улицы, разногласье мнений.

Выборам 1989 года, полагает Ю.Хаски, присущи две важные черты: во-первых, многомандатная система, т.е. конкуренция нескольких кандидатов на одно депутатское место, во-вторых, уменьшение влияния коммунистической партии при выдвижении кандидатов (неоспоримая прерогатива в прошлые годы). Конечно, на выборах по-прежнему доминировали три основных источника традиционной власти в СССР — партийные и профсоюзные комитеты, а также администрация предприятий и учреждений, что обусловило в целом победу аппарата. Независимые кандидаты (феномен, скажем, прежде неизвестный — авт.), исключая коллективы исследовательских учреждений, популярностью в трудовых коллективах не пользовались. Ю.Хаски подчеркивает, что, несмотря на новый закон о выборах, по-прежнему довели старые политические традиции. Например, более половины одномандатных округов находились в Ошской области, известной экономической отсталостью и политическим

консерватизмом первого секретаря обкома партии Р.Кулматова. Мы можем прокомментировать эти «два шага назад» как попытку «ума, чести и совести нашей эпохи» забронировать депутатские места вполне конкретным лицам номенклатурного круга, на чем, собственно, десятилетиями держалась советская политическая система. К тому же из 347 кандидатов, первоначально выдвинутых в Киргизской республике, 103 человека сняли свои кандидатуры еще на окружных предвыборных собраниях. Тоже своевременный шаг, если усиленно опекать некоторых кандидатов. Избиратели в общем-то хорошо представляли себе советские традиции выборов, рассматривая кандидатов как ставленников аппарата, а не народа. Для избирателей, пишет Ю.Хаски, выборы были «политической сделкой: голоса в обмен на обещания помощи от аппаратчиков». (9)

По данным официального рупора КП Киргизии — газеты «Советская Киргизия» — к избирательным урнам пришло 97% избирателей, т.е., полагает Ю.Хаски, в целом казалось, что налицо традиционное политическое поведение советских граждан. И все же были очевидны новые тенденции. Партийный аппарат контролировал итог выборов уже в ограниченном объеме. Красноречивый пример тому — этнический, социальный и половой состав представителей Киргизской республики на 1-ом съезде народных депутатов СССР. Отмена квот (разнарядка) привела к тому, что среди депутатов оказалось меньше женщин, рабочих, представителей национальностей республики, особенно узбеков. Составляя в общей численности населения Кыргызстана 13%, узбеки получили всего 5% депутатских мандатов.

Ю.Хаски считает, что демократический опыт Кыргызстана в избирательной компании 1989 года занимал промежуточное — между прежними порядками и выборами в крупных советских городах, прежде всего Москве и Ленинграде — положение. Партийное руководство республики не смогло предотвратить серьезные сдвиги в общественно-политической жизни. Возникли противоречия внутри самой правящей элиты, главным образом в столице республики, а также русифицированными городами и азиатской глубинкой — отдаленными сельскими районами. Именно таким образом, была задана тональность будущего общественного и государственного развития.

Республиканские и местные выборы в Советы 1990 года еще в большей степени высветили новые очертания политической жизни Кыргызстана. Она испытывала жесткий прессинг острого жилищного кризиса (следствием чего явилось появление на окраинах городов самовольных застройщиков); укрепили свое положение неформальные молодежные организации; был принят Закон о государственном языке, который, как известно, стимулировал миграцию русскоязычного населения за пределы республики. На этом фоне 25 ноября 1989 года, ровно за 3 месяца до выборов началась избирательная кампания на основе нового Закона о выборах, значительно демократизировавшего их процедуру. Месяц отводился на выдвижение кандидатов, неделя - на формальную регистрацию и 7 недель - на активную предвыборную деятельность.

Ю.Хаски полагает, что уже на стадии выдвижения кандидатов сказалось преимущество аппарата, в частности, основное право выдвижения принадлежало крупным трудовым коллективам, что заведомо ставило в невыгодное положение независимых кандидатов и небольшие по численности трудовые коллективы. К тому же республиканские и окружные избирательные комиссии комплектовались сторонниками партийного аппарата. Серьезным нарушением демократических принципов явилось решение властей республики, чтобы ведущие партийные руководители и правительственные служащие баллотировались на безальтернативной основе. Например, из 350 мест в Верховный Совет Киргизии 86 были безальтернативными. Первый секретарь ЦК КП Киргизии А.Масалиев баллотировался в сельском районе, где некогда был первым секретарем райкома партии. Материалы республиканской прессы свидетельствуют, что кандидаты выражали преимущественно консервативные настроения. Большинство из них акцентировали внимание на необходимости единства, социальной защищенности населения в условиях сложной экономической ситуации. Сравнительно слабыми были требования углубления гласности, демократизации и экономических реформ. И реформисты и консерваторы много говорили о проблемах экологии Иссык-Куля.

Мирное течение избирательной кампании нарушили

события 25 января, когда кыргызская молодежь организовала первую массовую демонстрацию во Фрунзе. Первоначальное мнение, что-де она вызвана слухами о возможном переселении в республику беженцев из района армяно-азербайджанского конфликта, развеяла, утверждает Ю.Хаски, даже официальная печать, признав ее националистический характер. Демонстранты требовали от политического руководства скорейшей реализации «Закона о государственном языке». А.Масалиев, хотя и отказался от прорусской языковой политики Т.Усубалиева, тем не менее отверг их требования. Демонстранты настаивали также на решении жилищного кризиса, особенно актуального в Ошской области. По меркам горбачевской эры размеры недовольства были скромными. Однако опасаясь усиления межэтнической напряженности и провала выборов, руководство республики предприняло контрмеры - к кыргызской молодежи обратился Ч.Айтматов, начался месячный открытый форум с молодежью, последовали напоминания о силе государства в лице КГБ, МВД, прокуратуры.

Выборы дали партийному аппарату значительное преимущество во вновь избранном Верховном Совете: прошли все 40 секретарей райкомов партии, 2 секретаря обкомов и 4 секретаря ЦК КП Киргизии; председатели колхозов и директора совхозов получили 39 мест. Ю.Хаски резюмирует итоги выборов следующим образом: «Такое положение вещей представляет собой известные образцы парламентского представительства должностей, но не народа». (10) Тем не менее партийно-правительственные представители столкнулись с невиданным прежде явлением в истории Советской Киргизии - оппозиционными настроениями и поведением. В частности, против кандидатуры А.Масалиева на пост председателя Верховного Совета Киргизии проголосовало 46 депутатов.

Выборы представляют обществу возможность периодически перераспределять политическую власть и переориентировать политику. Государство же использует мандат избирателей для собственной легитимации, т.е. узаконения. Если политическая система эволюционирует от традиционной власти к избирательной системе как основы поддержки, она приглашает народ к активному участию в общественной жизни. В этом случае

переходное общество должно создавать институты, способные регламентировать, регулировать и направлять это участие. Опасность всех трансформирующихся обществ заключается в том, что резкая активизация, участия общественности в политической жизни донельзя загружает слабые институты власти и управления. В конце советской эпохи в республике отчетливо проявились симптомы этой дилеммы модернизации.

Явная беспомощность партийного руководства Кыргызстана, его неспособность держать бразды общественного управления в своих руках, остро проявились летом 1990 года на юге республики — в Ошской области, когда во время межэтнических столкновений кыргызов и узбеков на почве сложнейших социально-экономических проблем погибло более 200 человек и несколько сот человек получили ранения. М.Б.Олкотт, анализируя проблемы области, прежде всего национальные, сравнила ее с известными районами Европы — Судетской областью и Эльзас-Лотарингией. (11) Зарубежные политологи и журналисты единодушны в оценке причин и — что нас прежде всего интересует — возможных и реальных последствий трагедии. Насилие стимулировали этнические чувства и экономические лишения. Составляя 25% населения Ошской области, узбеки имели непропорциональное представительство в партийных и советских органах. Безработица охватила десятки тысяч людей. А.Патняк считает, что в условиях плановой экономики СССР структурная безработица являлась основной чертой сельских районов. К тому же сказывались демографические, образовательные и культурные особенности: крайне низок был уровень материального благосостояния. По оценке МВФ и Международного банка 30-50% жителей Средней Азии имели уровень доходов ниже черты бедности по сравнению, например, с 2% эстонцев и 5% русских. Потребление мяса, молочных продуктов, яиц в Средней Азии составляло менее 50% от потребления в республиках европейской части СССР. О фактической стороне событий, анализе их причин достаточно сказано, полагаем, на официальном уровне, в республиканской прессе, научных публикациях, поэтому затронем главные, существенные выводы зарубежных специалистов. А.Рашид подчеркивает, что «этническая враждебность кыргызов и узбеков

на юге взорвалась подобно вулкану, лава которого должна была решительно изменить политику руководства». (12) Ю.Хаски считает, что эти события стимулировали требования реформ сверху и снизу, начали разрушать единство политической элиты республики, о чем свидетельствовал конфликт А.Масалиева и А.Джумагулова на XIX съезде компартии Кыргызстана по поводу государственного суверенитета республики. (13) А.Боздаг подчеркивает важную роль в демократизации страны неформальных групп «Аскар», «Ош аймагы», «Акыйкат» и других, оказавших заметное влияние на ошские события. По его мнению, перечисленные группы представляли «справедливые требования населения к старому консервативному аппарату управления». (14) Р.Кайзер по-своему видит последствия событий: подобные инциденты против представителей других национальностей в сочетании с усилиями изменить систему этнической стратификации в пользу титульной нации, создают благоприятный климат для ксенофобии, причем она может сопутствовать демократии. (15) Р.Кайзер и некоторые другие ученые обозначили такое явление «этнической демократией» в отличие от либеральной. (16) Имеется в виду доминирование одного этноса (в данном случае кыргызов) в различных сферах жизни общества. А.Боздаг, признавая симбиоз национализма и демократии в Кыргызстане, допускает возможность этнических столкновений и дискриминации национальных меньшинств, в том числе в политической сфере, властных структурах, что препятствует внутривластным сотрудничеству. (17)

Итак, зарубежные аналитики соглашались, что ошские события дали новый импульс развитию демократии. С этого времени можно отметить своего рода крещендо демократических настроений и усилий. Прежний политико-административный аппарат по сути дела на глазах утрачивал свои властные функции, сколько-нибудь приемлемый образ власти. Водоразделом политики стагнации и политики радикальных реформ явилась чрезвычайная сессия Верховного Совета Киргизской ССР 23 октября 1990 года. За стенами парламента раздавались требования отставки обанкротившегося руководства республики; в самом Верховном Совете образовалась первая парламентская оппозиция, получившая поддержку 117 депутатов из 350. Сессия

подняла вопрос о власти, уроках этнического насилия, темпах продвижения к рыночной экономике и прочее. Ответы на поставленные вопросы дал не партийный аппарат, но Верховный Совет. Согласившись ввести президентское правление, депутаты проголосовали против кандидатуры А. Масалиева. Президентом избрали А. Акаева, сторонника горбачевской политики реформ. Тем самым, утверждает Ю. Хаски, в Кыргызстана началась новая политическая эра. Зарубежная печать дает различную оценку А. Акаеву.

Начнем с обобщенного политического портрета лидеров республик Центральной Азии: "Их психология глубоко коренится в социальных и политических институтах Советской власти. В поведении лидеров больше элементов преемственности, чем изменений; разрыв с прошлым менее ясен по сравнению с другими регионами бывшего СССР. Одна из причин такого положения — неоднородность политической культуры в советской системе. Республики Центральной Азии сохранили элементы патерналистского восточного общества в сочетании с авторитарными методами коммунизма. Президенты в различной, конечно, мере представляют собой "отцов", присматривающих за своими народами, причем такое их поведение находит поддержку. Дескать, мы, президенты, — и народ хотим одного: не выборов ради выборов, но решения проблем, по сути дела являющихся теми же, что и при Советской власти. Президенты думают, как обеспечить людей жильем, водой, работой, потребительскими товарами, транспортными услугами, образовательными возможностями. Решение проблем мыслится в исключительно бюрократических, административных понятиях. Как и прежде, президенты обсуждают с руководителями районов проблемы урожая, потребительских товаров или цен. Это позднесоветский, перестроечный подход, когда пытаются улучшить систему, а не изменить ее. Знакомясь с заявлениями президентов относительно рыночных реформ, приватизации трудно удержаться от впечатления, что заявления делаются ради того, чтобы получить западные кредиты и покрыть бюджетный дефицит. Подлинного перехода к индивидуальной инициативе до сих пор нет. Институты, обеспечивающие развитие эффективного социального и

демократического капитализма неизвестны. Приватизация проводится в надежде избавиться от неэффективных действующих предприятий. Ростки понимания роли законодательства только пробиваются. Спустя 5 лет оппозиция усеченным реформам стремится не подтолкнуть, но остановить их ход, заявляя, что, мол, поскольку приватизация и реформы не улучшили положение простых людей, от них следует отказаться.

Основные приоритеты президентов — прочно удерживать власть, избегать политических столкновений, могущих осложнить ситуацию и вызвать в обществе разногласия, когда, напротив, чтобы выжить, требуется единство. Президенты хорошо усвоили, что необходимы международные доноры. Следовательно, частью президентской стратегии выживания является сознание, что по отношению к России они являются наиболее надежными членами СНГ, Пакистану и Ирану — мусульманами, Турции — турками, Европе — почти европейцами, вошедшими через заднюю дверь членства бывшего СССР в Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе". (18)

Аналогичную точку зрения высказывает И. Райсснер: "Благодаря взаимосвязи географического положения, экономической неразвитости и экологической ситуации недостаточно определить внешнюю политику государств Центральной Азии как политику внешнеэкономической деятельности. Пожалуй, наиболее точно передает истинное положение вещей слово "политика выживания", Международная помощь, наряду с утверждениями о независимости является вторым принципиальным моментом внешнеполитических усилий всех пяти государств региона". (19)

А. Боздаг охарактеризовал А. Акаева как человека, стремящегося найти выход из тяжелого экономического положения на основе приватизации аграрного сектора, промышленных предприятий, децентрализации производства, создания совместных предприятий, установления зон свободной торговли. "В настоящее время либерала А. Акаева необходимо рассматривать как важнейшую фигуру национальной интеграции и представителя демократических процессов". (20) Ригмар Остеркамп подчеркивает, что президент А. Акаев использует все

возможности в интересах политических и экономических реформ.(21) Ш.Ислам считает А.Акаева "мотором" демократических процессов в Кыргызстане. Парадоксально, что демократические реформы проводит по сути дела один человек.(22) Ш.Ислам выражает опасение: продолжит ли преемник президента его политический курс?

К сожалению, опасения Ш.Ислама имеют под собой почву. Демократические институты в переходных странах слишком слабы, чтобы автоматически обеспечить преемственность политики, гарантировать незыблемость фундаментальных принципов общественной жизни. Разумеется, даже в странах развитой демократии выборная кампания мало напоминает идиллическую картину, всеобщую умиротворенность и согласие. Повсюду кипят страсти: политологи, журналисты и социологи, словно шаманы, заклинают, уговаривают, запугивают рядового избирателя; средства массовой информации выплескивают на общественность ушаты компромата, а сами претенденты действуют отнюдь не в "белых перчатках". Но заметим: на кону стоят личные, партийные, групповые и иные амбиции и притязания. Вопрос - быть или не быть демократии - вообще не фигурирует в общественном сознании. Кандидаты в президенты даже "про себя" не замахиваются на общепризнанные идеалы; в противном случае их удел - политическое небытие. В переходных же странах существует вероятность того, что уход политического лидера повлечет за собой демонтаж демократической системы. Поэтому необходимо сделать демократические процессы необратимыми, невзирая на те или иные качества главы государства.

В нынешних политических и экономических преобразованиях в государствах Центральной Азии некоторые зарубежные аналитики видят сильную печать реформистской политической мысли джадидистов Татарии и Средней Азии XIX-XX в.в. Основатель джадидизма казахский просветитель Чокан Валиханов критиковал архаичные нормы исламской культуры. М.Эффенди утверждает, что техническое и культурное состояние Запада вынудило его выступить в пользу вестернизации.

Наиболее выдающейся фигурой джадидизма признается Исмаил Гаспринский (1851-1914гг.), испытавший сильное

воздействие славянофильских идей, французского либерализма, романтизма младотурков и младогерманцев. Признавая мощное влияние России на мусульман, он пропагандировал концепцию либерального пантюркизма. В отличие от своих предшественников Исмаил Гаспринский верил в идею Дар-Уль-Ислама как объединяющего начала в развитии национализма, но вместе с тем осуждал насилие и антизападные идеи. Полагая, что русские и мусульмане должны жить вместе, он отвергал радикальный панисламизм Джамалутдина Афгани. Гаспринский считал вооруженную борьбу против русских бесперспективной, ввиду культурной отсталости, политической раздробленности, нехватки ресурсов мусульманского общества. Подлинное спасение, мол, лежит в прагматизма, признании превосходства европейской культуры, модернизации исламского образа жизни до определенного европейского уровня. Он полагал, что ислам достаточно силен, чтобы принять вызов европейской технокультуры и соперничать с ним, не теряя при этом свой дух.

Последователи Гаспринского разделяли его мысли, предлагая равноправное партнерство с российской монархией. Царь Александр II, по их мнению, понимал потенциал мусульманского дружелюбия. Но к несчастью, пишет М.Эффенди, после убийства Александра джадидисты не пользовались вниманием российских властей. Джадидисты, впрочем, сделали отчаянную попытку, сотрудничать с большевиками. Этот уникальный эксперимент с благословения В.Ленина продолжался с 1918 по 1928 годы. Политика И.Сталина убила и джадидистское пантюркистское движение и исламский коммунизм С.Галиева. И все же, полагает М.Эффенди, джадидизм выжил и проявил себя в новых условиях. Концепция джадидистов стала явлю государств Центральной Азии, реальность которых незначительно отличается от ситуации рубежа XIX-XX вв.: прежде всего сбалансированность всеобщего избирательного права, современного образования и религиозных ценностей в центральноазиатских обществах. (23)

Новое подтверждение приверженности А.Акаева демократическим преобразованиям — его отношение к московскому путчу в августе 1991 года. А.Рашид одобряет позицию А.Акаева. В то время, когда другие руководители

среднеазиатских республик выжидали развязки событий, он оказал Ельцину недвусмысленную поддержку. В самой республике ортодоксальные коммунисты пытались 18-19 августа повернуть демократические процессы вспять, но эта попытка провалилась. Со своего поста был смещен председатель КГБ, войска МВД окружили здание ЦК КП Кыргызстана, заняли телеграф, радио- и телецентр столицы.

Крупнейшая демократическая организация республики ДДК поддержала А.Акаева, который, воспользовавшись сложившейся ситуацией, запретил на территории Кыргызстана деятельность коммунистической партии. Власть коммунистов в стране была окончательно сломлена. Попытка государственного переворота привела к установлению независимости Кыргызстана. 31 августа 1991 года в столице республики была принята соответствующая декларация. 31 октября 1991 года на президентских выборах А.Акаев вновь получил полномочия главы государства: за него на безальтернативной основе проголосовало 95% избирателей. В декабре того же года Кыргызстан вступила в Содружество Независимых Государств (СНГ), включившего ряд республик бывшего СССР.

По мнению зарубежных авторов, распад СССР явился полной неожиданностью для всех руководителей государств Центральной Азии. Перед независимыми странами встали многотрудные проблемы внешней политики, дипломатии, национальных отношений, экономики и, конечно же, демократии. Разумеется, в новых условиях было явно недостаточно инерции демократических преобразований, сообщенной перестроечными реформами М.Горбачева. Проблемы демократии в Кыргызстана приходилось решать в контексте осложнившихся межнациональных отношений, связанных с введением кыргызского языка в качестве государственного. Президенту А.Акаеву предстояло разграничить законодательную, исполнительную и судебную власти, создать общую систему противовесов, гарантировать создание демократического правового государства, допускающего существование оппозиции, свободы мнений, независимой прессы. Западные обозреватели подчеркивают, что уже первые шаги А.Акаева красноречиво подтверждали его демократическую позицию.

Хотя, например, запрет КП Кыргызстана оставался в силе, тем не менее в сентябре 1991 года А.Акаев защитил коммунистов ввиду возможных насильственных действий, заметив, что подавляющая часть коммунистов не несет никакой ответственности за действия и политику высших органов КПСС и КП Кыргызстана.

Важным фактором политической жизни Кыргызстана явилась ДДК, которое после получения независимости республики, ставило далеко идущие цели в отношении А.Акаева. Сопредседатель движения Т.Тургуналиев потребовал деидеологизации всех силовых структур республики: милиции, органов государственной безопасности, преобразования исполнительной власти, введения различных форм собственности, сокращения государственной собственности на 10-15%.

Заслуживает внимания, как нам кажется, зарубежный анализ характера и особенностей демократического движения республики. Существенную трудность для авторов публикаций представляет типология национально-демократических организаций, прежде всего в начальный период их существования. В частности, А.Боздаг называет то обстоятельство, что идеи национального движения разделяла часть республиканской правящей элиты. В период становления национально-демократическое движение преследовало социальные, экономические и религиозные цели. После установления независимости внутри самой оппозиции изменилась политическая конъюнктура и ее программные цели. На передний план все больше выходили проблемы демократии, внутригосударственные притязания и конфликты во поводу власти.

Отрицательно сказался на характере национально-демократического движения сюрприз в виде государственной независимости. Быстрый распад СССР воспрепятствовал всестороннему росту демократических сил. А.Рашид объясняет слабость национальной демократии, исходя из опыта Индии, Пакистана, Индонезии, Вьетнама и Зимбабве, где национально-освободительная борьба за независимость обогатила руководителей большим опытом; а цели народа и лидеров

совпадали. Борьба порождала огромную энергию, самопожертвование во имя народа. Кыргызстан не прошел такую политическую стадию; политические события едва затронули народ; отчуждение народа и властей, присущее Советской системе, возросло. Исчезла даже первоначальная эйфория, связанная с обретением независимости. Политическая культура находилась в застойном состоянии, а эстафету демократизации страны подхватило прежнее руководство страны. А.Боздаг и другие авторы подчеркивают весьма ограниченное влияние национально-демократических сил на общую ситуацию в республике. Среди причин называются финансовые проблемы, непрофессионализм кадров. Новая национально-демократическая элита состоит преимущественно из интеллигенции, интегрированной в существующие структуры власти и управления. В качестве примера подается (!?) «революционная демократическая оппозиция в Таджикистане, порвавшая все связи с правительством». (24) Узвимою пятой национально-демократического движения Кыргызстана считается отсутствие международных контактов и, следовательно, международной помощи.

Слабость демократического движения, полагают зарубежные обозреватели, потребовала от руководства республики форсировать демократические процессы, благодаря чему в большей или меньшей степени был предопределен кыргызский путь «демократии сверху». Руководство республики при А.Акаеве олицетворяет, по мнению А.Боздага, либеральную, демократическую элиту.

Политические же партии не смогли доказать, что они уже вышли из периода «разброда и шатаний». Конечно, они являются важным элементом демократического декора республики, признаком политического плюрализма, «реальных интеллектуальных и политических свобод». (25) Сегодня в республике насчитывается 15 политических партий, основные из них - «Эркин Кыргызстан», партия коммунистов Кыргызстана, партия Единства Кыргызстана, партия Ата Мекен. Другое дело — их реальный вес на политическом форуме. По мнению Ю.Хаски, политические партии Кыргызстана нисколько не преуспели в том, чтобы из групп известных людей превратиться

в массовые организации, способные снискать доверие избирателей. (26) Например, на выборах 1995 года одиннадцать политических партий получили всего 31 депутатское место. Даже коммунисты завоевали только три мандата, причем двумя они обязаны бывшим первым секретарям ЦК КП Кыргызстана Т.Усубалиеву и А.Масалиеву. Наиболее развитые политические объединения в значительной мере остаются на периферии политической жизни республики, оказывая слабое влияние на выработку политического курса и не пользуясь массовой поддержкой электората. Гораздо внушительнее выглядит в парламенте блок представителей республиканской и местной исполнительной власти, директоров предприятий, руководителей коммерческих организаций. Ю.Хаски поражается успеху «новой плутократии Кыргызстана» (27), получившей одну треть парламентских мест отчасти благодаря своим обещаниям улучшить экономическое положение. Такой быстрый подъем нового экономического класса в политическом отношении был весьма примечателен, если бы не одно обстоятельство: деловая элита в значительной мере вышла из старой советской номенклатуры. Зарубежные авторы подчеркивают, что своими успехами на экономическом и политическом поприще (рыночная экономика, парламентские выборы) партийно-комсомольско-профсоюзная номенклатура советских времен обязана сильным связям в управленческих структурах, навыкам организаторской работы, быстрой адаптации к новым условиям хозяйствования и политической жизни. «Печать» советского времени, полагают аналитики, вынуждает во многих случаях сомневаться в искренней приверженности новой плутократии демократическим нововведениям, курсу реформ в целом. Ю.Хаски к тому же считает, что парламентские выборы 1995 года углубят дифференциацию населения республики, причем скорее по национальному признаку, нежели социальному. Предварительные данные результатов выборов свидетельствуют, что подавляющее число парламентских мест принадлежит этническим кыргызам, русское же и узбекское меньшинства, составляющие 30% населения республики, получили только 15% депутатских мандатов. Такой результат был вполне предсказуем.

Характеризуя кыргызскую демократию середины 90-х

годов, Ю.Хаски пользуется новыми красками. Он утверждает, что завоевав Кыргызстану репутацию - часто вполне заслуженную - «оазиса демократии» в Центральной Азии, президент А.Акаев начал пользоваться методами, которые больше сродни авторитарному режиму, чем либеральным институтам. В частности, он закрывал оппозиционные газеты, например, «Республику», распустил до истечения мандата Жогорку Кенеш и в нарушение Конституции провел референдум, чтобы изменить институциональные черты политики Кыргызской Республики. К слову сказать, аналогичную точку зрения высказал К.Мэллоу, назвавший А.Акаева «западником в вопросах рыночной экономики и человеком Востока в вопросах демократии». (28)

Действительно, 10 января 1996 года состоялся референдум относительно разграничения полномочий двухпалатного парламента, уточнения отношений между Законодательным органом, Президентом и исполнительной властью и внесения соответствующих поправок в Конституцию КР. В Конституции 1993 года рецидивы старых подходов к организации власти не были преодолены до конца. Жогорку Кенеш определял основные направления внутренней и внешней политики, осуществлял контрольные функции. Данные положения Конституции свидетельствовали о серьезных изъянах и явно временном характере закрепленной в ней формы правления. Сохранение большого объема полномочий неподконтрольного и безответственного Жогорку Кенеша не соответствовало условиям переходного периода, поэтому первоначальная редакция Конституции 1993 года была обречена на пересмотр.

Референдум существенно изменил правовой статус президента КР. Именно он отныне является главой государства, высшим должностным лицом, олицетворяет единство народа и государственной власти, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры по защите государственного суверенитета, государственной целостности, обеспечивает взаимодействие органов государственной власти и управления, определяет основные направления внутренней и внешней политики КР, представляет ее внутри страны и на международной арене,

назначает и отзывает дипломатических представителей Кыргызстана в зарубежных странах и международных организациях, ратифицирует международные договоры и кредитные соглашения, издает нормативные указы законодательного характера, за исключением тех отношений, которые регулируются только законом. Референдум продлил полномочия Президента КР.

Президент А.Акаев, считаем, имел весьма основательные мотивы изменить структуру парламента. Однопалатный парламента не обеспечивал в достаточной степени представительство отдельных регионов Кыргызстана с их специфическими интересами и потребностями. Двухпалатный парламента гарантирует, наряду с общереспубликанскими, соответствующее представительство интересов отдельных местностей. Можно отметить и такое обстоятельство: парламентаризм в Кыргызстана слишком молод, чтобы сразу соответствовать закрепленному в политической теории и массовом сознании образу демократической законодательной власти. Тем не менее, в западных странах, при всех прегрешениях публичной власти, правящей элиты существуют ясно выраженные стандарты либеральной демократии, малейшее нарушение которых вызывает, мягко говоря, «легкое недоумение». Нам кажется, что властям республики следует учитывать возможную реакцию внешнего мира на те или иные действия шага.

Зарубежная пресса обсуждает причины «правого уклона» президента А.Акаева. Некоторые обозреватели рассматривают его новую тактику как временную меру, чтобы преодолеть оппозицию экономическим реформам и гарантировать социально-экономическую стабильность в особенно сложный момент истории Кыргызстана. Серьезную помеху реформам А.Акаева, полагают обозреватели, составляет часть чиновничества различного уровня, коррумпированность которого блокирует усилия реформаторов, существенно замедляя процесс преобразований. Еще в 1993 году Р.Остеркамп, оценивая факторы риска кредитования экономики Кыргызстана иностранными инвесторами, подчеркнул многочисленные, прежде всего на административном и неформальном уровнях

препятствия. (29) А.Рубинштейн отказывается верить в перспективы демократии в Кыргызстане, ввиду сильной коррумпированности ближайшего окружения А. Акаева. (30)

Да, злоупотребление служебными обязанностями, взяточничество, бюрократические проволочки приобрели в республике широкие масштабы. Центральные и местные газеты помещают массу разоблачительного материала, называются конкретные «герои», возбуждаются уголовные дела, выносятся приговоры, а «воз и ныне там». Мы считаем, что малоэффективные газетно-журнальные «громы и молнии» необходимо подкрепить действенной административной и судебной реформами, привлечением в государственное управление способных, честных кадров, его демократизацией, разработкой законов, защищающих и гарантирующих проведение реформ.

В настоящее время в Академии управления при Президенте КР А.Акаеве и в Учебном Центре КГНУ «Стратегические исследования государственной службы и политических наук» осуществляется подготовка госслужащих новой генерации. В январе 1998 года приняты концепция государственной кадровой политики, Президентская программа реализации государственной кадровой политики на 1998-2005гг., определена стратегия Административной реформы в КР. Разработаны различные аспекты Президентской программы: правовая и финансово-экономическая основа, научно-методическое обеспечение в сфере государственного управления, основные направления обновления кадровых служб органов государственной власти, механизм совершенствования управления системой кадровой деятельности, социальная значимость. Реализация этих документов должна преодолеть слабости и узкие места в системе кадровой работы, а именно:

- низкую правовую и исполнительскую дисциплину;
- низкий духовно-нравственный потенциал кадров управления;
- командно-нажимный стиль управления; бюрократизм.
- замедленный рост профессионализма и слабую адаптацию кадров к новым условиям кыргызской действительности;

■ недостаточно прочные основы правовой и социально-экономической защищенности кадров всех уровней и отраслей.

■ неоправданно высокий уровень сменяемости и неотработанность системы выдвижения по службе вплоть до выхода в отставку;

■ дисбаланс между нормативно-ценностными ориентирами работников, их невостребованность в повседневной работе;

■ стихийность, малоуправляемость кадровых процессов;

Что ж, теперь только остается ждать практической отдачи реформы государственного управления.

Другие зарубежные авторы расценивают новое поведение президента в качестве политически необходимой уступки мощным, консервативным силам республики и местной бюрократии. К слову сказать, доказывается разобщенность политической элиты республики. У.Хальбах замечает: «Наряду с межэтническими противоречиями, внутри самой кыргызской нации существуют социально-экономические, культурные, а также сильные региональные отличия севера и юга со своими городами-антиподами Бишкеком и Ош. Относительно небольшой Кыргызстан демонстрирует гетерогенность, вообще присущую Центральной Азии, что противоречит представлениям о монолитном Туркестане или Исламостане». (31) У.Хальбах констатирует существование в Кыргызстане устойчивых племенных, родовых (субнациональных) различий между кыргызами «правого крыла» (Чуйская, Ферганская долины Иссык-Кульская котловина); «левого крыла» (Таласская долина) и жителями пограничных с Таджикистаном районов и Памира. Однако, по его мнению, поскольку в условиях независимой республики сложилось современное сознание кыргызов, то усиленно раздуваемые местными политиками сепаратистские настроения до сих пор не получили массовой базы. Поэтому вряд ли возможен таджикский синдром. Свой взгляд на проблему имеет А.Боздаг: «Феодальные и дофеодальные отношения, - пишет он, - пережили в Кыргызстана реальный социализм, существование субнациональной идентификации оказывает влияние также на выбор президента. Кыргызская оппозиция упрекает А.Акаева "в

лоббировании «определенных племенных интересов». (32) А.Рашид полагает, что руководители Республик Центральной Азии являются заложниками родовых кланов, поэтому неудивительно, что А.Акаев и Н.Назарбаев, вышедшие из семей элиты кыргызской и казахской клановой системы, чувствуют себя в политическом отношении более уверенно, позволяя себе выражать открыто реформистские взгляды, нежели И.Каримов и С.Ниязов, которые не могут рассчитывать на территориальную или клановую основу. (33)

Исследования кыргызских ученых раскрывают в деталях особенности политического сознания и психологии кыргызов в зависимости от таких факторов, как родо-племенная принадлежность; местничество, регионализм. В одном из них отмечается, что в выборной кампании в местные Советы (1994) и Жогорку Кенеш (1995) в мононациональных районах и регионах доверенные лица кандидатов в депутаты, а также средства массовой информации в первую очередь обращали внимание избирателей на родословную кандидата, его землячество. Звучали традиционные выражения: *"Биздин жердин кулуну"* (букв. перевод — *жеребенок нашего района*), *"Озубуздуң бала"* (*свой парень*), *"Ал биздин уруудан"* (*он нашего племени*). В абсолютном большинстве набирал больше голосов и становился депутатом тот кандидат, который родился в том месте, где были выборы и окружной избирательный участок. Таким образом, подытоживает автор исследования, «в период выборной кампании местничество, регионалистские и нередко родоплеменные идеи резко выходят на первый план. За пределами родного аила, района не рискнули выставить свою кандидатуры не только политики и деятели местного масштаба, но даже известные деятели культуры, литературы, науки, бывшие руководители страны общегосударственного масштаба. Они также вынуждены были искать свои «малые родины» и родоплеменные корни». (34)

Высказывается также мнение, что А.Акаев разочаровался в ценностях классической демократии и выступает за альтернативный путь развития, соответствующий условиям и культуре Кыргызстана. Собственно говоря, «зеркальное отражение» европейских общественно-политических институтов,

традиций в Центральной Азии невозможно. Необходимо учитывать ментальность населения Кыргызстана, неординарность современного социально-экономического положения. Некоторые зарубежные специалисты поэтому предлагают проявлять благоразумие при реформировании общества, не совершать «резких прыжков в темноте» ввиду уникальности опыта государств Центральной Азии. Отмечается также тесная связь политических и экономических реформ в нашей республике. Ч.Макмиллан ставит в этой связи такие вопросы: способно ли прежде закрытое общество осуществить серию реформ без серьезных политических потрясений? Сможет ли правительство, приверженное принципам экономических реформ отделить фундаментальные экономические рыночные преобразования от политических реформ, не затрагивая при этом свою политическую легитимность? Окажутся ли в состоянии политическое руководство и складывающийся класс капиталистов (собственников) закрепить уже произведенные реформы? (35)

Вопросы, конечно, далеко не риторические. Взаимосвязь политических и экономических преобразований совершенно очевидна в Кыргызстане. Они как «сообщающиеся сосуды» взаимодействуют друг с другом. Можно ли, спросим себя, проводить рыночные преобразования, не затрагивая радикально законодательство, систему государственного управления? Нельзя закрывать глаза на такую проблему: ради чего проводятся демократические преобразования в политической, административной, законодательной областях. Если мы имеем дело с концепцией «искусство для искусства», то вряд ли такая демократия заслуживает дружного комплимента. Ценность демократических преобразований в конечном счете должна проявиться в различных сферах деятельности, сказаться на уровне и качестве жизни населения, «очеловечить» быт, досуг людей, обеспечить социальную защищенность общества. В противном случае наступает массовое разочарование в демократических идеалах, безразличное отношение к демократическим институтам общества. Искренние или демагогические демократические лозунги и заверения вряд ли могут даже в малейшей степени быть суррогатом жизненных

потребностей людей, уверенности в завтрашнем дне. Поэтому судьба демократических преобразований в Кыргызстане в значительном мере определяется успехами в сфере экономики, повышении материального благосостояния населения.

О понимание этих реалий свидетельствует мартовское (1998г.) послание президента КР А.Акаева парламенту и народу Кыргызстана «Генеральное наступление на социальном фронте: за качество жизни», которое поставило следующие задачи: во-первых, сокращение и преодоление бедности как общественного явления; во-вторых, создание эффективной системы социальной защиты населения; в-третьих, повышение качества человеческих ресурсов. В основе социальной защиты — государственная гарантия минимального уровня потребления и адресная поддержка социально уязвимых слоев.

Задачи, конечно, серьезные и приоритетные. Теперь дело за «небольшим» — переплавить благие пожелания и намерения в реальные социальные мероприятия. Жизнь показывает воочию, что порой между словами, пусть даже самыми обнадеживающими, и делами — огромная дистанция. Президент, правительство и Жогорку Кенеш нашей республики просто обязаны не допустить общественной девальвации государственных решений, потому что и без того слабые еще ростки и институты демократии могут сломаться под грузом сложных социально-экономических проблем.

КЫРГЫЗСТАН И РОССИЯ

Взаимоотношения России и центральноазиатских республик в 90-е годы являются животрепещущей проблемой многочисленных зарубежных публикаций. При этом авторы, как правило, выходят далеко за хронологические рамки, охватывая царский и советский отрезки истории. Такой исследовательский прием с методологической точки зрения вполне оправдан, ибо нынешнее состояние, например, кыргызско-российских отношений можно понять только в контексте прошедших десятилетий. Корни многих проблем (национальных, языковых и т.д.), а также плюсы современной действительности Кыргызстана (высокий уровень образования, развитая промышленная инфраструктура и др.), несомненно, следует искать в прошлом.

В 90-годы советологи значительно обновили свой концептуальный багаж, причиной чему была резкая смена социально-экономической, политической и идеологической обстановки на постсоветских просторах. Национальные отношения трансформировались в межгосударственные. Возникли качественно новые психологические образы государств, народов, «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Времена, когда Москва играла признанную роль «старшего брата» минули. Выживут ли дебютанты (постсоветские страны — авт.) международной политической арены или нет, ясно одно: надеждам 90-х годов суждено навсегда остаться элементом их коллективной памяти. Молодежь — первое поколение с опытом нынешнего десятилетия — воспринимает постсоветский мир таким, какой он есть. Она не «теряла» Советский Союз. (36)

Эмоции, впрочем, не могут заслонить реальной жизни, взаимного, пусть и не романтического «магнетизма» бывших советских республик, по крайней мере, России и стран Центральной Азии. Другое дело, что кто-то обзавелся новыми друзьями, завязал неожиданные знакомства, но прошлое напоминает о себе буквально на каждом шагу.

Долговременный и постоянный интерес России в Кыргызстане — русская община, составляющая ныне примерно 16% общей численности населения республики. Россия не вправе игнорировать «зов крови» своих соплеменников по многим соображениям, хотя как заявляет Г.Фуллер: «Действительный

статус и проблемы русского населения менее важны, чем то, как они разыгрываются политиками России. Националистические силы страны вынуждают даже либерала-интернационалиста Ельцина занимать оборонительную позицию. Вопрос о русских в «ближнем зарубежье» эксплуатируется в националистической демагогии». (37)

Общеизвестно, что положение и статус русскоязычных жителей Кыргызстана с конца 80-х годов драматически ухудшились. Закон о государственном языке 1989г. поставил под вопрос перспективы дальнейшего проживания на территории республики русскоязычного населения. Уже обсуждение Закона о языке выявило резкое несогласие с складывающейся языковой ситуацией национальных меньшинств республики. Разгоревшиеся страсти притупили

— мрачное

видение завтрашнего дня. Русскоязычное население было политически и морально дезориентировано, оказалось без «вины виноватым»; на него проецировались несправедливости и беды существующей политической системы. Национализм части населения; ударную силу которого составляла молодая сельская поросль, хлынувшая в города республики, в буквальном смысле захлестывал городские улицы, площади, базары, общественный транспорт. Правда, А.Рашид утверждает, что обычного в такой ситуации открытого общественного выступления против русского населения не было. То обстоятельство, что русские проживают здесь почти полтора века, создало скорее обстановку взаимного терпения, нежели ясного отличия колонизаторов и коренных жителей. Трудно отрицать, что русские «цивилизовали» Кыргызстан и другие республики Центральной Азии, приобщив их к современному миру. Русская культура послужила окном в европейскую культуру и даже местные реформаторы XIX века получали образование в России. Сочетание этого факта и невежества, страха и апологии затрудняли и затрудняют общественное положение националистических идей. Явный национализм звучит неискренне, особенно на русском языке, причём в условиях, когда он является единственным средством общения для всей Центральной Азии. Занимавшее некогда привилегированные

позиции русское население до сих пор является сильным национальным меньшинством, хотя ему и не очень-то рады. Само присутствие русских будет постоянно напоминать твердолобым националистам, что Центральная Азия в течение определенного периода немыслима без русской общины. Один этот факт вынуждает националистов умерить свой пыл и быть более прагматичными.

Тем не менее закон о языке, ошские события, ухудшающееся социально-экономическое положение побудили часть русскоязычного населения выехать прежде всего в Россию. У.Фирман писал: ...что авторы закона о языке вряд ли представляли себе его драматические политические и экономические последствия. (38) Значительные этнодемографические изменения в республике иллюстрирует следующая таблица:

(в тысячах человек). (39)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
русские	916,5	917,6	905,4	887,7	840,5	756,3	720,0	707,0	698,0
немцы	101,3	86,9	70,0	56,3	44,4	33,7	26,1	20,9	17,0
украинцы	108,0	107,2	104,4	101,1	93,3	81,2	75,7	73,1	70,0
белорусы	92	92	90	88	81	73	70	68	67

В процентном соотношении удельный вес некоторых национальностей в общей численности населения изменился таким образом:

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
русские	21,5	21,2	20,6	20,6	18,8	17,1	16,2	15,7	15,3
украинцы	2,5	2,5	2,4	2,3	2,1	1,8	1,7	1,62	1,5
кыргызы	52,4	53,0	54,0	55,0	56,0	58,0	59,7	60,3	60,8

В столице республики удельный вес русских с 1989 г.г. уменьшился с 55,7% до 47,37%. (40)

Сама Россия, особенно в начале 90-х г., охваченная обручем сложных проблем (безработица, дефицит жилья, реформы политической и экономической систем и т.д.) испытывала огромные трудности в обустройстве мигрантов из Центральной Азии, Кавказа и некоторых других районов бывшего СССР. Проблема беженцев занимали различные структуры Российской Федерации, в том числе Институты социологии, социально-экономических проблем народонаселения, проблем занятости РАН и Министерства труда, Федеральная миграционная служба, частные фонды. Были объявлены основы миграционной политики России, в том числе:

- защита прав и интересов граждан, проживающих как в республике, так и за ее пределами;

- управление миграционными процессами, регулирование въезда и выезда мигрантов в республику, оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам;

- содействие социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в РФ, создание законных и гуманных условий их приема и размещения;

- осуществление сотрудничества с мировым сообществом;

Однако реальная польза этих мер, впрочем, была невысокой. Чувство безнадежности подогревала внешняя политика России, с декабря 1991 года отражавшая взгляды евроатлантистов (А.Козырев, Г.Бурбулис, Е.Гайдар и др.), которые явно пренебрегали Центральной Азией, Кавказом, Ближним Востоком. (41) Подробно анализирует взаимоотношение России и республик Центральной Азии в начальный период их независимости Р.Даннрейтер. Политика А.Козырева, общий курс экономических и политических реформ Б.Ельцина носили прозападный, евроцентристский характер, что обусловило определенное дистанцирование — концептуально и практически — от исламского мира. Отчасти такая позиция объяснялась стремлением свернуть отношения с мусульманским миром, понесшим ущерб в советский период (афганская война,

вооружение Ирака, Ливии, Сирии и т.д.). Однако более важным являлись решительные возражения многих представителей новой русской демократической правящей элиты против слишком тесных связей с мусульманскими странами, особенно государствами Центральной Азии. Считалось, что демократия и либерализация экономики чужды культуре и традициям народов региона. Поэтому, мол, слишком тесные отношения с ними нанесут ущерб демократическим преобразованиям в России, а помощь отсталому югу тяжким бременем ляжет на программу радикальных реформ. (42) Такие соображения первоначально диктовали славянскую природу СНГ (Россия, Украина, Белоруссия). Запад по-своему устраивала внешнеполитическая концепция евроатлантистов: Россия должна была с его благословения обеспечить линию обороны против исламского фундаментализма.

Внешиполитическая платформа А.Козырева не пользовалась полной поддержкой российского истеблишмента. вызывая гневные филиппики, в том числе, противников реформ, сторонников Советской власти, критиковавших Б.Ельцина за развал Советского Союза. Правда, новое российское правительство игнорировало эту позицию. Более конструктивная критика исходила от евразийцев, защитников активной роли России в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, других регионах. Благодаря им Россия стала проводить активную и энергичную дипломатию. Создание Совета Безопасности России, его доминирующая роль в формулировании внешней

политики, означали решительные перемены. Преобладающий центристский состав Совета как в персональном, так и в идеологическом плане, привел к постепенному возникновению конкурирующей, если не превалирующей перспективы внешней политики России, философская аргументация и цели внешней политики России в значительной мере схожи школе евроатлантистов - обеспечение благоприятного международного климата в переходный для страны момент. Но евразийцы (Е.Примаков, А.Руцкой, Ю.Скоков, П.Грачев, Е.Шапошников и другие) полагали, что Запад не нуждается в сильной России, поскольку преследует собственные интересы на основе холодного расчета. Серьезным контраргументом евразийцев в пользу

переориентации внешней политики России были экономические соображения: ведь осуществление программы атлантистов предполагало более энергичное продвижение радикальных реформ, приватизации — важнейших условий тесной интеграции страны с Западом и международными экономическими институтами. Многие евразийцы были связаны с военно-промышленным комплексом, которому больше всего угрожала приватизация, прекращение государственных субсидий и т.д. Г. Фуллер грубо делит самих евроазийцев на «мистиков» и «прагматиков». (43) Первые подчеркивают «специфическую роль» и миссию России в мировой истории; следовательно, Россия несет особый моральный долг, отличающийся от «материализма» Запада. Вторые переносят акцент с религиозных или моральных мотивов на политику. Россия должна-де скорее пропагандировать собственную внешнюю политику, чем привязывать себя к американским и европейским противникам. Непосредственной целью российской внешней политики является обеспечение внутренних и внешних границ стран СНГ. Поэтому отношения России с членами СНГ — наиболее приоритетная проблема ее внешней политики. Государства Центральной Азии должны играть важную роль во внутренней и внешней стабильности и общей безопасности России. Интерес России в этом плане подогревает этнотерриториальный национализм.

Другой источник угрозы в Центральной Азии, по мнению евразийцев — влияние ислама, исламский фундаментализм. Уязвимость «южного фланга» служит своего рода предложением Ирану, Пакистану и Афганистану активно вмешиваться в социально-экономическую динамику республик Центральной Азии. Следовательно, для защиты уязвимых границ евразийского пространства необходимы совместные усилия стран СНГ с самой активной ролью России. Евразийцы в отличие от евроатлантистов не занимают в целом враждебную позицию к исламскому миру. Их сдержанность к исламу не является частью российского заговора и партнерства с Западом против ислама и мусульманского мира. Россия географически соседствует с исламским миром, ее собственное мусульманское население и отношения с республиками Центральной Азии

следует использовать для того, чтобы поддерживать тесные связи с Ближним Востоком и особенно государствами «южного фланга».

Журнал «Asia Survey» писал, что взгляды евразийцев по отношению к Западу не столько враждебны, сколько лишены эйфории и братства. Отсутствие сильной враждебности к Западу, желание России сотрудничать с ним отличают современную версию евроазийцев от традиционной, воспринимавшей Запад в качестве врага. Современное евразийство несет багаж прошлого, но выражает более реалистичный подход к проблеме власти, безопасности и некоторые элементы российского исторического опыта. Евразийство беспокоит «утопическая» природа вестернизации, страшит опасность последующего отчуждения части российского мира — азиатского и мусульманского. Со временем взгляды евроазийцев восторжествовали.

А. Хан утверждает, что смена политического курса ознаменовала учет новых реальностей, с которыми столкнулись Россия и государства Центральной Азии. Р. Даннрейтер пишет, что в России росло сознание того, что наличие в Кыргызстане и других странах Центральной Азии крупной русской диаспоры, многие представители которой занимали важные позиции в обществе, могло повлиять на местные события в благоприятном для России направлении. Правительство России было заинтересовано в интеграции русской общины, защите ее прав, что снижало возможность вынужденной массовой миграции русских на историческую родину, решало в какой-то мере проблему мигрантов. Поэтому 18 июня 1995 года было заключено Соглашение между Правительством КР и Правительством Российской Федерации о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев, одна из статей которого гласила, что «стороны обеспечивают на своей территории защиту переселенцев и членов их семей от любых действий в форме насилий, угроз и запугивания, а также иных действий по признаку пола, языка, религии, убеждений, экономического, имущественного и семейного положения, как со стороны государственных должностных лиц, так и со стороны частных групп, общественных объединений и других

организаций». 16 апреля 1998 года в Бишкеке подписано Соглашение между Федеральной миграционной службой Российской Федерации и Министерством труда и социальной защиты Кыргызской Республики о механизме реализации Соглашения 18 июня 1995 года. Россия все активнее выступает в пользу соотечественников за рубежом. Конечно, подразумеваются не военные акции, а экономические или юридические инструменты. Но даже сравнительно деликатные формы воздействия чреваты осложнениями, например, возможной негативной реакцией международного сообщества, угрозой региональной безопасности, «тем не менее курс на защиту русских не может отвергаться с порога только на том основании, что он не защищен правовыми положениями или грозит испортить отношения России с ее южными соседями. Проблемы, оставленные России уникальным государством СССР, тоже зачастую беспрецедентны, так что решать проблемы надо, сообразуясь с их сутью, с воплощенным в них советским историческим наследием, а не с только красивыми мировыми стандартами». (44)

Зарубежные авторы признают, что лидерам Центральной Азии удалось в целом контролировать ситуацию, поддержать гражданский мир, когда общественная атмосфера была перенасыщена националистическими разрядами, страхами, опасениями. Президент А.Акаев, по мнению Р.Даннрейтера, отразил общие чувства лидеров региона, заявив, что республики всегда были привержены России. А.Акаев и его сподвижники из числа умеренного крыла кыргызов понимали, что европейское население республики является ценным ресурсом политической и экономической модернизации. В последние годы принят ряд президентских указов, которые должны смягчить проблему русскоязычной миграции, в частности, о придании русскому языку статуса официального в местах компактного проживания некоренного населения.

Лидеры Центральной Азии не поощряют политики грубой дискриминации этнических русских. Лондонский журнал «The Economist» утверждает: дескать, сохранение памятников Ленину в республиках Центральной Азии свидетельствуют о желании их руководителей поддержать русскую культуру. Можно, конечно,

сомневаться: является ли Ленин символом русской культуры (скорее всего для части населения, включая кыргызское - он символ ушедшей эпохи, ассоциируемой часто с социальной защищенностью людей, оптимизмом), но очевидно одно — в республиках хорошо представляют себе, случись это, последствия массового исхода русскоязычного населения. К тому же сильный оптимизм лидеров региона относительно азиатско-тюркского и исламского блоков уступил место пониманию объективных реалий. «The Economist» писал, что в случае массовой миграции европейских граждан Турция, например, не смогла бы заменить человеческие ресурсы. (45) Г.Фуллер также считает, что отъезд русских, по крайней мере на ближайшие десятилетия, нанесет экономике сильный удар. Кстати, он подчеркивает обоюдные интересы российского и центральноазиатских правительств в цивилизованном решении проблемы русской диаспоры: «Лидеры Центральной Азии рассматривают связи с Москвой как средство укрепления своей власти... Ельцин же в свою очередь понимает, что здешние руководители, защищая интересы русского меньшинства, тем самым укрепляют его правый фланг от нападков сильных националистических групп». (46)

Многие зарубежные авторы анализируют сложности российской политики в регионе. Р.Даннрейтер, например, относит к ним определенные политические силы России, противодействующие тесным узам с Центральной Азией. Любой намек, что Россия будет вовлечена в военные конфликты укрепляет решимость этих сил требовать полного ее ухода из региона. В некоторых деловых кругах, мол, растет уверенность, что Россия несет в регионе тяжелое экономическое бремя, поэтому ей следует преследовать прежде всего собственные интересы. Необходимо считаться, продолжает Р.Даннрейтер, с позицией руководителей Центральной Азии, требующих полной гарантии независимости республик. Российское влияние в Центральной Азии приемлемо, если только она уважает и обеспечивает политическую независимость молодых стран. (47)

Общие интересы России, Кыргызстана и других государств Центральной Азии сосредоточены в сфере военно-стратегической безопасности. Напомним: дезинтеграция СССР внесла серьезные

коррективы в проблему обеспечения безопасности бывших границ союзного государства, в том числе южных. Между тем «южное подбрюшье» явно лихорадило: налицо были симптомы нестабильности, могущей опрокинуть равновесие военно-политических сил в регионе, вызвать крупный военный конфликт. Война СССР с Афганистаном привела к тому, что последний превратился в «пылающий остров». Помимо различных политических, национальных, племенных сил в усобицы вмешались иностранные государства. Напичканная современным оружием под завязку, страна выбрасывала огромные его партии на север: территорию Центральной Азии. Сюда же протоптали путь поставщики наркотиков. Центральная Азия в одночасье столкнулась с целым ворохом серьезных проблем, затрагивающих ее жизненные интересы.

Дестабилизирующей чертой новых республик региона было то обстоятельство, что ни одна из них не могла гарантировать собственную безопасность. В этом отношении они зависели, по мнению А.Рашида, от России и доброй воли своих непосредственных соседей. Впрочем, многие зарубежные обозреватели высказывают сомнения насчет прочности добрососедских уз, очерчивая круг проблем, способных взорвать относительный мир и спокойствие в регионе. Еще в 1992 году в Дюрхеймском университете (Великобритания) вышло исследование, в котором приводился внушительный список возможных этно-территориальных разногласий в Центральной Азии:

1. Переход Заравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи (Узбекистан) к Таджикистану.
2. Отделение Каракалпакии от Узбекистана.
3. Переход Каракалпакии к Казахстану.
4. Переход Каракалпакии к России.
5. Переход дельты Аму-Дарьи в Каркалпакии к Хорезмской области Узбекистана.
6. Переход горных пастбищ северной части Каратегина южных склонов Алая и Заалая (Таджикистан) к Кыргызстану.
7. Переход верхней части Сурхобской долины Узбекистана к Кыргызстану.

8. Переход северной части Каратегина от Узбекистана к Кыргызстану.
9. Переход таджикской части бассейна Ферганы к Узбекистану.
10. Переход таджикского Зеравшана к Узбекистану.
11. Отделение Горного Бадахшана от Таджикистана.
12. Создание кыргызской автономии в северной части таджикского Памира или переход этой территории к Кыргызстану.
13. Передача Баткенского района Ошской области Таджикистану.
14. Переход высокогорных пастбищ кыргызских склонов Алая и Заалая Таджикистану.
15. Переход кыргызской части бассейна Ферганы Узбекистану.
16. Переход северных районов Кыргызстана, прилегающих к Иссык-Кулю, Казахстану.
17. Переход части Ташаузского оазиса Туркмении Узбекистану.
18. Переход среднего Аму-дарьинского оазиса (Туркмения) Узбекистану.
19. Образование курдской автономии в Туркмении.
20. Образование автономии белуджей в Туркмении.
21. Переход части Мангышлакского полуострова (Казахстан) к Туркмении.
22. Переход земель междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи от Казахстана к Узбекистану.
23. Переход северных склонов Трансалийского Алату и Кунгель-Алату (Казахстан) Кыргызстану.
24. Образование немецкой автономии на севере Казахстана.
25. Образование русской автономии на севере Казахстана.
26. Переход северного Казахстана России.
27. Переход районов южного Урала и юга-запада Сибири в состав Казахстана.
28. Образование уйгурской автономии в Казахстане. (48)

М.Б.Олкотт пишет, что суровые реалии географической отдаленности, экономическая слабость ставят Кыргызстан в крайне уязвимое для внешнего давления положение, особенно со стороны своих соседей. Хрупкость доброй воли, по ее мнению, продемонстрировал май 1993 года, когда в ответ на введение Кыргызстаном собственной валюты, Каримов закрыл границу между Кыргызстаном и Узбекистаном. Что же касается «дальнего зарубежья», то определенную угрозу стабильности Кыргызстана видят в «уйгурской проблеме», что-де может вызвать серьезные осложнения с Китаем. К тому же «мусульманская общность всех титульных народов, тюркская всех их, кроме таджиков, языковая семья, давние традиции хозяйственной кооперации, двуязычие и т.д. - все это помешало образованию резких различий в представлениях о безопасности, но в этом как раз и заключена серьезная угроза безопасности в регионе. И титульное большинство и коренные меньшинства равно видят залог безопасности в достижении групповых преимуществ, отвоевании или удержании лучших мест под солнцем рынка, гарантированном доступе к непосредственно жизнеобеспечивающим ресурсам. Хорошо, если предметом домогательств оказываются различные преимущества или разные ресурсы. Когда же представления о безопасности замыкаются на одних видах деятельности, одних ресурсах, возможны самые жестокие столкновения». (49.)

В постсоветский период Центральная Азия являла собой картину сильных военных контрастов: Казахстан фактически стал ядерной державой; в Таджикистане в конечном счете началась гражданская война; Узбекистан полагался на военную помощь России; Кыргызстан объявил себя нейтральным государством. После развала СССР было создано совместное военное командование стран СНГ. В 1992 году по утверждению А.Рашида, под совместным командованием России и центральноазиатских государств находились значительные вооруженные силы: в Таджикистане - 6 тыс. солдат; Кыргызстане - 8 тыс., Узбекистане - 16 тыс., Туркмении - 34 тыс., Казахстане - 63 тыс. регион располагал 4000 танков, 10000 бронетранспортеров, 3200 артиллерийских орудий и 220 самолетов, а потенциал Казахстана насчитывал 104 ракет СС-18

с 1400 боеголовками, полетная дальность которых составляла 11200 километров. Мощность каждой боеголовки была эквивалентна 500000 т. тринитротолуола. Совместное военное командование не смогло разработать новую военную доктрину. Впрочем, замечает А.Рашид, в этой ситуации не было ничего удивительного, потому что, во-первых, генералы не знали точно круга своих полномочий, во-вторых, республики скорее радели о своих интересах, нежели общей стратегии Центральной Азии. Ситуация осложнилась в марте 1992 года, когда Россия заявила о создании собственной армии и Министерства обороны. Для республик Центральной Азии это явилось тяжелым ударом. Они вынуждены были приступить к формированию собственных вооруженных сил. На встрече лидеров Центральной Азии в Бишкеке в апреле 1992 года президент Н.Назарбаев предложил заключить соглашение о совместной обороне, которое затем должно стать частью пакта с Москвой. Ввиду разногласий, например, Туркмения вообще отказалась сотрудничать в этой области с другими государствами Центральной Азии; добиться результата относительно коллективной системы безопасности не удалось. В июне 1993 года было распущено совместное военное командование.

Однако вскоре реалии взяли вверх и Россия переменяла свое решение. Икбал Тарин убежден, что к этому шагу Россию подтолкнули такие геополитические факторы, как: 1. Стремление обеспечить границы от идеологического, политического и религиозного влияния южных стран дальнего зарубежья; 2. Неофициальное соглашение Москвы и Запада относительно того, чтобы Россия играла главную роль в регионе. По мнению И. Тарина, мир вновь разделен на сферы влияния США и России. Великий защитник демократии, как именуют себе США, - пишет он, - не желает процветания и укрепления различных районов мира. Центральная Азия - эти земли не имеющие доступа к теплым водам, - не представляют интереса для Запада. Центральная Азия должна остаться нейтральной, буферной зоной, не имеющей ни политического, ни экономического значения. (50) Основной задачей России на южном направлении является сохранение и упрочение своего влияния на Центральноазиатский регион, обеспечение гарантированной

охраны слабо защищенных южных рубежей СНГ. В достижении этих целей надежным партнером России может стать Кыргызстан, считающий ее своим основным стратегическим партнером. Сотрудничество России и Кыргызстана в военной области развивается на двусторонней основе. Его главные принципы заложил «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан» от 10 июня 1992 года, определивший взаимные обязательства в обеспечении совместной оборонной политики и обороны сторон, оказании помощи, в том числе, в случае агрессии или угрозы агрессии в отношении одной из сторон и т.д. 5 июня 1993 года Кыргызстан и Россия заключил «Договор о сотрудничестве в военной области», очертивший главные направления военного сотрудничества:

- ◆ размещение военных объектов одной стороны на территории другой;
- ◆ сохранение сложившихся связей по производству, ремонту и обеспечению вооружением, военной техникой и т.д.
- ◆ сотрудничество в экспорте вооружения и военной техники с третьими странами;
- ◆ совместное использование военных полигонов и учебных центров;
- ◆ подготовка офицеров, прапорщиков, сержантов и младших специалистов;
- ◆ обеспечение социальных и правовых гарантий военнослужащим, членам их семей и лицам, уволенным с военной службы;
- ◆ взаимодействие сил и средств ПВО;
- ◆ совместное использование военной инфраструктуры частей ВВС и авиационных частей ПВО;

За прошедшие годы Россия и Кыргызстан подписали на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровне около 20 нормативно-правовых документов по вопросам военного сотрудничества и охраны границ; в частности, соглашение «О порядке использования российских военных объектов на территории КР и статусе военнослужащих Вооруженных сил РФ в КР», «Соглашение

между Кыргызской Республикой и Российской Федерации по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Кыргызской Республики», Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации в области противовоздушной обороны», Соглашение Министерства обороны КР и Министерства РФ. «Об организации приема аэродромно-технического обеспечения и охраны военных воздушных судов на военных аэродромах ВС КР и ВС РФ» и др. Кыргызстан заинтересован в развитии военного сотрудничества с Россией в охране кыргызско-китайской границы, подготовке военных кадров. В 1996-1997 гг. в военно-учебных заведениях России, помимо различных курсов, обучалось свыше 450 курсантов и офицеров. Большое значение для Кыргызстана имеет создание системы противовоздушной системы, основные затраты при этом несет Россия. В 1997-1998 гг. например, Россия должна выделить на эти цели 14,22 млрд. неденоминированных рублей. В Министерстве обороны Кыргызстана уже работала группа специалистов, которые занимались техническим освидетельствованием, ремонтом и восстановлением вооружения и техники ПВО республики. Кроме того, отдельный мотострелковый батальон Кыргызстана совместно с российскими пограничными частями осуществляет охрану таджикско-афганской границы.

Боевая готовность соединений и частей Кыргызстана зависит от обеспечения военной техникой, комплектующими, запасными частями, инструментами и принадлежностями, другими материальными средствами. По международным критериям армия должна ежегодно обновлять 9-10% своего вооружения и техники. В течение первых лет своего существования Вооруженные силы Кыргызстана довольствовались оставшимися от Советской Армии небольшими запасами, поэтому военный союз с Россией является одним из основных гарантов военной безопасности Кыргызстана. (51)

Широко признают зарубежные аналитики взаимные торгово-экономические интересы России, Кыргызстана и других

государств Центральной Азии. В советское время экономика СССР представляла собой вертикально интегрированную, административно-командную систему с централизованным распределением материальных, человеческих, технических и финансовых ресурсов. Множеством нитей республики были привязаны к другим районам страны и прежде всего Российской Федерации. Кыргызстан получал большой ассортимент промышленных и потребительских товаров: нефтепродукты, уголь, автомобили, цветные и черные металлы, прокат, железнодорожный подвижной состав, продукцию химической промышленности, радиоаппаратуру и бытовую технику, строительные материалы и т. д. Кыргызстан в свою очередь поставлял в общесоюзный фонд хлопок, шерсть, мясо, овощи, фрукты, промышленные и потребительские товары.

Развал СССР нанес огромный ущерб всем без исключения, бывшим республикам. Примерно 50% интенсивности промышленного спада объясняется разрывом хозяйственных связей. В 1992 году валовой продукт в Кыргызстане сократился на 32%, в 1993-1994 гг. соответственно на 16% и 6,6%. Резко ухудшились все экономические показатели. По данным Всемирного банка индекс оптовых цен в 1993 году по сравнению с 1990 годом увеличился в 130 раз, индекс потребительских цен — в 23 раза. (52)

Торгово-экономические отношения России и Кыргызстана испытывали воздействие политических, правовых, этносоциальных факторов. Бывшие члены одной семьи пытались определить собственные национальные интересы, круг новых друзей, принципы взаимоотношения со странами ближнего и дальнего зарубежья. Россия, например, осуществляла концепцию евроатлантистов; Кыргызстан же стремился подчеркнуть свою независимость. После повышения цен на нефть и газ, перевода платежей за энергоносители на счет государственного долга, Кыргызстан осознал, что взаимодействие с Россией является основным условием экономической стабильности. Потребность в российской помощи подтверждает исследование жизнеспособности республик Центральной Азии, проведенное экспертами Дойче Банка на базе двенадцати важнейших экономических, социальных и геополитических показателей: при

максимальных 120 баллах Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Кыргызстан и Таджикистан набрали соответственно 55, 32, 27, 24 и 18 баллов. (53) Торгово-экономическое взаимодействие России и Кыргызстана осуществляется в рамках СНГ и на двусторонней основе. 8 октября 1992 года в Бишкеке было подписано Соглашение «О Свободной торговле», которое предусматривало:

- применение таможенных пошлин, налогов и сборов;
- отказ от применения дискриминационных мер в отношении импорта и/или экспорта;
- расчеты и платежи между договаривающимися сторонами;
- обмен информацией о правовом регулировании;
- обязанности по недопущению недобросовестной деловой практики;
- обязанности по использованию девятизначной товарной номенклатуры;
- соблюдение принципов свободы транзита;
- вопросы реэкспорта товаров и экспортного контроля;
- взаимоотношения с третьими странами

В 1993 году заключен Договор об экономическом союзе и создании Межгосударственного банка СНГ. В 1994 году принято решение об образовании Платежного Союза и создании Международного экономического комитета. В 1996 году Кыргызстан присоединился к Таможенному союзу России, Казахстана и Белоруссии. Союз предусматривал введение единых налоговых, пошлинных и акцизных ставок, транспортных тарифов, унификацию соответствующих норм права т.д. Вступая в союз, президент А.Акаев отметил, что путь к подъему промышленности Кыргызстана лежит прежде всего через сотрудничество с Россией.

Создание зоны свободной торговли между участниками Таможенного союза означает углубление экономической интеграции КР И РФ, предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, обеспечивает

согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику. За последние годы подписано несколько документов о товарно-экономическом сотрудничестве КР и РФ. В частности, ныне действует Соглашение на 1998-1999 гг. Взаимосвязанные поставки важнейших видов продукции на эквивалентной основе будут выполнять Министерство внешней торговли и промышленности КР и акционерное общество «Росконтракт». Продукция, поставляемая по Соглашению, не облагается экспортными и импортными таможенными пошлинами. Кыргызстан поставляет ртуть, центрифуги, центробежные насосы, крупные электромашины, электролампы, кабельную продукцию, хлопок-волокно, пряжу шерстяную, фрукты, мясо, сахар и т.д. Россия экспортирует в Кыргызстан бензин, топливо дизельное, топливо для реактивных двигателей, газовый конденсат, прокат черных металлов, трубы стальные, бумагу, нефть сырую и т.д. В 1997 году товарооборот Кыргызстана и России составил 289,6 млн. долларов, в том числе, импорт - 190,8 млн. долларов, экспорт - 98,8 млн. долларов.

Участниками торгово-экономических связей с кыргызской стороны является АО «Завод сверл», АО «Дастан», АО «Электротехник», АО «Бишкекский машзавод», АО «КЭМЗ», АО «Киргизизолит» и другие. АО «Арнакс» приступает к производству многоцелевых самолетов ТУ-54 и ТУ-34, АО «Айгур», АО «Жапныйр», АО «Нур» прорабатывают вопросы производства комплектующих для российских систем ПВО.

С российской стороны продукцию кыргызских производителей получают АО «Электроразряд» (Москва), АО «Ижорские заводы», АО «Вагонмаш» (Санкт-Петербург), АО «АвтоУАЗ» (Ульяновск), Калининградский завод стройматериалов и прочие.

В настоящее время рассматриваются коммерческие предложения крупных предприятий, заинтересованных в торговле с Кыргызстаном: ОАО «Смоленского авиазавода», ОАО «Сокольского целлюлозно-бумажного комбината», фирмы «Марторелли» (продукты питания), ОА «Маг», ЗАО «БОБКЭТ», МВД России и других. Создаются совместные предприятия, производства, финансово-промышленные группы. Так, АО

«Киргизский автосборочный завод» вошел в состав ФПГ «Нижегородские автомобили» по производству автосамосвалов, АО «Ошский машзавод» является членом Союза производителей и производства «Росса» по выпуску глубинных насосов. ГАО «Кыргызмебель» состоит в концерне «Мебельдрев»; на очереди создание еще 11 совместных предприятий, производств, с участием предприятий Пензы, Ростова, Тюмени, Ставрополя, Дубны, Воронежа и т.д. (54)

В торговых отношениях России и Кыргызстана существуют явный дисбаланс. Например, в торговле Кыргызстана со странами СНГ доля России составляет примерно 40%, а ее доля в торговле с Россией - менее 1%. Наша республика сегодня сталкивается с серьезной проблемой: значительным превышением ввоза товаров над вывозом и, следовательно, ростом внешней задолженности. Только России республика должна была на 1997 год свыше 150 млн. долларов. Правительство Кыргызстана предложило России в качестве частичной уплаты долга акции нескольких предприятий. Россия выбрала 8 предприятий, сумма акций которых составила бы 1,8 млн. долларов. Однако в связи с отсутствием интереса российских кредиторов к этим предприятиям, достигнута договоренность о пролонгации сроков погашения долга Кыргызстана в 132 млн. долларов до 2000г.

Каковы же перспективы взаимоотношений России и республик Центральной Азии? Г.Фуллер полагает, что российское участие в этом регионе надолго останется деликатным вопросом и потребует тщательного учета баланса интересов и возможностей. Россия вряд ли будет полностью контролировать события. Разумеется, пишет он, у России есть веские доводы оставаться ведущей силой региона. Основной вопрос будущего: проявит ли Россия волю и политическое искусство, чтобы сохранить за собой предпочтительные интересы в Центральной Азии, что удовлетворило бы одновременно потребности и желания народов России и Центральной Азии.

Многое, по мнению Г.Фуллера, зависит от расстановки политических сил в России. Если в стране будут доминировать демократы, им, вероятно, придется выступить против антидемократов и национал-шовинистов, менее великодушных

по отношению к бывшим советским республикам. Они могут потребовать усиления власти России над Центральной Азией. Г.Фуллер даже обсуждает гипотетическую проблему неорусской империи, которую, якобы, можно восстановить насильственным путем. Факторами возможной реставрации могут быть: 1. Пребывание у власти некоммунистов, которые чтобы удержаться у власти потребуют поддержки Москвы; 2. Пребывание у власти руководителей, пытающихся подавить сильные националистические группы; 3. Ухудшение экономического положение республик. Однако, Г.Фуллер считает что Б.Ельцин вряд ли имеет в виду подобную перспективу. Но даже в том случае, если Москва будет стремиться к другим политическим приоритетам, то сценарий неоимперии маловероятен. Скорее всего серьезные попытки Москвы в этом отношении приведут к длительной конфронтации и ухудшению отношений с республиками Центральной Азии. (55)

Весьма скептически оценивает будущность российско-центральноазиатских отношений Д.Пайпс. Поздно или рано, по его мнению, мусульмане юга выйдут из орбиты России и примкнут к Среднему Востоку. В этом, дескать, убеждает опыт экс-колоний и история мусульманско-христианских отношений. Хотя Россия во многом и отличается от бывших европейских колониальных государств, тем не менее ее ожидает участь Франции и Британии. Интенсивные связи с бывшими колониями Россия будет поддерживать долго, но перспективы реставрации подлинного имперского контроля нет. Д.Пайпс, правда, считает, что в отличие от других республик Центральной Азии Кыргызстан и Казахстан сохранят более тесные узы со старой метрополией, поскольку имеют крупную русскую диаспору. (56)

Д.Пайпс предполагает значительные изменения политической карты. Средний Восток, дескать, включит новые шесть государств (Центральная Азия и Азербайджан) с населением примерно 60 млн. человек. Большой вес приобретут тюркофоны; соответственно уменьшится значение арабофонов. Границы Среднего Востока передвинутся на север, что, видимо, повлияет на все аспекты политической жизни исламского мира. Если новые государства примкнут к Турции, она, видимо, изменит проевропейскую ориентацию на пантюркизм. Идеология

пантюркизма в состоянии подтолкнуть тюркское население других стран, особенно Ирана и Афганистана, к значительной политической активности. Если Центральноазиатские республики повернутся к иранскому варианту исламского фундаментализма, они обеспечат, следовательно, мощный тыл Тегерану. Если примкнут к Пакистану, то волей-неволей вступят в индо-пакистанскую политическую систему. Д.Пайпс утверждает, что центральноазиатский регион открывает даже возможность арабо-израильского соперничества.

Интересны прогнозы на будущее отношений России и Кыргызстана А.Рашида. Он анализирует проблему в контексте «Россия—Центральная Азия». Подчеркивая активную роль Узбекистана в регионе, тесные связи Каримова с Москвой, он утверждает, что Кыргызстан и Казахстан опасаются, чтобы Каримов не использовал в собственных политических целях узбекское меньшинство. Мол, уже сейчас некоторые политики рассуждают о «сфере влияния» Ташкента и «Великом Узбекистане», угрожающим равновесию в Центральной Азии. Главный вызов Узбекистану, по мнению автора, бросает Казахстан, претендующий благодаря огромной территории и богатым природным ресурсам на роль регионального лидера. Отрицательно может сказаться на отношениях с диктаторским режимом Каримова дальнейшая либерализация Кыргызстана и Казахстана.

А.Рашид видит угрозу будущего раскола Центральной Азии вдоль оси «север-юг». Более развитые, либеральные, обеспеченные ресурсами Казахстан и Кыргызстан при поддержке США и Японии, видимо превратятся в самодостаточные в экономическом плане государства. Авторитарные и сравнительно бедные ресурсами Узбекистан и Таджикистан могут стать «третьим миром» Центральной Азии. Обремененные политическими и экономическими проблемами эти страны вынудят иностранных инвесторов обходить себя стороной. В этом случае, пишет А.Рашид, вероятно, они попадут в зависимость от южных мусульманских стран, которые, принеся определенные экономические выгоды, будут поощрять распространение исламского фундаментализма — этой угрозы целостности Центральной Азии. Растущий альянс России и Узбекистана,

соперничество Казахстана и Узбекистана, богатый «север» против растущего обнищания «юга» могут расколоть регион прежде, чем будет достигнут консенсус о создании достаточно сильного экономического союза по модели АСЕАН. Кроме того, сталинские границы Центральной Азии, подчеркивает А.Рашид, являются потенциальной причиной будущих конфликтов на политической и этнической основе: Россия претендует на север Казахстана, таджики требуют возвращения Самарканда и Бухары; Туркмения имеет разногласия с Узбекистаном по поводу водных ресурсов: Узбекистан требует возвращения от Таджикистана Ходжента и Оша от Кыргызстана.

По мнению А.Рашида, союз центральноазиатских государств возникнет только в том случае, если они решат собственные многочисленные проблемы и пограничные споры, перестанут разыгрывать в политической игре карту национальных меньшинств. Необходимы общественные дебаты по проблемам внешней политики; решения должны приниматься гласно, а не горсткой людей в президентских дворцах и на саммитах. (57)

А.Хан предполагает создание в Центральной Азии тюркского блока с участием Турции, Иранского Азербайджана и Афганистана, в котором будут господствовать наиболее развитые государства. В этом случае Москва автоматически усилит свое влияние в любом геополитическом содружестве, благодаря тесным экономическим и военным связям Турции с Западной Европой. Следует считаться с тем, продолжает он, что обладающая огромной территорией и значительным населением Центральная Азия - этот пробуждающийся великан, имеющий собственные интересы. В ближайшее время он не будет угрожать России, но существует потенциал его экспансии. Пантюркистское движение возможно, но географическое положение двух тюркских блоков затрудняет их общение, налицо огромная симпатия тюрков по обе стороны Каспийского моря. Коренные жители Центральной Азии могут ненавидеть русских, но они сознают, что они обязаны России спасением от дегенерации своего бывшего существования, войдя в ее состав после крушения узбекского государства. (58)

Свое мнение по поводу будущности российско-

центральноазиатских отношений высказывает Р.Даннрейтер. Не следует преувеличивать, пишет он, активность российской политики в Центральной Азии. Реальность заключается в том, что Россия представляет собой пока слабую в экономическом, политическом и военном отношении страну с грузом сложных внутренних проблем. Новые государства Центральной Азии, несмотря на свою значительную зависимость от России, постепенно освобождаются от нее, отходят от диктата Москвы. Российская политическая элита постепенно осознает сложность своих задач в регионе. Таджикистан подтвердил, что военное решение возможно лишь временно: долговременный мир можно достичь только путем мирных переговоров. Становится ясно, что если центральноазиаты стремятся развивать двусторонние отношения с Россией, то только потому, что они стремятся извлечь односторонние выгоды. Цена для России в любом случае достаточно высока. В экономическом смысле это может означать, что Россия возьмет на себя финансовое бремя развития экономики стран региона.

Запад непосредственно заинтересован в успехах России в реализации ответственной политики с постимперских отношениях с государствами Центральной Азии. Это важно, поскольку успешное решение этих проблем будет способствовать стабилизации положения на российской политической сцене, подорвет попытки национал-патриотической оппозиции манипулировать событиями на периферии бывшей Советской империи для достижения своих конечных целей. В интересах Запада, чтобы новые государства были подлинно независимыми, способными жить в гармонии с Россией, обеспечивать свою безопасность.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ УЗЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ.

В конце прошлого года нам попала заметка в «Нашей газете» под заголовком «А Киргизии вроде бы и нет...». Суть ее заключалась в том, что корреспондент «Голоса России» в беседе с заместителем директора российского фонда «Политика» Сергеем Калмыковым, анализируя деятельность центральноазиатских государств, ни разу не упомянул Кыргызстан. Как будто бы его действительно нет. Причину этого «Наша газета» видит в том, что Кыргызстан уже давно находится в информационном вакууме. Национальное агентство информации в Международном отделе имеет всего одного журналиста. Вот почему в российской и мировой прессе о нас, если что-то и пишут, то как бы мимоходом и зачастую из серии занимательных факторов или второстепенных сторон жизни. Для детального разговора, мол, не хватает фактов, поскольку для мира мы закрыты. А ведь есть у нас промышленный и научный потенциал, есть что предложить и чем заинтересовать западного инвестора.

Мы разделяем, конечно, в какой-то мере обиду газеты, но нельзя забывать того очевидного факта, что Кыргызстан находится в едином центральноазиатском интеграционном пространстве и все проблемы центральноазиатского региона в полной мере относятся и к нему. Это во-первых. Во-вторых, беседа с зам. директора фонда «Политика» касалась только тех стран, которые обладают мощными запасами полезных ископаемых и производственной базой, на которую нацелили свои взоры инвесторы дальнего зарубежья. Поэтому в беседе были затронуты лишь три страны региона - Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. В конце главы мы еще остановимся на состоянии информированности международной общественности средствами массовой информации республик Центральноазиатского региона, еще недавно составляющих единое целое в рамках Советского Союза. Как же видится формирование Центральноазиатского узла международных проблем глазами российских политологов (ближнее зарубежье) и политологов дальнего зарубежья?

В России считают, что проникновение западного капитала

в экономику республик Центральной Азии идет по-разному. Узбекистану, например, с одной стороны, удалось сохранить командные ключевые высоты в экономике в руках государства, а с другой — убедить иностранных инвесторов в том, что Узбекистан является наиболее стабильной и многообещающей страной Центральной Азии. По объему инвестиций Узбекистан, начиная с 1995 года, занимает лидирующие позиции. Число признаков, говорящих о том, что Узбекистан избран американской администрацией в качестве своего форпоста в Центральной Азии, непрерывно увеличивается. Ряд ключевых позиций в экономике Узбекистана захватил и южнокорейский капитал. Серьезный интерес к Узбекистану проявляет японский капитал. Таким образом, завязалось ядро «узла»: столкновение интересов капиталов США, Южной Кореи и Японии вокруг Узбекистана. А из истории международных отношений известно: там, где сталкиваются интересы капиталов различных стран, возникают осложнения и на политическое почве.

Что касается Казахстана, то в нем экономические процессы носили более коррумпированный оттенок, нежели в Узбекистане. Здесь многие, причем ведущие предприятия в экономике, были реализованы иностранным владельцам. Утверждение о том, что лучше пусть иностранный капитал делится с Казахстаном частью своей прибыли, чем эти предприятия будут, простаивая, приходить в упадок, разрушаться, т. к. они не функционируют, основано на недоразумении. Опыт подобного, с позволения сказать, инвестирования показал, что новые собственники не только не вкладывают свои капиталы в производство, но порой останавливают его как конкурентов своих предприятий. И Казахстану предстоит пережить много неприятных лет, чтобы решить свои экономические проблемы. Это надо было предвидеть, прежде чем бросаться вниз головой в омут рыночной экономики.

Туркменистан, по общепринятому мнению, потенциально очень перспективен с точки зрения экономики, поскольку обладает колоссальными запасами газа, нефти и сырья для химической промышленности — мирабилитом (минерал залива Кара-Богаз-Гол). Но он сделал весьма недальновидный расчет на получение огромных инвестиционных пакетов в очень короткие сроки. Этого

не произошло из-за своеобразной внутренней и внешней политики Туркменбаши. В краткосрочном плане экономика Туркменистана будет переживать тяжелые времена, что в общем-то и подтверждается современным ее состоянием.

Кыргызстан и Таджикистан для России с точки зрения экономической стратегии не представляют заслуживающей особого внимания перспективы. Однако взаимоотношения с ними имеют важное стратегическое значение, поскольку их геополитическое положение может положительно сказаться на стабильности центральноазиатского региона. Турция в оценке российских политологов, сделавшая «заявку» в начале 90-х годов на всестороннее участие в делах региона, оказалась оттесненной Америкой, Россией и другими странами на третью или даже четвертую позицию, а посему она стала активно внедряться в Кыргызстан и Туркменистан. Нам известен такой, например, факт, когда Международный институт государственного управления для Турции и азиатских стран, дислоцирующейся в Анкаре хотел открыть свой филиал в КГНУ. Он должен был, якобы, способствовать проведению реформы государственной службы и госуправления, но работать по программам, разработанным Турцией и осуществлять подготовку и переподготовку госслужащих силами турецких профессоров и преподавателей по турецкому "образу и подобию" и это при наличии довольно разветвленной системы подготовки и переподготовки кадров государственной службы и местного самоуправления, существующей в нашей республике уже не первый год. Университет не мог согласиться со столь явной экспансией и отказал турецким притязаниям.

Иран проявляет особое внимание к Таджикистану, что связано с этническим фактором. В политическом плане отношения между ними становятся все прочнее. Это вызывает неудовольствие со стороны Афганистана и Пакистана, имеющих свою точку зрения на будущую роль Таджикистана в центральноазиатском узле.

Несколько иной позиции на характер отношений стран центральноазиатского региона придерживаются авторы дальнего зарубежья. Мы ограничимся в данной главе в основном

концепциями авторов азиатских стран, поскольку западноевропейские идеи по поводу перспектив этого региона освещаются в нашей печати довольно регулярно и с достаточной степенью объективности.

Вот что пишет политический обозреватель Ахмед Рашид: «В судьбоносные декабрьские дни 1991г. когда распался СССР, партийные лидеры пяти среднеазиатских республик постарались совместно с министрами иностранных дел найти дипломатов, которые могли бы вести внешние дела. Советский МИД имел крайне незначительное число среднеазиатских дипломатов в ранге посла, владеющих иностранными языками, или, которые бы работали в столицах западных стран. Дипломаты-среднеазиаты, как правило, занимали младшие должности в советских посольствах Африки и Азии, в европейских странах их почти не было»(59).

Кроме того, изоляция Средней Азии от внешнего мира длилась столь долго, что в республиках ощущалась острая нехватка информации о зарубежных странах. С точки зрения внешнего мира пять новых стран "только становились субъектами международных отношений».

Когда Ельцин реорганизовал МИД СССР в МИД России Казахстан отозвал из Москвы всего 20 дипломатов, из которых никто не имел опыта работы на Западе. Для Туркмении эта цифра была 12, для Таджикистана и Кыргызстана еще меньше. Партийных секретарей (обкомов) привлекли к дипломатической работе. Однако по-прежнему воздушная, радио- и телексная связь и дипломатическая почта осуществлялась через Москву. Россия как и прежде выдавала визы гражданам Центральной Азии, а дипломаты этих стран, отбывающие за границу, вынуждены были сначала прибыть в Москву, чтобы получить визу, а зачастую и служебные инструкции.

«Каждая республика установила в Москве определенную структуру, которая имела такое же важное значение как собственный МИД. Невежество в отношении внешнего мира было таким огромным, отсутствие опыта настолько очевидным, что азиатские дипломаты охарактеризовали первые шаги центрально-азиатской дипломатической службы на международной арене как «детство дипломатии»(60). Еще до

распада СССР делегации высокого уровня из Ирана, Турции и Пакистана посещали центральноазиатские государства, пытаясь в ожесточенной конкуренции между собой склонить на свою сторону новые правительства. Президенты республик обсуждали на партийных съездах последние шаги Москвы, а затем встречались с министром иностранных дел Ирана Акбаром Али Велайети или другими дипломатами, которые хотели бы получить ответы на важные вопросы: какой будет Ваша международная политика? с кем Вы подружитесь? какой будет Ваша политика в отношении Афганистана, ислама, ваших соседей, России? Примите ли Вы наши предложения о помощи? По выражению одного туркменского дипломата: «Мы (т.е. центральноазиаты) в то время думали, что являемся самыми важными людьми в этом мире».

Не удивительно, что появление пяти новых государств в Центральной Азии повлияло на весь мир. Для США и Европы, которые не имели непосредственных контактов с регионом в течение 75 лет, исключая незначительное число ученых и журналистов, здешние события заслонили события в Москве.

С крахом СССР Индия потеряла своего главного союзника. Она имела совсем незначительные связи с новыми государствами Центральной Азии, Китай был занят собственными реформами. Япония и ее ближайшие соседи столкнулись с огромным политическим вакуумом на Дальнем Востоке и даже год спустя не знали: как заполнить его. Мусульманские страны Западной Азии мечтали о том, чтобы установить свое влияние в новых странах. Антиамерикански настроенные арабские государства и палестинцы потеряли в лице СССР свою мощную поддержку; в то время как мусульманское братство Центральной Азии считало себя центром, если бы на территории мусульманских стран поднялось знамя исламского фундаментализма.

Русских очень сильно смутила потеря империи и необходимость жить по международным законам с новыми государствами. Появилось даже новое выражение: «ближнее зарубежье». Для 25 млн. русских, которые проживали за пределами России, жизнь внезапно стала непредсказуемой, неопределенной, полной тревог и опасений за свое будущее. Особенно это касалось русских Центральной Азии. За последние

несколько лет большое число этнических русских выехало в Россию. Затем миграция приняла массовый характер, особенно после начала гражданской войны в Таджикистане. Но эти русские не получили ни жилья, ни работы, но зато встретились с гиперинфляцией и дефицитом всего необходимого. Таким образом, русские Центральной Азии вынуждены были сидеть на двух стульях, с одной стороны — неопределенность пребывания в Центральной Азии, с другой — страх неизвестности в России.

«Скорость, с которой Центральная Азия получила независимость, не оставила времени руководителям республик, чтобы сформулировать политику в отношении соседних стран. Эти отношения строились не только по желанию остального мира. Первыми вступили в конкурентную борьбу за влияние в регионе (Центральная Азия) Турция, Иран и Пакистан. Центральная Азия придавала Турции беспрецедентное международное значение. Сходность языков, общие тюркские корни имеют огромное значение. Руководители республик Центральной Азии первыми обратились за политической и экономической помощью именно к ней»(61).

Турецкие интеллектуалы гордятся тем, что от Балкан и до Каспия тюрк может встретить своих соплеменников и общаться с ними на одном языке. Центральноазиатские ученые были более категоричны в выражениях: существует-де единый культурный мир, основой которого являются тюркские языки. Во главе этого мира стоит Турция. «Крымские татары и азербайджанцы - своего рода шея и плечи, казахи - сердце, узбеки и туркмены - ноги».

Членство Турции в НАТО, ее роль как военной базы США во время войны в Персидском заливе, секуляризация жизни превратили Турцию в фаворита Западных стран. Благодаря Турции, Запад может регулировать свои отношения с Центральной Азией. Вашингтон придает особую роль Турции, как противовес иракскому влиянию. Внезапно вновь ожила идея пантюркизма, хотя со времени Кемалю Ататюрка Турция больше тяготеет к Западу нежели к Востоку, а деловая и политическая элита рассчитывают вступить в ЕЭС. Пантюркизм лелеют националисты и группы исламских фундаменталистов.

По мнению А.Рашида запад поощряет Турцию играть важную роль в модернизации Центральной Азии. В 1993 году

руководитель НАТО Манфред Вернер заявил в Москве, что исламский фундаментализм усиливает свои позиции в республиках Центральной Азии, что вредит интересам НАТО. В феврале 1992 г. в Вашингтоне Дж. Буш и С. Демирель договорились расширить помощь республикам Центральной Азии. Буш отметил Турцию как модель демократического секуляризованного государства, которую может принять Центральная Азия. Американские компании подталкивались к совместному с турецкими предпринимателями бизнесу в Центральной Азии, а дипломаты США поощряли политиков и чиновников Центральной Азии к поездкам в Турцию с тем, чтобы увидеть современную страну.

В последние годы, утверждает наш автор, Турция стала страной - мечтой для элиты Центральной Азии. Богатая, светская, вестернизированная, близкая к США, но исламская и тюркская Турция, казалось, была воплощением мечты номенклатуры. Анкара стала первым иностранным городом, к которому руководители Центральной Азии обратились за помощью, политической поддержкой и доступом к Западу, который, как они полагали, Турция может обеспечить. Она (номенклатура) хотела разыграть турецкую карту, чтобы продемонстрировать Москве, что у нас есть мощный иностранный патрон даже если Ельцин игнорировал ее и предпринимал крупные шаги, не консультируясь с центральноазиатской номенклатурой(62).

Осенью 1991 года Президент Турции Турлуш пригласил представителей всех 5-ти республик и Азербайджана в Анкару, где они посеяли семена будущего сотрудничества. Это был первый крупный международный саммит лидеров Центральной Азии, что сразу же встревожило Иран, Пакистан и арабские страны. В 1992 г. Демирель заявил в Алма-Ате, что возник великий тюркский мир от Адриатики до Тихоокеанского региона. Анкара быстро расширяла свое влияние в регионе. «10000 студентов из Азербайджана и Центральной Азии получили стипендии в турецких университетах, технических колледжах и школах бизнеса». Через спутник связи начались передачи турецкого телевидения на Центральную Азию. Турецкие волонтеры отправились в Центральную Азию под эгидой

ПРООН. «480 студентов из Центральной Азии прибыли в турецкие медресе, чтобы стать богословами».

Турки стремились так же быстро стабилизировать отношения с Москвой. Хотя Турция высказала удовлетворение по поводу краха советской империи, что сулило ей большие выгоды и было победой после векового соперничества, тем не менее она осознала, что не следует форсированно подталкивать Москву отказаться от влияния в Центральноазиатском регионе. Россия была несколько удовлетворена тем, что Турция вела переговоры с девятью черноморскими государствами о создании региональной экономической организации. Соглашение (Турция, Россия, Азербайджан, Украина, Болгария, Румыния, Армения, Грузия и Молдова) было подписано в 1992г. в Стамбуле. Соглашение принесло очевидные выгоды Турции, она к тому же обязалась участвовать в переговорах Армении и Азербайджана по поводу Карабахской проблемы, но ее военная и экономическая помощь Азербайджану сделали такое участие довольно проблематичным в глазах мировой общественности. И все же, турецкие компании не имеют достаточных средств для серьезных инвестиций в Центральной Азии. Не в состоянии она, как оказалась, и быть мостом для проникновения западных компаний в Центральную Азию.

Дезинтеграция Советской империи явилась неожиданным благом для Турции, победой после нескольких веков соперничества, но Турция поняла, что не следует унижать Россию. В 1992 году, во время визита Демиреля в Москву, была заключена крупная сделка на поставки российского газа.

А.Рашид отдает дань и Ирану. Географическое положение Центральной Азии (неспособность обеспечить доступ к морю) позволили ему стать серьезным соперником и вынудило лидеров стран Центральной Азии пересмотреть свои отношения с Турцией. «Уже в 1993 году многие руководители были настроены скептически относительно экономических возможностей Турции. Турецкие инвестиции в промышленность не увеличивались; телепрограммы Турции не пользовались популярностью; а исламские фундаменталисты заявляли, что Турция является своего рода дымовой завесой для американцев, стремящихся лишить Центральную Азию ее исламского наследия.

Становилось ясно, что основной интерес Турции в регионе — стремление вытеснить Иран». От первоначальных наивных представлений, что нам (Центральной Азии) выгодно то, что выгодно Турции, руководители Центральной Азии отказались быстро осознав, что зачастую интересы Турции и Запада не соответствуют лучшим интересам Центральноазиатских стран.

Соперничество Турции и Ирана особенно обострилось в 1992 году, когда первая попыталась блокировать любые шаги Ирана в Центральной Азии (в частности, обвинила Тегеран в экспорте фундаментализма, критикуя Иран на центральноазиатских форумах и т.д.). Тогда в марте 1993 года Армения попросила Иран о поставках газа; шаг, который поддержала Россия для того, чтобы уменьшить влияние Турции в Азербайджане. Мы понимали, что Турция пытается проникнуть в республику бывшего СССР. «Это турецкое влияние следует ограничить», — сказал В.Стариков, российский дипломат в Армении. Россия так же поощряла Туркмению к укреплению отношений с Ираном.

Иран быстро продвигался в Центральную Азию еще накануне распада СССР. В 1991 году министр иностранных дел Акбар Велайети побывал в республиках Средней Азии. Особенно теплый прием ему оказали в Таджикистане и Туркмении. Иран согласился построить железную дорогу от Ашхабада до Мешхеда (Иран), что открыло бы Туркмении выход к порту Бендер Аббас. Велайети настаивал, на том, что Иран-де не заинтересован политически в поддержке исламских групп и вмешательстве во внутренние дела государств Центральной Азии. Иран, по словам Велайети, стремится установить нормальные торгово-экономические связи.

Антииранская реакция Центральной Азии была вежливой, т.к. Тегеран и Москва находились в хороших отношениях. Россия нуждалась в Иране как противовесе турецкому влиянию. В свою очередь Тегеран обновлял свой военный арсенал после войны с Ираком, закупив советское оружие в 1989-1993 годах на несколько миллиардов долларов. Россия и Центральная Азия тоже полагали, что основная угроза исходила от фундаменталистов Хекматияра, которого поддерживала Саудовская Аравия.

В Иране существовали острые разногласия относительно

Центральной Азии между Велайети и революционной гвардией, которая стремилась поддерживать разномастные группы исламистов. Влияние Ирана в Центральной Азии уменьшилось, но его все же нельзя игнорировать, ибо он располагает доступом к морю, влиянием в Афганистане, большими запасами нефти и технологией нефтедобычи. Кроме того, Иран дружен с Россией, которая до сих пор пользуется влиянием в Центральной Азии. Тегеран по-прежнему играет главную роль в Центральной Азии, потому что он рассматривает данный регион как свой исторический район влияния.

Пакистан является третьей в дальнем зарубежье мусульманской страной, которая пытается установить влияние в Центральной Азии. Тому имеются исторические предпосылки. Например, суфизм, пришедший из Центральной Азии, доминирует в сельских районах Пакистана, а Пешавар еще в докапиталистическую эпоху был центром торговли оружием и товарами для среднеазиатских государств. Кроме того, Карачи — ближайший порт для стран Центральной Азии. По воздуху путь между Исламабадом и Ташкентом короче, чем между Исламабадом и Карачи.

Хотя Пакистан не располагает деньгами, чтобы инвестировать их в Центральную Азию, он надеется использовать свой короткий путь к морю, обеспечивать транспортные, банковские, страховые услуги и программы подготовки бизнесменов. Он в состоянии так же обеспечивать экспертизу и международные контакты в развитии текстильной промышленности Центральной Азии. Существует только одно предварительное условие: мир в Афганистане, потому что Кабул контролирует сухопутный доступ Пакистана к странам Центральной Азии. Бехназар Бхутто и Наваз Шариф предпочитали переговоры, которые бы обеспечивали доступ к Центральной Азии.

В Пакистане существует дихотомия взглядов в отношении Центральной Азии: если деловые круги заинтересованы в политической стабильности стран региона, то фундаменталисты хотят повторения исламской революции в этом регионе. «Руководитель исламистов Казим Хусейн Ахмад призывает правительство противодействовать США и новому порядку,

используя Центральную Азию для совместной борьбы заявляя, что Пакистан скорее должен прежде всего поддерживать исламское руководство стран Центральной Азии, нежели оказывать экономическую помощь». Такая риторика приводит лидеров названных стран в замешательство. В марте 1993 года министры иностранных дел Узбекистана и Таджикистана обвинили фундаменталистов Пакистана в подготовке и вооружении радикалов - мусульман из их стран.

В 1992 году Наваз Шариф присутствовал на экономическом саммите стран Центральной Азии в Ашхабаде. Все руководители стран региона побывали в Исламабаде в надежде улучшить связи с Индией и Пакистаном. Однако Пакистан не только не способствовал этому улучшению но и не предоставил обещанной помощи. Отношения Пакистана с Москвой были напряженными из-за войны в Афганистане. Руководители России были убеждены в том, что Пакистан мог бы способствовать освобождению 80 российских пленных, которые были в руках моджахедов.

В отличие от Ирана и Турции, Пакистан предпринял в 1992 году незначительные усилия чтобы улучшить отношения с Москвой. Российские подозрения усилились когда Наваз Шариф не попытался контролировать деятельность Джаммата (исламисты Пакистана) в Центральной Азии. Оказалось, что Пакистан и не имеет ясных целей в регионе. Однако, Пакистан остается здесь важным игроком, поскольку только он может обеспечить ближайший путь к морю Центральноазиатским странам. Его геополитическое положение не позволяет этим странам игнорировать Пакистан. «Ожесточенное соперничество Турции Ирана и Пакистана за влияние в Центральной Азии возросло в связи с их попытками укрепить связи в региональной организации - «Организация экономического сотрудничества»(63).

На саммите в 1992г. (февраль) в Тегеране Центральноазиатские страны получили статус наблюдателей. Вскоре Турция и Узбекистан стали полноправными членами «Организации». Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан стали ими позже, после победы моджахедов в Афганистане. Сначала, в Центральной Азии, отношение к «Организации» было

осторожным, будучи не уверенными в характере «Организации» (религиозная или светская). Тем не менее «Организация» внезапно приобрела большой авторитет в регионе, располагая значительным потенциалом.

В 1993 году Центральноазиатские республики с энтузиазмом ответили на предложение принять участие в совещании министров иностранных дел стран «Организации» в Кветте (Пакистан). Еще годом раньше дипломаты Центральной Азии вряд ли нашли бы на географической карте Карачи или Бендер Аббас. Теперь же они прибыли с детально проработанными предложениями касательно выхода к морю. В Кветте министры финансов и иностранных дел 10 стран разработали план экономической интеграции и развития всего региона. План призван установить шоссейное, железнодорожное и авиасообщение, развитие портов и т.д. к 2000 году. Следовало установить авиасообщение всех столиц «Организации», образовать авиационные транспортные компании. «План был амбициозным, официальные лица подчеркнули, что коммуникационная инфраструктура уже существует».

Видимо, соперничество Турции, Ирана и Пакистана будет всегда, но существует возможность того, что они объединятся в рамках «Организации» для координации этого соперничества, в целях усиления влияния на Центральноазиатский регион. «Пакистан предложил Кыргызстану и Казахстану, новый путь через Алматы в Синьцзян, чтобы связать страны с Каракорумской магистралью, связывающей Китай и Исламабадом. Эта дорога открыта только в летние месяцы, она связала бы Центральную Азию с Китаем и Пакистаном и открыло бы Пакистану впервые в истории путь к морю».

Ключом к путям сообщения является Афганистан. Главным итогом советско-афганской войны было то, что политическая граница между Центральной и Южной Азией, традиционно пролагавшаяся вдоль северной степи Мазари Шариф и реки Аму-Дарья, теперь переместилась на юг — к горам Гиндукуша и Кабулу.

Фактическое расчленение Афганистана к 1993 г. вызвало новые опасения у руководителей стран Центральной Азии. Территории генерала Достума были буфером,

предотвращающим распространение исламского фундаментализма на Север. Однако война создала вакуум власти в Кабуле и на Юге страны. Кабул быстро заполнили вооруженные группы исламских фундаменталистов, торговцы наркотиками и масса других. Автоматы Калашникова и Коран проникали в Центральную Азию даже в советскую эпоху, позже и в Центральную Азию устремился поток оружия и наркотиков.

По данным ООН от 5 до 7 миллионов граждан СНГ, большинство в Центральную Азию, в 80-е годы приобщились к наркотикам. Центральная Азия стала важным транзитным путем в Европу для афганской и пакистанской наркомафии. Регион сам начал выращивать наркотики. Конопля произрастает на 140 000 гектаров в Казахстане и 60000 - в Киргизии, а также в Узбекистане и Таджикистане.

Индия. На ней отрицательно сказался распад СССР. Свыше 70% ее вооружений было советского производства. Отношения Индии с Центральной Азией зависели от Москвы. Несмотря на желание противостоять Пакистану в Центральной Азии, все же Дели отдавал предпочтение восстановлению военных и торговых связей с Москвой. Индия открыла посольства в странах Центральной Азии, но разочарование руководителей Центральной Азии вызвал тот факт, что она не играет в регионе крупную роль. Индия по-прежнему рассматривает Россию как реальную политическую власть в регионе. Автор книги отмечает огромный потенциал Индии для Центральной Азии — потребительские товары, закупка сырья и т.д.

Арабские мусульманские страны с энтузиазмом восприняли открытость Центральной Азии. В 1990 году Саудовская Аравия послала 1 млн. экземпляров Корана в Центральноазиатский регион и предложила программу перевода Корана на местные языки. Поступление Корана вызвало общественное возбуждение и скандалы, связанные с тем, что местные муллы стали распродавать Коран, хотя книги следовало раздавать бесплатно. Король Фахад пригласил несколько сот среднеазиатов совершить хадж в 1991-92 гг. Однако интересы Саудовской Аравии были скорее эмоциональными и религиозными, нежели практическими. В феврале 1992 года принц Сауд аль-Файсал посетил Центральную Азию, но и годом

позже в регионе не было ни одной дипломатической миссии. Саудовцы рассматривают свою роль прежде всего как стремление вернуть азиатов к мусульманской вере, нежели развитие торгово-экономических связей. Хотя первым иностранным банком открывшим филиал в Алматы был саудовский банк Аль-ва-Бафака. Саудовская Аравия сделала небольшие инвестиции в регионе.

Китай. В будущем Отношения Центральной Азии с Китаем отесняли на вторые роли мусульманские страны. Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан имеют границу с Китаем (5000 км). Казахстан открыл железную дорогу (1350 км) в 1992 году. В 1992 же году все руководители Центральной Азии посетили Пекин. Между Россией и Китаем было подписано соглашение (10-ти летний срок). 5 апреля 1992 г. в городе Бурун (Синьцзян) произошло восстание, во время которого было убито 22 и ранено примерно 50 человек. Восстание возглавил Абдул Касим - исламский фундаменталист и руководитель движения - «Свободный Восточный Туркестан». По сообщению китайских властей, восставшие (уйгуры и кыргызы) получили необходимую подготовку и оружие от афганских моджахедов. Китаисты восприняли событие очень серьезно. Были закрыты Хунерабский перевал, и каракорумская магистраль; резко ухудшились отношения с Пакистаном и моджахедами.

Мусульманские волнения в Буруне были небольшим инцидентом, но для Китая это была определенная грань, отделяющая от потенциальной исламской угрозы. Интересы руководства Синьцзяна и стран Центральной Азии столкнулись. Были организованы совместные военные патрули на границе, Китай начал интересоваться событиями в Таджикистане. Угнетение собственного мусульманского населения привело к экономическим трудностям в Синьцзяне: десятилетиями китайское правительство пренебрегало интересами местного населения. Пересматривая свою политику в 1992 г. Пекин заявил, что он вложит 370 млн. долл. в 40 инфраструктурных проектов, главным образом в добычу нефти и средства коммуникации. В 1992 г. инвестиции возросли на 23% по сравнению с 1991 годом, тогда инвестиции возросли вдвое по сравнению 1990 годом. Китай обеспокоен исламским фундаментализмом и уйгурским

национализмом. Уйгуры Казахстана создали «Уйгурский фронт освобождения», цель которого освобождение уйгурской родины от китайского правления. Однако, Казахское правительство контролирует своих уйгуров.

К 1993 году Синьцзян, Казахстан и Кыргызстан координировали свою деятельность во многих сферах. Китай и Центральная Азия стали естественными экономическими и политическими партнерами. У этих отношений большое будущее.

США и Европа медленнее, чем в Прибалтике проявили инициативу в Центральноазиатском регионе. Дипломатические миссии появились после представительства международных организаций - МВФ, Всемирного банка, МБРР. Эксперты этих организаций обнаружили, что оценка экономического потенциала Центральноазиатских стран займет больше времени, чем предполагалось (из-за отсутствия данных нестабильности рубля и деградации экономики). Все страны Центральной Азии, исключая Туркмению, которая игнорировала МВФ, активно сотрудничали с ним.

«В мае 1993 г. МБРР предоставил Кыргызстану кредит в 60 млн. долларов. Из дальневосточных стран наибольший интерес проявила Южная Корея».

Однако самым решающим фактором международной политики Центральной Азии является Россия. Кроме Туркмении все страны СНГ выступали в пользу тесных связей с ней (вопросы безопасности, создание общей рублевой зоны и т. д.). Самым сильными сторонниками этой точки зрения был Назарбаев, защищавший дело СНГ на ежегодных саммитах. Этому противодействовала Украина. В первые годы независимости Центральной Азии Россия не имела ясной политики в отношении бывших союзных республик. Пассивность Москвы создала экономический вакуум, что беспокоило руководителей региона. Россия сама была занята поисками внешнеполитических ориентиров. Либералы при Козыреве выступали за более тесные связи с Западом (в ущерб отношениям с ближним зарубежьем) националисты и коммунисты стремились подтвердить преобладание России в других республиках, хотя вооруженные силы СНГ и находились в расстройстве. Руцкой, например, мыслил Россию как мост

между Европой и Азией и, благодаря миллионам русских в Центральной Азии, Россия не должна отказываться от своей роли в вопросах безопасности этого региона. Такая точка зрения была отражением старой коммунистической позиции, защищаемой Горбачевым. Позиция России вынуждала Центральную Азию проводить собственную внешнюю политику. Таджикистан сблизился с Ираном, Азербайджан - с Турцией. Россия начала сознавать опасность своей апатии только тогда, когда разразилась война в Таджикистане. Вооруженные силы СНГ начали играть главную роль в противодействии фундаментализму. На саммите руководителей стран Центральной Азии в Ташкенте (январь 1993 г.) была принята жесткая линия в отношении Москвы. Они угрожали выйти из рублевой зоны и ввести собственную валюту. Было изменено название Средней Азии на Центральную Азию, Назарбаев предложил создать союз центральноазиатских стран наподобие АСЕАН с общей газетой, авиалинией, системой, координирующей цены на энергию и др. основные товары. Кроме этого Россию обвиняли в укрывательстве политических диссидентов из стран Центральной Азии.

Спустя 18 месяцев после независимости Центральноазиатские государства могли заявить, что они сформулировали свои отношения с иностранными государствами. Президент Каримов сейчас советует Москве: где, когда и как вмешиваться в дела Центральной Азии в интересах стабильности. Но тесные связи Москвы с Каримовым вызывают осложнения с другими государствами, особенно с Казахстаном — основным соперником Узбекистана.

Соседи Узбекистана, особенно Кыргызстан и Туркмения, опасаются, что Каримов в будущем использует узбекское меньшинство в странах СНГ как группы давления в политических целях. Политики сейчас даже говорят о сфере влияния Ташкента и «Великом Узбекистане», который угрожает революцией в Центральной Азии. Главный вызов Узбекистану бросает Казахстан, рассматривающий себя в качестве лидера стран Центральной Азии, благодаря своей территории и богатым природным ресурсам. Узбекистан ревниво относится к богатствам Казахстана. В мае 1993 г. узбекские газеты

критиковали Казахстан, причем открыто. Если Казахстан и Кыргызстан либерализуют свое общество установят многопартийные системы, напряжения с диктатором Каримовым усилятся, именно поэтому Назарбаев не хочет зависеть от российско-узбекской оси в вопросах будущей безопасности Центральной Азии. Казахстан быстро открывается западным компаниям, которые стремятся разрабатывать его нефтегазовые ресурсы.

Таким образом, читая книгу Ахмеда Рашида невольно приходишь к выводу: страны центральноазиатского региона для всех государств ближнего и дальнего зарубежья представляют лакомый кусочек по самым различным параметрам: от экономических ресурсов до геополитического положения. Не случайно поэтому в международном плане здесь закручивается весьма тугий узел, который можно принять за один из полюсов мировой политики как развитых так и развивающихся стран. Этот полюс имеет тенденцию к перемещению в направлении Восток—Запад и, видимо, предстоят в будущем весьма многозначные события связанные с этими колебаниями. Но посмотрим, что говорят другие авторы.

Так М.Б.Олкотт основной акцент в процессе развития Центральноазиатского региона делает на отношении лидеров центральноазиатских стран к проникновению к ним Ирана и Турции. В частности она пишет: «Несмотря на попытку разыграть этническую «карту», с которой центральноазиаты связывали свое будущее, никто из них не преуспел в этом деле»(64). Иран остается крайне заинтересованным в своих новых соседях. Но его надежды использовать их для улучшения собственного геополитического и экономического положения вряд ли скоро осуществляется. Турция также не смогла сыграть роль «моста» между Западом и Центральной Азией, поскольку Центральная Азия оказалось для Турции более недоступной. Отношение с Турцией остаются в целом хорошими во всех странах Центральной Азии, но воодушевления конца 1991 года, уже нет. Культурно-лингвистическое родство турок и центральноазиатов оказалось меньшим, чем предполагалось, поскольку турецкий язык оказался во многих случаях непонятным, к тому же русский язык был и остается научным и деловым языком большинства

элит Центральной Азии, особенно за границами родных стран. Даже те из них, кто говорит на «родном языке», обладают «кухонной» лексикой, плохо приспособленной для международного общения. В тоже время увеличившийся доступ среднеазиатов к мировым делам показал, насколько «турецкая модель» уступает другим странам мира, их экономике. Центральноазиаты были бы счастливы скорее достичь турецкого уровня жизни, но они отвергают турецкий стандарт жизни в качестве долгосрочной цели «Да и сама Турция, — пишет М.Олкотт, — столкнулась с реальностью собственных интересов. Стало очевидным, что «пантюркизм» в любой - дипломатической или торговой - форме может негативно повлиять на торговые отношения с Россией, которые в десятки раз повышают объем торговли с Центральной Азией.

Хотя Запад в целом предпочитает Турцию Ирану, возможность превращения Турции в сильное азиатское государство вредит собственным интересам Турции, стремящейся к интеграции в Европу, претендующей на членство в ЕС».

Опыт взаимоотношений с Центральной Азией оказал влияние на внутреннее положение и политику Ирана (борьба прагматиков, рассматривающих Центральную Азию с точки зрения экономических возможностей и клерикалов, отдающих предпочтение религиозному влиянию). Учитывая опыт иранской революции и послереволюционное состояние этой страны лидеры стран Центральной Азии не доверяют Ирану.

Свою точку зрения на роль Турции в центральноазиатском регионе излагает Роберт Куллен: «Турция предлагает наиболее прозападную модель развития Центральной Азии. Она может продемонстрировать уважение прав человека и частного предпринимательства более убедительно, нежели сам Запад. Турция могла быть идеальным суррогатом западных идеалов»(65).

Но Турция обладает ограниченными экономическими ресурсами. Это во-первых. Во-вторых, проблема пантюркизма. Есть подозрения, что стремление Турции занять доминирующие позиции в Центральной Азии - первый шаг к реставрации в новой форме старой империи, основывающийся теперь на философии

пантюркизма. Правда сам Куллен сомневается в популярности пантюркизма в Центральной Азии.

Что касается Ирана, то по мнению Куллена, это — «региональное государство, которое Запад хотел бы изолировать и сдерживать до тех пор, пока эта страна остается непримиримым противником США и западных ценностей».

Запад заинтересован в том, чтобы уменьшить влияние Ирана в Центральной Азии и в целом на Среднем Востоке. Желание сдерживать Иран, конечно, не следует преувеличивать или провоцировать сильное давление на республики Центральной Азии. Они, в конце концов, заявили о намерении установить дружественные отношения со всеми странами, включая Иран. Республики Центральной Азии осознают, что до некоторой степени они могут играть на противоречиях Запада и Ирана. Понимая это, иранское правительство не всегда достойно ведет себя по отношению к центральноазиатским республиками и их гражданам. Так экстремистски настроенные группировки устроили в 1996 году настоящее гонение на группу врачей из Кыргызстана, приглашенных правительством для ликвидации массовых заболеваний в Иране. За решение спорных вопросов между этими группировками и врачами выступили не только МИД Кыргызстана, но и мировая общественность от Всемирной организации здравоохранения до ООН, а правительство Ирана долгое время хранило молчание, делая вид, что ничего не произошло. И только решительная позиция Кыргызстана и других стран Центральной Азии заставили Тегеран пересмотреть свою позицию способствовать возвращению врачей на родину.

Роберт Куллен считает, что лучший способ противодействия иранскому влиянию — поощрение России, Турции и Саудовской Аравии к тому, чтобы не оставлять Ирану пространства для действий. Интересам Запада более всего импонирует то, чтобы Россия, Турция и Саудовская Аравия уравнивали взаимное влияние, сокращая возможности для Ирана. Но даже, если это не удастся и Иран расширит свое влияние в регионе, вряд ли возникнет угроза жизненным интересам Запада.

Тему взаимоотношений Турции и Ирана по Центральноазиатскому региону развивает и Халид Дуран.

Оригинальность его подхода заключается в том, что он рассматривает эту проблему через призму видения ее правящими элитами Турции, России, Украины, США. В частности он пишет: «Едва в 1991 году мусульманские республики б. СССР провозгласили независимость, как сразу же Анкара и Тегеран вступили в соперничество за влияние в этом регионе и на Кавказе»(66).

Еще в 20-е годы исламисты ориентировались не на конфронтацию с молодыми советскими государством, но на сотрудничество с ним. Даже после второй мировой войны, когда Турция стала частью Западного фланга государств против СССР, Анкара придерживалась кемалистского принципа «маленькой» Турции. Пантюркисты, недостатка в которых никогда не было, в политической жизни имели небольшое игровое поле». Но в 1991 году даже самые убежденные кемалисты считали, что тюркоязычное население бывшего СССР рассчитывает на них. Россия и Украина встретили возникновение тюркского блока у своих дверей с озабоченностью, однако ввиду альтернативы иранского влияния на Центральную Азию восприняли политику Турции как меньшее зло.

В глазах правящей элиты Турции Иран предстает прежде всего как фактор помехи в Центральной Азии; американцы рассматривают пантюркизм в качестве альтернативы исламу Хомейни. Во время визита в январе 1992 года в Вашингтон С.Демиреля президент США Дж.Буш назвал Турцию моделью демократического развития для бывших советских мусульманских республик.

Анкара выступила посредником между Арменией и Азербайджаном. Она понимала, что необходимо улучшать отношения с Арменией, только в этом случае европейцы и американцы могли воспринимать Турцию в качестве серьезного партнера. Поэтому после землетрясения в Армении Турция активно участвовала в спасательных работах. Ереван так же находил вполне прагматичным улучшать отношения с Турцией. Тем временем борьба армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе еще больше ожесточилась. Анкаре, впрочем, показалось не лишним выразить пантюркистские симпатии, чтобы не стать жертвой взрыва антиармянских настроений

народа.

Туркам не удалось, однако, сгладить армянско-азербайджанский конфликт, и все же они проявили себя умелыми дипломатами, ориентируясь на улучшение отношений с Арменией. Азербайджан же исторически больше тяготеет к Ирану. Из-за опасения этнических конфликтов вдоль границы Иран не очень-то торопился признать независимость новых государств Центральноазиатского региона. Вообще роспуск советской империи в Иране встретили с озабоченностью: ведь исчез противовес гегемонии США. К тому же Ирану необходимо было новейшее вооружение. Новая Россия требовала за это деньги по ценам мирового рынка в то время как б. СССР представлял оружие фактически даром.

В экономическом плане казалось, что Иран находится в более выгодном положении, чем Турция. Фактически же доходы от экспорта нефти были необходимы для восстановления разрушений в результате ирано-иракской войны. Поэтому Иран нуждался в деньгах не меньше, чем Турция. Тегеран рисковал зайти в тупик в своей собственной стране, который со временем мог стать опасным для его политического режима.

Турции подобная перспектива не угрожала. Она опиралась на технические «ноу-хау», которые отсутствовали у Ирана. Турецкие строительные фирмы вот уже более 20 лет действуют во многих арабских странах, особенно в Ливии, ее архитекторы, инженеры и предприниматели работают в Туркмении, Узбекистане и Кыргызстане. Их преимущество заключается в турецком языке, входящим в тюркскую группу и более-менее понятном большинству коренных народов центральноазиатского региона.

Анкара выиграла так же и второй раунд у Ирана: мусульманские республики решили заменить навязанную русскими кириллицу. Иран ратовал за введение арабской письменности. Однако большинство новых государств Центральной Азии высказались за латинскую графику. Благодаря этому турецкая пресса и печать получили бы огромный рынок. Наконец, иранцы в большинстве своем придерживаются мусульманства шиитского толка, тогда как большинство народов Центральноазиатского региона сунниты, что вызывает определенные трения на религиозной основе.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что Ирану закрыт доступ в Центральную Азию. Несмотря на тюркские языки и суннизм туркмены и узбеки долгое время были причастны к персидской цивилизации. Важнейшие культурные центры Средней Азии - Бухара и Самарканд были в целом двуязычными: тюркский и персидский.

Наконец, все соперничающие зарубежные страны наталкиваются на границы центральноазиатского единства. В случае в казахи и особенно с кыргызами считающими себя (и не без основания) «больше восточными азиатами; они полагают, что имеют больше родственных черт с корейцами, чем с арабами».

Завершить главу хотелось бы обзором и анализом статьи К.Азера. И не только потому что, это один из наиболее «свежих» материалов, но и потому, что она весьма откровенна и не менее одиозна. К.Азер говорит, что Турция в качестве приоритетной задачи рассматривает возможность увеличить, расширить ресурсы страны, под которыми он понимает не только недра земли, но и такие человеческие ресурсы как язык, искусство, науку и технологию. Например, до 1991 г. язык был потенциальным ресурсом, потому что Турция не имела контактов с другими тюркскими народами. «Но после 1991г. мы получили дополнительные ресурсы и средства. Это произошло в результате «землетрясения», эпицентр которого находился в Москве». Один случай показывает удивительную скорость перемен в СССР. 16 декабря 1991 года Каримов во время приезда в Турцию не получил почестей, воздаваемых главам государств, однако, после обеда (и беседы) Турция признала независимость всех бывших республик СССР и спустя 3 дня, в день отлета Каримова из Анкары в его честь был дан салют - 21 залп»(67).

Наиболее значимые события в период после «холодной войны» - изменение стратегических параметров географического района от Балтики до Центральной Азии - географическое единство, называемое Евразией. Турция находится в эпицентре этих глобальных изменений.

Наполеон говорил, что география является постоянным элементом, влияющим на политику государств. Турция осуществляет международную политику в соответствии со своим

географическим положением, которое диктует ей необходимость устанавливать тесные связи со странами Евразии. Что же касается Центральной Азии, то к этому добавляется общность языка, культуры, религии, истории и т.д. К.Азер цитирует К.Ататюрка: «В Центральной Азии мы имели братьев по языку и происхождению. Мостом являются язык, история и религия.»

Принимая во внимания общность языка и этносов Турции и Центральной Азии, отметим, что Турция сталкивается с определенными препятствиями, создаваемыми центральноазиатскими странами, чтобы оградить себя от какой-либо внешней экспансии от кого бы она не исходила. В связи с этим К. Азер пишет: «Мы должны ответить на вызов по трем соображениям: первое можно назвать моральным императивом. Подталкивая на протяжении 40 лет народы Центральной Азии, Восточной и Центральной Европы к отходу от тоталитаризма, принятию демократических институтов мы не можем их теперь разочаровать. Второе соображение имеет экономическую логику: указывать путь народам, чтобы они стали миролюбивыми, политически стабильными государствами, способными к процветанию и прогрессу. Народы проявляют агрессивность, когда подавляют их социально-экономические ожидания. Третье соображение — геополитического характера. Многие будет зависеть от успеха преобразований в России, являющихся предметом озабоченности евроатлантических и европейских государств» и далее: «в виду этих соображений мы не можем снять с себя ответственность. Мы должны использовать все возможности и ресурсы, чтобы стать региональной страной. (Под этим понимается страна — гегемон в регионе)» (68).

Прямо скажем, несколько своеобразное понимание международной стабилизации в регионе, достойное печальной памяти международных отношений культовых времен. Турция, мягко выражаясь, не имея ни достаточного экономического, духовного, социально-психологического потенциала пытается присвоить себе право диктовать условия в центральноазиатском регионе, всерьез думая, что независимые новые государства этого региона не в состоянии сами решать свою судьбу. Им, видите ли, обязательно необходим пастор.

Чувствуя уязвимость своей позиции К.Азер делает

некоторое отступление, как бы оправдываясь, если его неправильно поймут: «Но эта ответственность не должна носить форму навязывания этим странам политической или экономической модели. Мы не хотим использовать евразийскую реальность как средство влияния, либо в своих политических расчетах. Мы противодействуем всем формам гегемонии. Говоря словами Конфуция: «Мы не делаем другим того, что не желали бы получить в ответ».

Выше мы уже говорили о «корректности» турецких представителей по поводу попытки открытия центра госуправления и службы при КГНУ. Можно было бы привести и другие не менее колоритные факты, но, видимо, это не будет способствовать взаимному доверию стран центральноазиатского региона.

Конечно, молодым центральноазиатским суверенным государствам, в том числе и Кыргызской республике, как справедливо отмечается в зарубежной печати, трудно решать возникшие глобальные проблемы, чтобы отстоять свою независимость и пробиться в ряды развитых государств. Поэтому трудно не согласиться с К.Азером, когда он говорит, что Турция должна внести вклад в усилия республик Центральной Азии преодолеть тяжелые экономические проблемы и осуществить переход к демократии и рыночной экономике. Однако как это сделать? Ведь мировая общественность знает, что в настоящее время Турция испытывает не самые лучшие времена своего развития. Ее отношения с ближайшими соседями — Ираком, Ираном, Саудовской Аравией весьма далеки от примера для подражания, а отношения со странами Кавказа и Центральной Азии вызывают настороженность со стороны последних. Внутреннее в т. ч. и экономическое положение, увы, не блещет стабильностью, более того охвативший в нынешнем году экономический и валютно-финансовый кризис заставляет Турцию обращать свои взоры на Запад, который не всегда в корректной форме выдвигает странам, находящимся на границе между развитыми и развивающимися зонами, свои предложения.

К.Азер, для того чтобы облегчить Центральноазиатским республикам вхождение во внешний мир, в цивилизованное

пространство предлагает альтернативные транспортные и коммуникационные пути, альтернативные способы торгово-экономического сотрудничества, а так же новую культурно-образовательную платформу.

Если говорить о внедрении альтернативных транспортных и коммуникационных путей, а так же торгово-экономического сотрудничества за что ратует Азер то, несомненно, Центральной Азии имеется широкое поле для их внедрения, но для этого необходимо, как минимум, изучить, глубоко проработать с учетом status - quo и национального менталитета этих стран возможности их использования, а уже потом вводить. Для всего этого необходимы немалые средства, которых, к сожалению, Турция не имеет. Что же касается «новой культурно-образовательной платформы», то Кыргызстан, как и другие страны Центральноазиатского региона еще при советской власти превратились в районы сплошной грамотности и входили в разряд «самых читающих стран в мире». Только трудности переходного этапа вызвали непредвиденные, а потому и не изученные процессы в области культурно-образовательной программы формирования рыночных отношений. Стремление же навязать этим странам свои представления о развитии культуры, образования, науки есть ни что иное как попытка подготовить почву для экономической и политической экспансии, прикрываясь привлекательной идеей — углублением национальной эмансипации. Кыргызстан как и другие страны не могут принять этот «данаев дар». Не случайно некоторые западные обозреватели утверждают, как пишет сам К.Азер, что «политика Турции в отношении стран центральноазиатского региона провалилась». Его попытка опровергнуть подобную точку зрения как мы видели лишена сколь либо реальной почвы.

В начале главы мы обещали читателю несколько подробнее остановиться на проблеме информированности мировой общественности о процессах, происходящих в Центральноазиатском регионе и Кыргызстане, в частности. Следует заметить, что основную информацию о положении в центральноазиатских республиках (кроме Узбекистана) мир получает от российских и западноевропейских корреспондентов, аккредитованных в этих странах. Своих корреспондентов в других

странах, даже при наличии там их посольств республики содержат не в состоянии из-за финансовых трудностей. Кыргызстан, например, имея свои представительства в 18 странах, не имеет там своих пресс-центров или хотя бы пресс-секретарей. Сведения, которыми располагают зарубежные корреспонденты, не всегда объективны или интерпретированы так, что вызывают больше вопросов, чем создают общую картину положения страны. Не случайно в ходе визита в Бишкек президент Таджикистана Эмомали Рахмонов подверг резкой критике российские телеканалы. По его мнению все освещение событий в стране «было абсолютно неверным». Деятельность же официального информационного агентства Таджикистана — «Ховар» не может никого удовлетворить, т.к. оно не располагает достаточными ни финансовыми, ни техническими средствами. Поэтому мировая общественность осведомлена о событиях в Таджикистане через таджикские информационные службы радиостанций Пакистана, Ирана, программы новостей Би-Би-си, Рейтер, которые вещают на фарси и основное внимание уделяют деятельности Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). Что касается сотрудников миссии наблюдателей ООН отслеживающих любую информацию в стране и составляющих информационные обзоры, то они хотя и близки к сущности происходящих событий, но, будучи распространены по всем министерствам и ведомствам страны вызывают преследования журналистов, порой с угрозой для жизни. Поэтому ооновские наблюдатели прекратили теперь широкое распространение своих «бюллетеней», издают их малым тиражом с грифом «Для внутреннего или служебного пользования».

Не лучше обстоит дело и в Туркменистане у которого должность пресс-секретаря существует только в посольстве Туркмении в Москве.

Кыргызстан в области информации так же полностью зависит от российских СМИ. Фактически распространять информацию в мире о событиях в Кыргызской Республике призвано правительственное агентство «Кабар». Однако, оно располагает собкорванной сетью меньшей, чем городская газета «Вечерний Бишкек» и является «злостным» неплательщиком за международные телефонные разговоры.

Восприятие той или иной страны за рубежом было бы более плодотворным и благоприятным, если бы ее жизнь освещали не только иностранные журналисты. Простой приме: АО «ТНК» «Тоо-Тек» недавно запустило новую технологическую линию по выпуску базальтового волокна - ровинга, которое может быть использовано для производства самого широкого спектра товаров от несгораемых тканей до корпусов приборов современной электронной техникой. Причем качество этого волокна отвечает мировым стандартам. Производством этого Акционерного Общества заинтересовались предприниматели в некоторых странах ближнего и дальнего зарубежья, именно тех, корреспонденты, которых аккредитованы в Кыргызстане, что же касается других стран, то они находятся в неведении. Что поделаешь: конкуренция... рынок! Таких примеров можно привести не один десяток.

К сказанному следует добавить что СМИ призваны не только снабжать мир информацией, но и рекламировать страну, создавая ей определенный международный имидж. Без этого вряд ли можно серьезно говорить о вхождении новых суверенных государств б. Советского Союза в мировое экономическое пространство.

И С Л А М

Многие публикации западных советологов 70-80 г. г. обязательно ссылались на так называемое «исламское возрождение» в республиках Средней Азии и Казахстане. Например, немецкий профессор Ганс Бреккер без обиняков утверждал о возросшей жизнеспособности ислама в СССР. С охотой писали на эту тему английские журналы «Impact», «Middle East International», западногерманские издания «Stern», «Der Spiegel», «Nation Europa», американские журналы «Russian Review», «Problems of Communism» и другие. Несомненно, что серьезной мотивацией подобных статей были императивы ожесточенной идеологической борьбы. По-прежнему грохотала канонада «холодной войны»; антиподы - СССР и Запад во главе с США - использовали с максимальным напряжением огромный потенциал разветвленных пропагандистских механизмов и научных институтов. Следовало выявить уязвимое место противника и, не прибегая к смертоносной военной дубинке, серьезно ослабить его. Исламской религии отводилась роль «пятой колонны» в СССР, должной подорвать официальное марксистско-ленинское мировоззрение, противопоставить тюркское население страны славянскому.

А.Рашид пишет, что западные страны издавна поощряли ислам в Центральной Азии в качестве противовеса коммунизму. В 20-е годы XIX века, например, Британия поддерживала басмачей оружием, деньгами; в 1939 году британские агенты с территории Афганистана и Индии проникли в Центральную Азию с намерением разжечь здесь исламистские настроения. Ф.Маклин, дипломат и агент, в секретном меморандуме своему правительству советовал дестабилизировать обстановку в Средней Азии, опираясь на мусульманское духовенство. В 1979 году США использовали афганскую войну, чтобы распространить ислам в Средней Азии в целях подрыва коммунизма.

Американский профессор М.Ривкин насчитывал несколько форм самоидентификации советских мусульман, в том числе, национальную, тюркскую, в каждой из которых, дескать, мусульмане противостояли славянскому населению СССР. Певцы «исламского возрождения» (А. Беннигсен, Э.Каррер, д'Анкосс и другие) делали ставку на этнодемографические

МАЛЮН

тенденции в Советском Союзе: замедление прироста численности русских, украинцев, белорусов и быстрый рост рождаемости тюркоязычных народов (узбеков, казахов, кыргызов, туркмен и др.) и таджиков. Правда, не все зарубежные ученые разделяли и разделяют подобную точку зрения. И.Малик писал, что в течение длительного сталинского правления и вплоть до перестройки (1995 г.) о советских мусульманах было известно крайне мало. Тем не менее, один из расхожих тезисов утверждал: мусульмане, ввиду своих очевидных демографических преимуществ, представляют серьезную угрозу Советской власти, что в целом-то отражало реалии «холодной войны», вызывало глобальную напряженность (69). По мнению Р.Кайзера подобные взгляды о советских мусульманах, являющиеся стандартной формулой советологической литературы 70-80 гг. и поныне оказывают влияние на оценку ситуации в центральноазиатском регионе и его отношений с соседними странами. Р.Кайзер считает такую формулировку этнической демографии и геополитики в Центральной Азии весьма ошибочной. В 1989г. все мусульманские народы составляли 12% общей численности населения СССР, а тюрки и мусульмане страны — всего 19%. По сути дела достижение к 2000г. статуса демографического большинства значительно превышало репродуктивные способности советских мусульман. Более фундаментальной ошибкой, полагает Р.Кайзер, было представление о том, что быстрый рост мусульманского населения является не только признаком их этнической силы, но и стимулирует образование суперисламского государства - Дар-Уль-Ислама.

Вопреки же подобному сценарию, продолжает Р.Кайзер, на рубеже 80-90 гг. центральноазиатские республики меньше других стремились к отделению от Советского Союза. Вывод их ошибок западной научной школы «homo islamicus» таков: признавая важность этнодемографических тенденций, следует весьма осторожно интерпретировать их. Быстрый рост численности центральноазиатского населения наглядно проявил тяжелые последствия для него самого. Ухудшение социально-экономического положения было вызвано вовсе не зависимостью от Москвы и экономической неразвитостью, как любили подчеркивать националисты (70). Дж.Кричлоу констатирует:

демографический взрыв сам по себе подрывает способность экономики центральноазиатских государств обрести подлинную независимость. Высокий удельный вес среди местного населения молодежи существенно затрудняет достижение удовлетворительного жизненного стандарта, особенно в сельских районах (71).

Анализ зарубежной печати 90-х годов свидетельствует, что в целом религиозный вопрос в Кыргызстана и других государствах Центральной Азии освещается в спокойной манере. Суждения более взвешены, без идеологического, как прежде, надрыва. Налицо попытка осмыслить новый статус религиозной идеологии, исламских религиозных институтов и обычаев в постсоветский период. Слышатся призывы к объективному анализу.

Например, У.Хальбах утверждает, что попытки информационных агентств Запада выдать по аналогии с арабским миром ислам радикальным, идеологизированным, политизированным приводят к ложным сообщениям. Так, когда Казахстан стал обладателем стратегического ядерного оружия, западная пресса заговорила о диктате «исламского государства с атомной бомбой», хотя республика нисколько не напоминала собой страну, политический, социальный и общественный порядок которой зиждился на исламских нормах. Подобные необъективные оценки ставят знак равенства между исламским ренессансом и исламской революцией (72).

Либерализация религиозной политики в 1988-1989гг. в СССР, по мнению некоторых зарубежных авторов, усилила приверженность народов региона к исламу, придала ему национально-освободительное значение. При этом значительный вес имел национальный компонент, ибо ислам пережил советизацию только благодаря тому, что у коренных народов он ассоциировался с «национальной традицией» (73).

Первые три года независимости во всех мусульманских районах бывшего СССР коренное население проявляло сильную тягу к истории и культуре ислама, его письменности, богословскому и правовому учению. Несмотря на явные доказательства исламистских настроений развитие Центральной Азии нельзя ни в коем случае сравнивать с психологическими и идеологическими явлениями в арабском мире, вполне очевидными после

проигранной в 1967 году войны Израилю. Чувство протеста против Запада, представлявшее в арабском мире важную психологическую основу успеха исламского движения, в Центральной Азии отсутствует. Религиозное оживление тесно связано со сдвигами в массовом сознании.

Для всех постсоветских государств "национальное возрождение" явилось психологическим пунктом суверенитета. Мобилизовав массы и способствуя крушению советской системы, оно одновременно воспламенило старые и новые межэтнические конфликты. Понятие "национальное возрождение" зазвучало на десятке языков в программах народных фронтов и неформальных групп. В исламских районах культурную основу национального возрождения представляла исламская религия.

У.Хальбах подчеркивает, что отношение к исламу в государствах Центральной Азии сильно разнится. Следует отличать ранне- и позднеисламизированные, оседлые и кочевые народы, те, которые оказали русской экспансии сильное сопротивление под религиозным флагом, например, кавказцы, и народы, пассивно воспринявшие жребий истории. В относительно небольшом Кыргызстане существует большая разница между южной Ошской областью с ее местами религиозного паломничества и восточными районами Иссык-Куля, где строгие исламские нормы лишь незначительно регламентируют жизнь. Кроме того, представленный широким спектром течений — от традиционалистского варианта до модернистского — ислам в республиках Центральной Азии испытывает сильную конкуренцию светских проблем, например, экономического самоопределения, экологии, языковой политики, которые, как правило, доминируют в программах народных фронтов и партий. Конечно, удельный вес той или иной проблемы зависит от местных условий отдельной республики. В Казахстане и Кыргызстане, например, исламская проблематика в общественных дискуссиях занимает более скромное место, нежели в Таджикистане и Узбекистане.

Анализируя религиозную ситуацию, зарубежные обозреватели испытывают определенные трудности в отношении проблем идентификации коренного населения.

Дж.Кричлоу сетует, что даже в постсоветское время его эмпирическое изучение ограничено по политическим и практическим соображениям. Однако, он уверен: идентификация является функцией социальной стратификации. Различные источники свидетельствуют, что, например, национальная идентификация (по сравнению с наднациональной и субнациональной) в большей степени присуща социализированным в нынешнюю политическую систему социальным слоям (административные работники и специалисты). С другой стороны, менее образованные сельские жители привержены наднациональной (мусульмане) и субнациональной (район, племя) идентификации. Но такое отличие, полагает Дж.Кричлоу, не совсем точно. Чувство мусульманской принадлежности бывает сильным среди интеллектуалов, а клановые чувства сохраняют силу на высшем уровне; в то же время идеи национальной принадлежности могут охватывать низшие социальные группы, особенно если они живут в полиэтнической среде. Все же вполне очевидны утверждения о значительной приверженности сельского населения исламскому фундаментализму, который рассматривается с недоверием на высоком социальном и экономическом уровнях. (74).

Д.Ритц считает, что проблема идентификации центральноазиатов намного сложнее некоторых схем. Например, после краха советской системы Пакистан рассчитывал на сильное оживление ислама. Предполагалось, что под личиной советского гражданина Средней Азии скрывался настоящий мусульманин, проявить свою подлинную суть которому препятствовали определенные обстоятельства. Такой подход, продолжает автор, исходил из следующего концептуального допущения: мол, политическая идентификация, навязанная коммунистической системой среднеазиатам помимо их воли, носила искусственный характер, затушевывая подлинную идентификацию. Этот вывод, очевидно, делался, памятуя о подавлении религиозных свобод в 20-30-е гг., кровавых репрессиях, депортации верующих и части мусульманского духовенства. Но эта позиция, по мнению Д.Ритца, игнорирует происшедшие позже изменения в среднеазиатском обществе:

воспитание новых поколений, социализированных в условиях и на ценностях полностью противоположных традиционно мусульманским.

Предположения Пакистана принимали и другие страны. Считалось, что как только отпадет советская форма идентификации, то сразу и легко проявит себя мусульманское ядро личности. Такие же просчеты, полагает Д. Ритц, допускались и в отношении других регионов бывшего Советского Союза. Например, прибалты воспринимались в качестве наиболее европеизированных по сравнению с остальными народами СССР и, следовательно, приверженными идеям либерализма, демократии и рыночных реформ. Спустя три года после дезинтеграции СССР эти ожидания не оправдались. (75).

Д. Ритц предполагает, что коренные народы Центральной Азии практикуют ислам до определенной степени, когда можно пользоваться новой свободой видеомagasинов, поп-музыки, потребительством, т.е. мусульмане часто придерживаются чисто утилитарного подхода к своей религии. Ислам приветствуют, если он доставляет блага, делающие жизнь более легкой, комфортной. Теоретически говоря, их мусульманская идентичность в значительной мере ситуативна.

Знакомство со средствами массовой печати центральноазиатских республик, полагают некоторые зарубежные авторы, создает впечатление религиозного возрождения, усиления религиозной активности, хотя, разумеется, ислам по-разному воспринимается в различных районах региона. Коллективное сознание народов Центральной Азии одновременно является субнациональным, национальным и наднациональным. Другими словами, они идентифицируют себя в зависимости от обстоятельств как представители определенного племени или народа (узбеки, кыргызы, туркмены), или как центральноазиаты, или как тюрки (исключая таджиков).

Племенное или клановое сознание особенно важно в экономической, политической и культурной сферах. Например, кадры местного управления, образовательных и научных учреждений подбираются именно по признаку клановой принадлежности. Эта тенденция особенно, отличает две республики — Кыргызстан и Таджикистан. Одно из самых

больших отличий программ интеллигенции и простого населения — отношение к религии. С точки зрения центральноазиата быть мусульманином — значит принадлежать к коренному населению региона. В действительности здесь говорят, что немусульманин не может считаться кыргызом, таджиком или казахом. Однако ничто не мешает атеисту полагать себя мусульманином. Другими словами, исламский компонент стал прочной гранью национализма или национального сознания всех центральноазиатских народов, как части национального наследия, причем без обязательной религиозной практики.

Ислам с момента своего появления продемонстрировал способность создавать политическую легитимность в исламском мире. Обращение к исламу обеспечило мощную новую основу индивидуальной и коллективной идентификации, не затрагивая при этом первоначальной этнической принадлежностью тюркских народов Центральной Азии. Традиционное исламское общество Центральной Азии было, конечно, ослаблено деисламизацией, социальными и культурными преобразованиями советского времени. Тем не менее, мусульманам удалось адаптировать светские установления к исламским ценностям и символам. С 1988 года центральноазиаты начали возрождать ислам, который обладает потенциалом массового применения. Вопрос заключается только в том, примет ли исламское возрождение форму индивидуального сознания и поведения или он пойдет путем, аналогичному иранскому при аятолле Хомейни.

У. Хальбах отмечает, что в свое время советская и западная литература по Средней Азии рассматривали ислам в качестве "национальной традиции". Очень отчетливо выступает местное значение ислама. "Возрождение" религии осуществляется в последние годы особенно на уровне традиционных институтов таких как махалля, имеющих ограниченный круг деятельности. В советское время активность, институты и участники неофициального ислама связывались с определенными местностями, семьями. Субнациональная дифференциация не в последнюю очередь дополнялась уже существующей неравномерной исламизацией отдельных регионов Центральной Азии. Пример тому — противоречия севера и юга Кыргызстана, где отразились региональные отличия исламской религии,

неодинаковое выражение религиозности: на севере — исламо-анимистский синкретизм кочевников, на юге — центр исламского традиционализма.

Многие зарубежные обозреватели отмечают религиозные импульсы постсоветского периода: открываются мечети, исламские школы, предлагающие общеобразовательное и религиозное обучение. Поддержку исламу оказывают местные правительства, частные пожертвователи, зарубежные государства, включая Саудовскую Аравию и Иран. В Кыргызстане в середине 90-х годов действовало 2 тысячи заново построенных или отреставрированных мечетей (Бишкек, Ош, Нарын, Талас и т.д.) Строительство и реконструкция культовых зданий нередко ведется на народные деньги; свою лепту вкладывает государство. В Бишкеке, Оше и Караколе открыли двери медресе — мусульманские учебные заведения. В столице организован Исламский университет имени Хазрет Умар; в Оше — высшее исламское медресе; в Ошском государственном университете — теологический факультет. Кыргызстанцы обучаются также в Бухарском медресе и Ташкентском исламском институте.

Мусульманское духовенство Кыргызстана заявляет о себе широким участием в общественно-политической жизни республики: политических акциях, национальном движении, печатных и устных выступлениях и т.д. В 1991 году была основана газета мусульман республики «Йыман»: тогда же состоялся учредительный съезд представителей мусульман всех национальностей республики — Исламский центр. Широко отмечаются религиозные мусульманские праздники. По данным опроса выяснилось, что 44,1% респондентов в целом по республике, включая сельское и городское население, празднуют Курман и Орозо айты; 12,8% празднуют также, не соблюдая религиозных обрядов. В сельской местности, где традиционные устои держатся крепко, доля опрошенных людей, отмечающих эти праздники, больше, нежели среди городских кыргызов. В частности, 57,3% респондентов-сельчан празднуют Курман и Орозо айты, 14,4% празднуют их без соблюдения религиозных ритуалов, т.е. на селе более двух третей жителей отмечают эти религиозные праздники. (76).

В постсоветский период широко публикуется религиозная литература: собственно Коран, методические указания по его изучению и т.д. О возросшей исламизации жизни кыргызов свидетельствует паломничество (хадж) в Мекку. И все же, резюмирует Р.Куллен, ожидания некоторых стран Среднего Востока, что в Кыргызстане и других странах Центральной Азии ислам превратится в радикальную, революционную силу, угрожающей интересам Запада, не оправдались. Во-первых, 98% мусульман Центральной Азии — сунниты, что крайне осложняет позицию наиболее радикального исламского духовенства Ирана, пытающегося завоевать здесь место «под солнцем». Во-вторых, ислам никогда не занимал высокой общественной ступеньки в досоветских обществах Средней Азии, как это было у ее соседей. Особенно верно данное утверждение в отношении кыргызов, казахов и туркмен. В советское время мусульманское духовенство действовало под строгим контролем государства, А.Хан замечает, что официальный ислам шел на идеологический компромисс с атеистическим государством, которому он был обязан своим существованием. Официальный ислам утверждал, что он не столько противостоит марксизму-ленинизму, сколько сосуществует с ним. Мусульманское духовенство предъявляло умеренные требования к верующим, пяти основным заповедям религии. Закят, хадж и Рамадан признавались незаконными с 20-х годов и в практике религиозных обрядов.

В-третьих, политическая элита стран Центральной Азии привержена концепции светского государства. Ее собственные интересы диктуют именно такую позицию. Идеальным вариантом для нее является взаимоотношение религии и государства в Турции. Политическая элита не может допустить, чтобы исламская религия явилась средством выражения разногласий и сопротивления(77).

М.Б.Олкотт писала, что второй «картой», которую хотели разыграть лидеры Центральной Азии был ислам, «карта» больше этническая, чем религиозная, потому что, памятуя о кратком периоде исламо-теократического правления в Таджикистане, все они заявляли о создании светских, секуляризованных обществ. Нет сомнения в том, что основной

интерес к исламу диктовался финансовыми соображениями, поскольку богатые нефтью государства Персидского залива были весьма привлекательными в качестве деловых инвесторов и партнеров. Свою роль, конечно, сыграли Турция и Иран, предлагавшие различные модели интеграции ислама в экономическую реальность. По мнению М.Б.Олкотт, отношение к исламу в Кыргызстане и Казахстане более деликатное по сравнению, например, с Туркменией, где С.Ниязов стремился создать образ правоверного мусульманина. В Кыргызстане незначительная по численности, но важная по своему общественному статусу русская община оказывает сильную поддержку президенту А.Акаеву. Установив в качестве государственных два главных мусульманских праздника, он все же не использует в своей дипломатии мусульманское наследие, о чем свидетельствует его поездка в Иерусалим(78).

Исламская оппозиция находится на периферии политической жизни благодаря религиозной терпимости кыргызов, а также тому обстоятельству, что четвертая часть населения республики немусульмане. Официальные лица Кыргызстана заявляют, что слабость исламской партии обусловлена правительственной поддержкой многопартийной системы; кроме того муллы в Кыргызстане были, как правило, выходцами извне, например, татарскими мигрантами. Поэтому в республике отсутствует местное этническое исламское руководство, которое могло бы играть политическую роль, как в Таджикистане. Исламская партия возрождения действует тайно и не пользуется популярностью. Будучи аполитической силой, ислам остается источником культурного вдохновения и культурной идентификации, полного отчуждения от коммунистического прошлого, нежели нового политического будущего.

Халид Дуран советует отличать исламизм от ислама. Исламистам, как известно, приходится туго в странах-твердых ислама, например, Сирии и Тунисе, где они испытывают сильные гонения. Поэтому исламисты настойчиво расширяют свое влияние на территорию других государств, навязывая собственные представления о политической миссии ислама. В Афганистане до 1978 года исламисты имели небольшое количество сторонников и только советское вторжение в страну,

сильные манипуляции движением сопротивления со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и Ирана позволили исламистам одержать победу в Кабуле. До 1980 года основу сопротивления составляли независимые националисты, но позже под перекрестным огнем коммунистов и исламистов они были вынуждены «сложить свои знамена». Свой успех в Афганистане исламисты попытались повторить в новых мусульманских республиках Центральной Азии. Однако в конечном счете соперничающие зарубежные силы натолкнулись на гранит центральноазиатской самобытности. В Казахстане и особенно Кыргызстане это проявилось совершенно отчетливо; ибо казахи и кыргызы чувствуют себя в большей мере родственными корейцам, чем арабам.

Выходцы из советского времени политические руководители должны придерживаться религии, но это вовсе не означает, что они должны быть исламистами. Исламисты могут иметь успех главным образом благодаря экономическим неурядицам. Отталкивающий пример Ирана, конечно, не вдохновляет, но скорее является своего рода лекарством против исламизма. Саудовская Аравия вероятнее всего обретет врагов, нежели друзей, поскольку ее интерпретация ислама враждебна культуре и носит антиинтеллектуальный характер. Что же касается Турции, то вряд ли оправдывая высокие ожидания обедневших родственников в Туркестане, она в силах удержать новые республики от рискованных авантур, к которым их могут подтолкнуть огромные внутренние трудности(79).

А.Рашид считает, что серьезные проблемы может доставить ваххабитское движение. В 1992 году, распространяясь из Ферганской области, оно затронуло Ош и некоторые другие южные города Кыргызстана. Ваххабиты начали возводить мечети и медресе, чтобы приобщить кыргызов к исламу и воспрепятствовать деятельности западных христианских фундаменталистов, особенно активных в Бишкеке. Выбор Ферганы в качестве центра ваххабитского движения диктовался, во-первых, исламскими настроениями местных жителей, во-вторых, ее географическим положением, позволяющим ваххабитам опутать своей деятельностью Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан.

Летом 1992 года в Оше началось строительство крупной ваххабитской мечети и медресе на деньги Саудовской Аравии, предоставившей 1 млн. рублей. К концу года ваххабиты основали новую мечеть в Бишкеке. Имамы этой мечети объяснили, что они вынуждены были обратиться к ваххабитам, поскольку руководство республики не финансировало строительство мечети. Президент А.Акаев выразил опасение по поводу распространения исламского фундаментализма ввиду гражданской войны в Таджикистане. Фундаментализм, по его словам, является орудием террора.

Ваххабизм — религиозно-политическое течение, возникшее в Центральной Аравии (Неджде). Основателем его был Муххамед ибн абд аль-Ваххаб (1703-1787гг.). Главный догмат ваххабизма — вера в единобожие. Основываясь исключительно на тексте Корана и сунне, отрицая любые толкования и разъяснения, ваххабиты усматривали многобожие (ширк) во многих обычаях, давно допускаемых правоверными. Ни пророки, ни святые, по мнению ваххабитов, не могут обладать познанием сокровенного, если только Аллах не дарует им его свыше. Считать их заступниками — значит ставить какую-то другую силу выше могущества Аллаха (только в день страшного суда пророк Мохаммед получит от Аллаха власть для заступничества).

Ваххабиты — это «пуритане ислама» — не допускают почитания чего-либо сотворенное, например, чтобы простираться перед могилой, даже если это могила пророка или чтобы с благоговением обходили вокруг нее или целовали камень, считающийся святым. Ваххабиты порицают суеверия (приметы, ворожба), запрещают курение, музыку, танцы, спиртные напитки(80).

Сегодня даже во многих мусульманских странах резко отрицательно относятся к ваххабизму. Имам Хомейни в свое время писал, что король Саудовской Аравии Фахд "распространяет ваххабизм — это сплошь безосновательное и фанатичное поветрие". Ваххабизм снискал себе в целом дурную славу вследствие религиозного фанатизма, религиозной нетерпимости, подрывной пропагандистской деятельности и терроризма.

Первые сведения о деятельности ваххабитов в Кыргызстане появились в 1991-1993-гг. В 1997 году по данным Министерства Национальной Безопасности Кыргызской Республики у нас побывало 39 исламских проповедников из Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана, Афганистана. В Джалал-Абаде изъято более 400 книг ваххабитского содержания. 1998 год свидетельствует: ваххабиты не довольствуются пропагандистской деятельностью, хотя она и представляет собой серьезную угрозу обществу, но ведут активную подготовку террористических актов. Весной нынешнего года МНБ установил факт террористической подготовки за границей некоторых молодых жителей республики. В Кыргызстане действует незаконная религиозно-террористическая организация "За свободный Восточный Туркестан", членами которой являются более 200 человек. При обыске в селе Покровка обнаружены видео- и аудиокассеты ваххабитских проповедей. Получена информация о закупке огнестрельного оружия, обнаружены финансовые документы, свидетельствующие о содержании 29 человек, отправленных в разное время на обучение в Пакистан.

В июне 1998 года в Оше, под Сулейман горой был совершен террористический акт, жертвами которого стали два человека. Почерк хорошо известен — ваххабиты. Республиканская пресса последнее время держит на пульсе проблему ваххабизма в Кыргызстане. Опубликован ряд материалов, разоблачающих активность ваххабитов. Полагаем, что это вполне актуально, ибо самоуспокоенность в вопросах деятельности религиозных, фанатичных сект может сослужить плохую службу обществу. Правда, на наш взгляд, этим материалам не хватает глубины исследования проблемы и в этом отношении, полагаем, уместна квалифицированная оценка специалистов — исламоведов. Нельзя сбрасывать со счетов опыт пропагандистско-идеологической работы советского времени, прежде всего ее организации, масштабы, напористости. К сожалению, в последние годы в обществе и государстве пустила глубокие корни концепция «деидеологизации», отказа от идеологических подходов. Но разве весь мир стал в одночасье безыдейным? Или ваххабизм, например, не представляет собой вполне определенную

идеологию? Вполне очевидно, что государство в последние годы самоустранилось от идеологической работы, видимо, считая ее чем-то второсортным. Нам кажется, что государство обязано иметь развитую концепцию идеологической работы, используя, подчеркнем еще раз, опыт недалекого прошлого, хотя, разумеется, что задачи сегодня иные и не все из исторического багажа можно взять на вооружение.

Несмотря на рост фундаментализма, заявляет А.Рашид, кочевое происхождение кыргызского общества, допускающее гораздо больше свободы поведения женщин, ставит исламскую религию в тесные рамки по сравнению с другими районами Центральной Азии. В прошлом женщины вынуждены были работать бок о бок с мужчинами. Высокая детская смертность вынуждала женщин работать, поскольку детский труд в горах было гораздо сложнее использовать, нежели в степи. Сегодня женщины составляют 60% рабочей силы в селе и выполняют всю повседневную работу дома. Кыргызская женщина не носит паранджи и зачастую молится вместе с мужчинами, что не принято у других мусульман. Однако кыргызы остаются высокоструктурированным обществом. Девушки нередко выходят замуж по желанию родителей и после уплаты калыма.

Да и в целом в Центральной Азии популяризация исламского фундаментализма наталкивается на серьезные препятствия. Сказывается также проживание этнических меньшинств, что препятствует исламским партиям создать движение, могущее пересечь этнические границы. Более того, этническое деление и соперничество, которое повсюду возрастает в Центральной Азии, будут выступать против единых форм фундаментализма. Высокий уровень грамотности, сильное влияние славянской, а ныне западной культуры, развитие рыночной экономики, хаос в Таджикистане и Афганистане при исламских режимах сдерживают людей от участия в фундаменталистском движении.

Остановимся вкратце на рассуждениях зарубежных авторов по проблеме соотношения демократии и ислама. Можно ли предложить, пишет один из них, что авторитарная политическая культура, усвоенная среднеазиатами при советском контроле, не оставляет простора для появления и развития

демократических идей? Не стоит ли рассмотреть альтернативой: либо командно-административная система прошлого, либо исламский фундаментализм? Ислам также совместим с демократией, как христианство и иудаизм. Следует иметь в виду, что среднеазиаты протестуют против коммунизма любыми средствами, включая мечети. Оценивая исламский вызов, необходимо учитывать несколько соображений. Во-первых, крах советского центра означает, что роль Москвы с подталкиванием мусульман в руки экстремистов будет уменьшаться. Во-вторых, если ислам не станет последним убежищем оппозиции нынешним авторитарным режимам, вряд ли тогда ислам преуспеет. Западу следует переоценить свою антиисламскую риторику и понять, что ислам может поощрять стабильность и демократические институты. Убеждение в иррациональности ислама и приверженности его фундаментализму просто неверны.

А.Хан в одной из своих статей обсуждает несколько вопросов: какое же влияние оказывает традиционная религия на развитие местного национализма? не подкрепляется ли национализм исламскими догмами и обычаями или националисты принимают религию для того, чтобы усилить свое влияние среди населения, образ жизни которого в основных чертах остается исламским? не является ли ислам силой, способствующей сплочению различных народов? почему, наконец, связь ислама и национализма стала политическим вопросом в самом регионе и среди вполне определенных кругов в Центральной Азии и Москве?

В поисках ответов на эти вопросы А.Хан анализирует положение официального и неофициального ислама, а также исламские традиции, обычаи населения государств Центральной Азии. По мнению А.Хана советская национальная политика реализовала идею отдельных национальных культур и идентичности, основанной на этнолингвистическом критерии. Важнейшим доводом в пользу такой политики был страх Москвы панисламизма, который еще до 1917 года применялся в качестве лозунга среднеазиатов. Москва поощряла и пыталась увековечить межплеменные и межкультурные разногласия. Естественным результатом чего явилось слияние исламских чувств с национальным сознанием, которое можно назвать "исламским по

форме и национальным по содержанию”.

Означает ли это, что ислам цементирует различные национальные движения в Центральной Азии? А. Хан затрудняется дать ответ. Мол, если в Таджикистане часть интеллигенции привержена исламу и слышатся призывы к созданию исламского государства, то не обязательно, чтобы оно основывалось на законах шариата, но скорее на таджикском национальном наследии, нежели русском. Однако нельзя исключить вероятности того, что под воздействием исламской революции и растущего признания роли ислама как политического оружия против Москвы, исламский компонент укрепился на всех уровнях национального сознания и деятельности жителей региона. Трудно предсказать будущее Центральной Азии. Однако, несомненно, что, по крайней мере, молодое поколение привержено одновременно исламу и национализму. Хотя среднеазиаты идентифицируют самих себя как мусульмане, политическое значение идентификации не ясно в нынешних политических обстоятельствах, если не принимать во внимание очевидное коллективное мусульманское “мы” против “они” (русские и другие славяне). Ислам может в будущем явиться фактором объединения. Неблагоприятные социально-экономические условия в регионе, особенно безработица среди молодежи, отсутствие жилья и т.д. могут вызвать легко воспламеняемую ситуацию, как это было в Алматы, Ашхабаде, Небит-Даге, Ферганской долине, Новом Узене(81).

Каковы же международные аспекты исламского оживления в республиках Центральной Азии? Не представляет ли он угрозу северному соседу — России? А. Хан считает, что серьезной проблемы нет. Несмотря, отношения России с республиками Центральной Азии, включая Казахстан, следует анализировать без часто повторяемых мифов. Крупнейший из них — опасность исламского фундаментализма для России и российских государственных интересов. Мусульманский фундаментализм существует примерно 1000 лет. На Среднем Востоке и Южной Азии он появился в 13-начале 14 веков. Возникновение фундаментализма в этом регионе обычно связывают с Фахруddином Заради. В 18 веке выдающимся

ученым исламского фундаментализма был Шах Валлилах. Фундаментализм сам по себе не опасен. Среди его лидеров были и есть деятели, заслуживающие уважения. Решающий фактор — ориентация лидера, его социальные, экономическим и политические цели и, наконец, методы достижения их.

Существует и другое мнение. Г. Фуллер полагает, что исламский фактор может бросить вызов по крайней мере в двух сферах, имеющих важное значение для России. Ислам представляет собой все возрастающую сторону центральноазиатской идентичности региона, который стремится к современности. Не будучи серьезным фактором политики государств Центральной Азии, он весьма важен в отношениях с Россией, поскольку в религиозной области лежит одно из основных отличий между ними. Ислам становится, таким образом, элементом самого национализма. Ислам и национализм, видимо, превратятся в тандем, взаимодополняя друг друга, что должно беспокоить Москву.

Ислам, также, по-видимому, усиливает свое значение как протест против центральноазиатских режимов, неспособных решить социально-экономические задачи и зачастую рассматриваемые “незаконными”. То обстоятельство, что в Центральной Азии последние 75 лет ислам был лишен политической роли, не означает, что Центральная Азия обладает иммунитетом к различным формам политических тенденций ислама, которые мы замечаем ныне в мусульманском мире, где зачастую он является главным средством организованной оппозиции.

Тюркский национализм может быть угрозой территориальной целостности Российской Федерации, в которой проживает довольно крупное тюркское меньшинство. Такую же функцию может выполнять ислам, поскольку тюрки являются одновременно мусульманами. Ислам — мощное средство объединения этих народов, настраивая их против немусульманской великорусской власти.

В общем, возрастающий национализм и исламские импульсы, пусть даже направленные против русского населения Центральной Азии, все равно должны беспокоить Запад. Конфронтация играет на руку русским националистам экстремистского толка и ксенофобии, которые в худшем случае могут оправдать даже военную интервенцию в Центральную Азию(82).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ИХ ПРОБЛЕМЫ

Чем дальше уносит нас время от тех дней, "которые потрясли мир", — развал Советского Союза и экстренное создание независимых, суверенных государств, тем яснее становится историческое значение этого процесса и тем противоречивее его оценки и средствами массовой информации и руководителями самого высокого ранга. Приведем всего два примера высказываний на эту тему. Джек Мэтлок, бывший посол США в СССР, человек, знающий наши беды и радости прошлого не понаслышке, в конце июня 1998 года в составе делегации неправительственной организации "Атлантический союз" побывал в Кыргызстане и заявил следующее: "Пока в вашей республике большого подъема экономики не наблюдается (подчеркнуто нами — авт.). В то же время у вас присутствует атмосфера свободы, откровенности. Она поможет со временем устранить изъяны переходного периода." (83).

Другое замечание по поводу экономического развития Кыргызстана полно оптимизма и уверенности в правильности избранного курса принадлежит Президенту Кыргызской Республики Аскару Акаеву. Высказал он свою оценку экономических преобразований на пресс-конференции с директором-распорядителем Международного валютного фонда (МВФ) М.Камдессю, который изучив положение дел в Кыргызстане в присутствии журналистов из Казахстана, различных зарубежных агентств неприминил заметить, что Кыргызстан — лидер рыночной экономики в Центральной Азии. Поддерживая эту мысль высокого гостя, А.Акаев прямо сказал: "Теперь наша экономика выздоровела и народ с оптимизмом смотрит в будущее" (84) Международный валютный фонд начал финансирование новой программы ISAF-2 (расширенного кредитования преобразований в экономике). Эта программа послужит хорошей основой для устойчивого экономического роста. И это не просто оценка государственного лидера республики, — это вполне реальный вывод из всего предшествующего периода развития Кыргызстана, который, по словам М.Камдессю, выбрал более радикальный путь преобразований, в то время как ряд стран центральноазиатского

региона пошли по пути постепенного перехода к рынку с сохранением государственного вмешательства в экономику. История, конечно, рассудит какое из направлений имеет больше преимуществ в развитии, пока же и те и другие испытывают весьма ощутимые сложности процесса перехода.

Два высказывания — две противоположных точки зрения на развитие экономики республики, а, следовательно, и два различных подхода к оценке начального этапа реформирования в Кыргызстане. Как это происходит?

Ответ на поставленный вопрос дает нам статья Ригмара Остеркампа "Политика реформ в Кыргызстане". Он считает, что быстрый успех или уверенная социальная политика могут обеспечить необходимую поддержку реформам со стороны населения. Непременным условием жизнеспособности экономического курса Кыргызской Республики называют внешнюю помощь со стороны России, США и других стран, а так же международных финансовых и экономических организаций. Автор перечисляет факторы риска для Кыргызстана, среди них внешнеполитические (пограничные конфликты с Узбекистаном) и внутривнутриполитические, маловероятные, благодаря терпимости властей к неправительственным партиям и организациям. Здесь можно поспорить с Р.Остеркампом по поводу политического положения республики, заслуженно пользующуюся термином: "наиболее стабильного во всех отношениях района центральноазиатского региона". Но автор своим экскурсом в недавнюю историю Кыргызстана приводит читателя к выводу, что иной судьбы у страны и быть не могло.

Теперь обратимся непосредственно к мыслям автора, изложенным в его статье и попробуем сделать некоторые выводы.

Роспуск политических властных структур и механизма экономического управления СССР оказался своего рода шоком для Кыргызстана (85). Резко сократились торговые и экономические связи Кыргызстана с бывшими советскими республиками и в том числе поставки промышленной продукции и сельхозпродуктов. Подробнее судить о кыргызском экспорте затруднительно, поскольку отсутствуют полные данные на конец 80-х — начало 90-х годов. Такая информация в советские времена

Курс рубля, уровень инфляции, общий валовой продукт

Период	Рубль за доллар	Индекс курса (1990=100)	Индекс оптовых цен	Индекс потребительских цен	Индекс реального валового продукта
1990	19	100	100	100	100
1991	59	310	280	185	90
1992	350	1840	7800	1450	70
январь 1992	230	1210	2430	718	-
июнь 1992	345	1820	7800	1390	-
декабрь 1992	500	2630	1300	230	-
июль 1993	1200	6300	-	-	-

собиралась в централизованном порядке. Еще хуже обстояло дело с импортом. В качестве важнейшей причины назовем сокращение бюджетного финансирования и планирования. До 1990 года Советский Союз регулярно выплачивал Кыргызстану и другим республикам значительные суммы (по-видимому они составляли в общей сложности 10-20% национального продукта (дохода республики). С 1991 года они прекратились. Кроме того, позиции Кыргызстана в торговле существенно ухудшились, благодаря тому, что цены на сырье и энергоресурсы для Кыргызстана быстро поднимались к мировому уровню.

По подсчетам института Всемирного банка экспорт Кыргызстана в миллионах рублей составил: (см. Таблицу 1.)

Таблица 1.

Годы	1988	1989	1990	1991	Индекс 1991 (1990=100) номинал	Индекс 1991 (1990=100) реально
Наименование продукции						
В целом	58,6	51,2	52,9	40,6	76,7	27,4
Промышленная продукция	47,4	45,2	47,9	26,8	55,9	20,0
Машины	10,9	5,1	10,9	2,2	20,7	7,0
Сельхоз- продукция	11,1	5,9	4,9	2,8	57,1	20,4

Свою роль сыграла инфляция, уровень которой в 1992 году увеличился примерно в 12 раз (после удвоения в 1991 г.).

Внешние удары оказали существенное воздействие на экономическую и финансовую сферы. Валовой продукт, не в последнюю очередь благодаря резкому падению импорта, сильно сократился и к 1993 году составил примерно 60-70% от уровня 1989-1990 гг. (86).

Государственный бюджет с 1992 года испытывает сильный дефицит, что объясняется отчасти ликвидацией центральных плановых органов. Практически прекратились инвестиции, что в свою очередь сказалось на валовом продукте (объеме — авт.)

В связи с этим увеличивалось количество безработных (с 1991 по 1993 г.) с 1,9% до 5,1% (имеющейся реальной рабочей силы — авт.).

Несмотря на высокую и ускоряющуюся инфляцию до сих пор ни в одной стране СНГ (1993 г.) в том числе и в Кыргызстане не введена индексация — ни частичная (на зарплату и пенсии), ни полная (по условиям всех долгосрочных контрактов). Правда, размер зарплаты и пенсии все время повышается, но не пропорционально инфляции. Средняя ежемесячная зарплата в Кыргызстане (1993 г.) составляет около 6000 рублей, что по обменному курсу равно 10 долларам США.

Инфляция практически уничтожила все сбережения населения, исключив, тем самым, потенциально значимые возможности индивидуальной деятельности. Положение

несколько облегчается тем, что цены на основные продукты, квартплату и энергию все еще не отпущены.

Небольшой группе людей, которые выиграли от инфляции, противостоит большая группа жертв инфляции, которые, к тому же, потеряли свою работу и имеют доход ниже допустимого."

Как и в других частях бывшего СССР, в Кыргызстане начали осуществлять многочисленные реформы. Вместо, по крайней мере, формально упраздненной плановой бюрократии, пятилетних планов был введен государственный заказ(87).

Закон о приватизации был принят в январе 1992 года. Этот закон, концепция которого была разработана совместно с канадскими экономистами, по сравнению с соседними государствами отличался особенной процессуальностью. Собственниками государственного имущества, наряду с гражданами республики, могли становиться и иностранцы. Ведущей формой приватизации должны были стать аукционы. Конечно, приватизация захватила прежде всего сферу жилья. Смысл приватизации жилья — освобождение госбюджета от расходов на его ремонт, отопление, электроэнергию, которые отныне возлагались на собственников.

В Кыргызстане была реформирована и налоговая система. Новации в социальной сфере состояли главным образом в том, что была создана система социального страхования по безработице и органы по найму рабочей силы. При этом предусматривались меры активной макрополитики в области труда (переквалификация, создание новых рабочих мест и т.д.). Государственные органы пытались сконцентрировать всю систему социального обеспечения на действительных потребностях.

Наряду с плановым осуществлением государственных реформ, в Кыргызстане происходят так же спонтанные и динамичные явления. Речь идет прежде всего о так называемой коммерциализации или корпоратизации (переход общественной собственности в частные руки, а так же основание банков государственным предпринимательским сектором)(88).

Коммерциализация заключается в создании новой переходной формы государственных предприятий (большей частью акционерные общества), что обеспечивает приватизацию.

Правда, облегчение — под большим вопросом: станут ли

те, кто одерживает верх в борьбе за раздел госсобственности хорошими предпринимателями или собственниками?

Возникает так же коллективная собственность, которая, если судить по опыту Югославии вряд ли имеет хорошие шансы. Спонтанное и очень динамичное развитие осуществляется при основании банков государственными предприятиями. Исключая приватизацию жилья, вряд ли можно говорить о динамичной приватизации. Без сильного государства, которое блюдет свои интересы, широкого согласия среди населения и ясной линии реформ (концепции и ее реализации) приватизация либо бессмысленна, либо вообще невозможна. Схожие требования необходимы и для частных предпринимателей.

Трудно согласится с Остеркампом, что «ропуск» политических властных структур бывшего Советского Союза вызвал шок в Кыргызстане. Действительно, это было неожиданностью, но встречена она была со вздохом облегчения: наконец-то синдром «старшего брата» прекратит свои разрушительные для демократического развития действия. Страна обретет независимость и начнется истинное, а не показательное торжество демократии, свободы, самостоятельности и т.д. и т.п. На первых порах никто не задумывался о катастрофических последствиях развала великой державы, которые приведут к таким негативным явлениям, какие не могли присниться при Советской власти и в страшном сне. Феерия демократии во всех бывших советских республиках впоследствии переросла в парад независимости и суверенитета, формирование своих политических структур: партии появлялись и исчезали вместе со своими лидерами, которых не успевали рассмотреть в лицо, приватизация и акционирование, ваучеризация (купонизация) и введение национальных валют, закрытие нерентабельных предприятий и разброд в колхозно-совхозном строительстве воспринимались как наиболее адекватная реакция на формирование свободных рыночных отношений после десятилетий господства командно-административной системы.

Лозунг — «разрешено все, что не запрещено законом» (хотя Закона еще и не было) вызвал такую бурю необузданных страстей и социальных катаклизмов, что когда наступило горькое

«похмелье», апологетам нового, рыночного образа жизни, психологического освобождения от пресловутых идеологических стереотипов коммунистической «империи зла» стыдно было смотреть в глаза друг друга.

В конце главы мы еще вернемся к этому вопросу, приведем некоторые цифры, свидетельствующие о развитии Кыргызстана за почти 10 лет суверенитета и независимости, чтобы показать, что история не та красавица, которой можно только любоваться. История — это суровая реальность, требующая, чтобы ее изучали, чтобы не повторяли ошибок прошлого, чтобы серьезно разрабатывали концепции движения к новым социально-политическим, экономическим и идеологическим отношениям.

Вызывают возражение и еще два замечания автора: первое — «смысл приватизации жилья — освобождение госбюджета от расходов на его ремонт, отопление» и т.д. Такое утверждение отдаляет нас от экономического содержания категории «приватизация». Ее сущностью (смыслом) явилось создание необходимой базы для перехода к частной собственности. Жилье наиболее близкая человеку сфера, владение которой снимает массу проблем, порожденных Советской властью в этой области и его приватизация делает понятным для любого человека преимущества частной собственности (купить, продать, иметь неограниченное число квартир, квадратных метров, этажей и т.п., прописать в них своих родственников, друзей, передать по наследству и т.д.) С другой стороны приватизация жилья несколько отвлекает человека от участия в решении других экономических проблем — увеличение налогов, появление платности услуг, акционирования и приватизации производственных мощностей и т.д. у населения просто не оставалось средств для всестороннего участия в этих процессах.

Второе замечание автора касается непосредственно экономических проблем. Он пишет: «Возникает так же коллективная собственность, которая если судить по опыту Югославии вряд ли имеет хорошие результаты». Это утверждение, видимо основано на недостаточном знании автором национального менталитета населения Центральной

Азии и его истории. О местных проблемах коллективного земле- и водопользования в нашей печати написано не мало. Существует и такая форма организации труда как метод «ашар», представляющая собой простую форму кооперации. И вообще для кыргызов, как и других народов Центральной Азии, ведущих кочевой образ жизни, на заре своей истории, индивидуализм в европейском понимании был чужд. Поэтому не исключена возможность, что коллективная собственность имеет хорошие шансы здесь прижиться.

Другие утверждения автора весьма интересны, заслуживают самого пристального внимания и «дают» пищу для размышлений.

На несколько иной точке зрения в оценке экономического положения Кыргызстана стоят немецкие авторы Х. Хельмтротт, Т. Рем, Е. Шенгерр и Х.Уфер.

«Кыргызстан — одна из беднейших республик бывшего СССР (годовой доход на душу населения в 1992 году составил 810 долларов США). Экономика Кыргызстана была высокоинтегрированной в рамках СССР (торговля составляла около 40% общего валового продукта), что изолировало ее от остального мира. Зависимость Кыргызстана от бывшего СССР еще больше усиливалась, благодаря трансфертам из общесоюзного бюджета. В конце 80-х годов они составляли 10-12% (заметим, что предыдущий автор называет цифру 10-20%) валового продукта. Поэтому Кыргызстан особенно тяжело перенес распад Советского Союза(89).

Торговые контракты с Россией сказываются крайне негативно на промышленном производстве. Даже сегодня 2/3 внешней торговли Кыргызстана приходится на страны СНГ особенно тяжело складывается с энергоносителями, которые ввозятся в Республику по мировым ценам.

Важную роль играют зарубежные капиталовложения в форме прямых инвестиций, помощи в развитии и т.д. Трансферты на двух и многосторонней основе в период 1992-1994 г. составили 800 млн. долларов США. На 1995-1996 г. Всемирный банк и Международный валютный фонд оказали финансовую помощь в размере 680 млн. долларов США. Она предусматривалась прежде всего для стимуляции бюджета и

инвестиций целевого характера, тем самым Кыргызстан в расчете на душу населения получил зарубежной помощи больше нежели другая бывшая советская республика. Несмотря на это, доходы населения с 1992 года значительно снизились: реально более чем на 50%; безработица по официальным данным составила 1% рабочей силы, но ввиду значительного спада промышленного производства, прекращения функционирования ряда ведущих в экономике промышленных предприятий это число окажется наверняка больше.

Эта статья представляет весьма краткую информацию для Всемирного банка, поэтому в ней дается цифровое изложение состояния экономики Кыргызстана в первые годы независимости. Авторы не впадают в какие-либо теоретические дефиниции. Это не их ампула. Тот же цифровой материал, который приводится ими недалек от истины. Может вызвать некоторое сомнение, что годовой доход на душу населения в 1992 году составил 810 долларов, т.е. 67,5 доллара в месяц. Цифра несколько завышена: по нашим расчетам она не выходила за пределы 60-ти долларов, но это не столь существенно, т.к. источники могли быть различны.

Но авторы безусловно правы, утверждая, что "Кыргызстан особенно тяжело перенес распад Советского Союза", ибо его экономика была полностью ориентирована на Советский Союз и развал единого экономического пространства поставил Кыргызскую Республику перед фактом разработки совершенно новой платформы экономического развития. Что и было претворено в жизнь.

Выступая на торжественном заседании, посвященном пятилетию независимости Кыргызской Республики ее Президент Аскар Акаев по этому поводу сказал: "Опираясь на исторические традиции нашего народа, мы самостоятельно определили стратегический курс на подлинно демократическое устройство государства, взяв за основу такие фундаментальные принципы, как права и свободы личности, плюрализм общественно-политических идей и форм собственности, выборность и принцип разделения государственной власти" (90).

С точки зрения теоретического обоснования необходимости перехода от командно-административной к

рыночной системе значительный интерес представляет статья Чарльза Макмиллана "Переход к капитализму: изучение опыта новых республик СНГ". Читая ее, проникаешься мнением, что имеешь дело с серьезным и вдумчивым ученым.

Статья многопланова. Автор стремится в весьма краткой, сжатой форме раскрыть такие проблемы, как оценка роли России в истории развития республик центральноазиатского региона и наследие, которое последние получили в результате развала СССР; раскрывает общую стратегию реформ, приводя ее оригинальную диаграмму, которая включает два важнейших момента — 1) осуществление реформ и 2) инициативы по развитию республик в послереформенный период. В свою очередь, эти два момента включают решение важнейших задач — из первого вытекают задачи необходимости формирования рынка, свободных цен и соответствующих институциональных учреждений; из второго — осуществление необходимых мер и вероятные экономические экспансии, связанные с проникновением в республики иностранных капиталов и деятельностью различных международных организаций и фондов.

Следующий круг проблем, определяющих необходимость формирования частнособственнических отношений, которые выделяет автор — взаимоотношения общественного сектора и рыночной экономики, прослеживаемую им через демократическую открытость общества. Причем система демократической открытости действует лишь в случае, если по мнению Ч.Макмиллана, существует информация для сравнения, дисциплина и обратная связь.

К чести автора будет сказано, что он делает попытку раскрыть сущность этих категорий. Так под сравнением понимается возможность потребителя выбирать любое место для своего пребывания "может идти куда заблагорассудится". Дисциплина означает ничто иное как "проверку нереальных требований продавца или нереальных ожиданий потребителя". Что же касается обратной связи, то автор, не раскрывая ее сущности отделяется общей фразой, взятой из теории систем — "обратная связь является динамичным элементом системы".

Оставляя на совести автора такие определения понятий,

заметим, что наши представления о сравнении, дисциплине и обратной связи несколько иные. Во-первых, сравнительный метод исследования какого-либо процесса или явления требует, как минимум, чтобы эти феномены были с сущностной стороны адекватны; во-вторых, сравнение - это сам процесс выявления общего и специфического в сравниваемых явлениях и в-третьих, сравнение — это сфера деятельности определенных структур или институтов, обладающих, для этого, достаточной компетенцией. Что касается дисциплины, то независимо от того имеем ли мы дело с покупателем или продавцом, каждый должен соблюдать определенные нормы поведения в отпращивании своих прав и обязанностей, вызванных законодательством или нормами морали, характерными для данного конкретного общества. Обратная связь есть не что иное как передача сигнала (информации) от управляемого объекта (или субъекта) к управляющему о происходящих процессах и вероятностных изменениях.

Нам вполне импонирует мысль автора о том, что переход от общественного к частному сектору для государств СНГ весьма сложный и противоречивый процесс, его нельзя осуществлять "кавалерийской атакой", следует вести длительную, напряженную работу по осознанию вызова предъявленного историей и осуществлять мероприятия в соответствии с объективными требованиями общественного развития. Именно в этом автор видит ускорение понимания необходимости трансформации экономики и ее структур как стратегическую инвестицию в частный сектор.

Большую часть статьи автор посвящает анализу перехода к реформам рыночного типа в Кыргызской Республике. И это не случайно. Ч.Макмиллан долгое время изучал социально-политическое и экономическое положение нашей республики как в интегрированном экономическом пространстве бывшего Советского Союза, так и в постсоветский, как теперь принято говорить: транзитный период, истории кыргызского народа.

Не будем комментировать эту часть статьи, предоставив читателю возможность самому убедиться в корректности и научной добросовестности автора, заметим, однако, что вряд ли можно согласиться с автором относительно предоставления

Кыргызстану статуса развивающейся страны, хотя бы и по "ряду социально-экономических показателей". Кыргызстан болен всеми теми болезнями, какими было больно советское общество, а б. Советский Союз не был развивающейся страной.

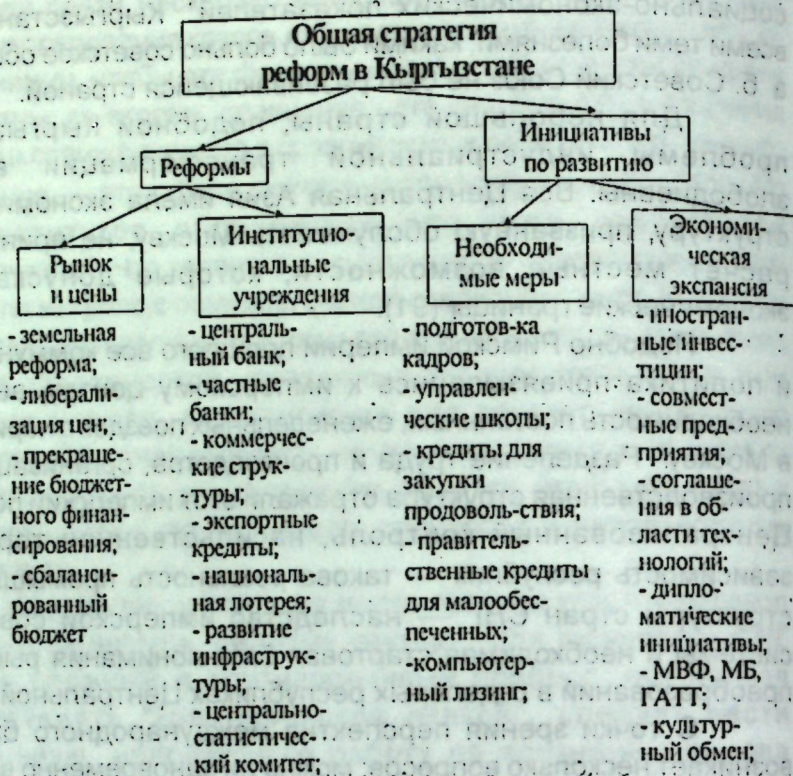
"Для небольшой страны, подобной Кыргызстану, проблемы индустриальной трансформации весьма злободневны. Вся Центральная Азия имела экономическую структуру, призванную обслуживать Москву, не принимая в расчет местные возможности, которые допускали ее экономические границы"(91).

Подобно Римской империи прошлого все коммуникации и политика привязывались к имперскому центру, вызывая необходимость постоянных, еженедельных поездок с периферии в Москву. Разделение труда и производства, организационно-производственная структура отражали этот имперский порядок. Централизованный контроль, насильственная торговля, зависимость республик — такова реальность промышленной структуры стран СНГ — наследство имперской советской системы и необходимая стартовая база понимания рыночных преобразований в отдельных республиках Центральной Азии.

С точки зрения перспектив международного бизнеса возникает несколько вопросов: можно ли одновременно вводить институты политической демократии, гражданские права, этнический плюрализм и рыночные реформы? Что может послужить исторической моделью? Каковы пути интеграции небольшой республики в глобальные процессы? Не возьмут ли региональные и этнические барьеры верх над глобализацией? Как успешно страны развивают необходимые навыки в управлении, в частном секторе, поддержке банков и т.д.

Стартовым моментом в 1991 году для новых независимых правительств было создание плана национального развития экономики, не централизованного планового подхода, как это было в прошлом, но эскиза продвинутой политики конкретных реформ. Общая стратегия реформ в Кыргызстане показана на диаграмме 1.

Диаграмма 1

“Поверхностную оценку экономических проблем, с которыми сталкиваются страны региона, можно выразить как противостояние “социалистической плановой экономики” и “рыночного частного сектора экономики”. В действительности же проблемы гораздо сложнее... Общественный сектор — развитие инфраструктуры в области здравоохранения, образования, телекоммуникаций, транспортная и окружающей среды, развитие экспорта, создание Центрального банка и реформа денежной системы — занимает первостепенное значение” (92).

Основная цель плана экономического развития — собственно не план в смысле принятия точных показателей, но план развития стратегических направлений. Осуществление плана должно быть гибким. Следует принимать в расчет общую связь с действительной реализацией, деятельностью и результатами особенно там, где история советского планирования

означала фальсификацию и искажение статистических данных, подчеркивая значение плана ради плана.

Рыночная экономика. Доказательства необходимости рыночного развития в меньшей степени основывается на идеологии, нежели на информации и сложности переходного процесса. Ни одна ныне действующая структура не в состоянии эффективно контролировать потребности сложных экономических структур. Центральный вопрос рыночной экономики — не собственности, как доказывают идеологи, но соответствующие мероприятия: открытость информации и взаимодействия (продажа и покупка); свобода действий на рынке; возможность кооперации (сотрудничество) и желание поступить именно таким образом.

Демократическая открытость. Система, увы действует только в том случае, если существует информация для сравнения, дисциплина, обратная связь. Сравнение означает, что потребитель может идти куда заблагорассудится. Дисциплина означает проверку нереальных требований продавца или нереальных ожиданий потребителя. Цена — это совпадение на рынке интересов покупателя и продавца. Поведение покупателя или продавца может проявиться под влиянием изменений (или в связи с изменившейся) информации. Если информация скудна, возможная неудача на рынке. Обратная связь является динамичным элементом системы.

Переход к частному сектору, рыночной экономике, достаточно сложный для государств СНГ процесс, он требует, во всяком случае, не менее десяти лет. Все правительства и народы должны осознать стоящий перед ними вызов. Новые политические требования должны ускорить общественное понимание трансформации экономики и ее институтов, что явится стратегической инвестицией в частный сектор. Важно, чтобы граждане республик чувствовали себя частью изменений. Это означает, чтобы все граждане быстро почувствовали результаты преобразований, быстро признавали (или понимали) ошибки, и что незначительные успехи в одних приведут к улучшениям в других секторах.

Когда Кыргызстан начал переход к реформам рыночного типа, на повестку дня всплыло несколько важных вопросов: во-

первых, насколько быстро сможет действовать в автономном режиме, вне прежней централизованной плановой системы интегрированного производства.

Переход к рыночной экономике в Кыргызстане осуществляется в историческом контексте послевоенного экономического и социального развития СССР: полного отсутствия у местных управленцев понимания западной концепции цен, добавленной стоимости или экспорта.

Распад СССР в 1991 году вызвал решительные изменения. Президентский указ 13 октября 1991 года отразил необходимость полной трансформации экономики республики. Индустриальное развитие ее требовало социальных и экономических реформ. Без экономических реформ не могло быть необходимых социальных реформ. Правительство должно иметь поддержку населения для того, чтобы осуществить программу эффективных преобразований.

В период независимости в Кыргызстане началась реализация демократических преобразований, была принята новая конституция, введены новые правила избирательной кампании, усилилась роль закона, начался медленный процесс создания правовой базы частной деятельности, иностранных инвестиций, рыночного регулирования.

Во-вторых, законодательная база перехода к новой экономической политике вылилась в серию таких мер, как:

- общие принципы приватизации, частного бизнеса и конкуренции в Республике Кыргызстан;
- иностранные инвестиции в Кыргызской Республике;
- о банках и банковской деятельности в Кыргызской Республике;
- о совместных предприятиях в Кыргызской Республике.

В-третьих, согласно ряду социально-экономических показателей, Кыргызстан является развивающейся страной с низким уровнем национального дохода. К данным показателям относятся общие экономические и демократические условия такие как, низкий уровень внутреннего валового продукта, преимущество в экономике аграрного сектора, зависимость экономики от природных ресурсов, высокая степень репродуктивности сельских жителей, избыток трудоспособного

населения, низкий уровень жизни. В то же время можно отметить ряд позитивных черт: относительно хорошо развитая промышленность и высокий уровень образования.

Структурные реформы и возрождение экономики начинались с приватизации и возможной ликвидации значительного числа убыточных предприятий. Другая сторона проблемы — несбалансированность социального и демократического развития. Радикальная реорганизация экономики требует того, чтобы значительная часть национального дохода шла на капитальные затраты и инвестиции. Однако высокий уровень рождаемости "съедает" значительную часть национального дохода в интересах социальной поддержки растущего населения и безработных.

Кыргызстан сталкивается с двумя фундаментальными экономическими и промышленными проблемами: — создание (развитие) самофункционирующей банковской системы, торговли, финансирования экспорта, денежно-валютной и налоговой политики вне структур бывшей централизованной системы советских республик и — создание экспортной экономики благодаря развитию финансовых, технологических и человеческих ресурсов.

С перспективной точки зрения трансформация экономики прежде интегрированной в централизованную плановую систему, выявляет ряд парадоксов. Во-первых, западные стандарты приватизации и частной собственности малоценны, когда отсутствуют всякая история частной собственности и индивидуальной ответственности за экономические результаты для деятельности. Во-вторых, любые предпринимательские ценности и нормы с трудом пробиваются в политическую систему, в которой индивидуализм и открытость информации являются крайним исключением. В-третьих, коммунистическая система культивировала подозрительность к иностранцам, необходимость авторитарных методов управления, страх неудачи, отсутствие духа соперничества.

Самый быстрый путь создания предпринимательской экономики — малый бизнес. Его относительная выгода состоит в том, что малый бизнес быстро обеспечивает общество услугами повышенного качества, обеспечивает социальный

комфорт, практически без всяких усилий и расходов со стороны правительства(93).

Введение системы цен — общее условие реформы. Для республик рекомендовано четыре основных элемента этого процесса:

1. Систематическое и агрессивное введение рыночных цен в экономику и свобода частного предпринимательства, частного бизнеса во всех секторах сельского хозяйства, услуг, жилья и малого бизнеса.

2. Создание правительственного механизма и институтов, особенно в банковской и финансовой областях, контроль за правительственными расходами. Реформы центробанка, инициативы в области транспорта, телекоммуникаций и энергетики, как первоочередные приоритеты (национальная лотерея может быть механизмом) "выкачивания" лишних денег и распределения их в такие проекты, как спорт, здравоохранение, образование и т.д.

3. Первоначальный шаг введения рыночных цен можно частично компенсировать серией правительственных инициатив и мероприятий для развития организационных структур. Приватизация крупных предприятий и сельскохозяйственных ферм приводит к потере рабочих мест, безработице, падению доходов населения — явлениям, незнакомым при коммунистическом режиме. Переподготовка рабочей силы должна стать реальностью и приоритетом особенно на предприятиях.

4. Напористые дипломатические акции для интеграции Республики в мировое сообщество, как средство привлечения иностранной помощи, иностранных инвестиций, усиления открытости общества в целом.

Общественная инфраструктура является ключевым моментом рыночной экономики. первоначальные цели — транспорт, телекоммуникации, водные пути и т.д. Относительная изоляция Киргизии от Запада, отсутствие эффективных путей сообщения воздвигает барьеры для притока иностранцев. Серьезные препятствия для занятий бизнесом — это недостаточно развитая телефонная сеть, факсовых и

компьютерных линий. Приоритетный, особенно в крупных городах, рост частного сектора выступает как часть стратегии реструктуриализации республик.(94). В этом отношении республики нуждаются в создании новых предприятий с новой технологией. Словом, республики нуждаются в какой-либо успешной модели. И в этом главную роль должны сыграть школы менеджеров и управления. Поэтому иностранные инвестиции, экономическое сотрудничество делают многое для развития двустороннего сотрудничества с другими республиками, и взаимовыгодных двусторонних связей с Китаем, Пакистаном, Индией, странами Среднего Востока.

Кыргызстан обладает значительным промышленным потенциалом, в частности, в области микроэлектроники и гидроэнергетики.

Кыргызстан начал быструю приватизацию мелких предприятий, включая рестораны, грузовые и таксомоторные автобазы, сферу услуг. Либерализация цен началась с импортных потребительских товаров длительного пользования. Создание правовой базы необходимой для приватизации мелких предприятий, началось с отмены законов, ограничивающих частную экономическую деятельность. Правовая система эволюционировала в сторону гарантий зарубежных инвестиций и соответствующей налоговой политики. Уже на первой стадии (1991-1993гг) от 30 до 40% торговых предприятий и сферы услуг было приватизировано. Демонополизация и конкуренция дали импульс реконструкции национальной экономики. По мере ускорения внутреннего экономического развития, установления международного сотрудничества, республика обратилась за иностранной правительственной помощью частному сектору — инициатива, которая обеспечивала большую помощь чем в любом другом государстве СНГ, в расчете на душу населения.

Ввиду продовольственных проблем в России и соседних республиках, земельная реформа, создание частных ферм и других рыночных структур в сельских районах (например, аграрных коммерческих банков) республика может значительно увеличить сельскохозяйственное производство. В 1992 году правительство выделило 1,5 млн. гектар для организации частных ферм и сельскохозяйственных кооперативов в результате чего

было приватизировано 20% земель.

В то же время Кыргызстан сталкивается с проблемой безработицы сельского населения. Налицо потребность в создании мелких предприятий по переработке сельхозпродукции, развитию традиционных ремесел в деревне, переподготовки людей. Для этого необходимо было решить три главные задачи:

1. Обеспечить минимальную материальную поддержку людей, особенно в первые годы реструктуриализации.

2. Гарантировать по возможности более полную занятость тех, кто остался безработным в результате приватизации.

3. Создать национальную систему подготовки и переподготовки кадров.

Будущее развитие Кыргызстана как всей Центральной Азии в целом может балансировать среди трех сил, причем они не исключают друг друга:

1. Формы взаимоотношений с Россией, бывшим колониальным угнетателем региона, эксплуатировавшим его энергетические и минеральные ресурсы, ныне являющейся необходимым военным и дипломатическим партнером, инвестором и имиджером;

2. Усиливается зарубежный интерес (из-за географических, этнических, националистических и региональных целей) соседних стран — Турции, Ирана, Китая, Пакистана, Индии и некоторых других.

3. Западные интересы, включая Германию и США, внимание Японии.

Кыргызстан не имеет ясной зарубежной модели развития, его политика будет функцией зарубежного влияния, а также — проявлением метода проб и ошибок в современных условиях.

Переход Кыргызстана к открытой рыночной экономике является классическим примером изучения зарубежной помощи. Подобно африканским колониям и некоторым странам Южной Америки — Кыргызстан имеет историю извне навязанных политических, экономических и т.д. ограничений. Ныне, когда эти ограничения устранены, вопрос остается: в состоянии ли республика разорвать пути многолетней структуры развития?

Не являются ли небольшие размеры страны и гибкость в осуществлении реформ новыми факторами успеха в глобальной "шахматной игре"?

Переход к рыночной экономике возможен лишь на основе денежной политики, приватизации, дерегуляции, банковской реформе. Но важны так же микрофакторы: реформа рынка труда, развитие навыков управления, развитие экспорта и малого бизнеса.

Заключая анализ статьи Чарльза Макмиллана, хотелось бы заметить, что автор не до конца понял роль России в становлении и развитии политических, экономических и социальных структур в республиках Востока, которые в общем-то не прошли этапа развитого капиталистического общества со всеми его язвами и пороками. Иначе он не стал бы употреблять такие термины как "Россия — бывший колониальный угнетатель региона", "эксплуатировавший его энергетические и минеральные ресурсы", "Вся Центральная Азия имела экономическую структуру, призванную обслуживать Москву", "имперский центр" и многие другие. Тем более, что в конце статьи автор признает за Россией позитивную роль в Центрально-Азиатском регионе, подчеркивая, что она ныне является "необходимым военным и дипломатическим партнером, инвестором и имиджером".

В раздел об экономических реформах в странах Центральной Азии мы включили несколько замечаний известного уже читателю Ахмеда Рашида. Необходимость этого вызвана тем, что экономические реформы в данном регионе, в том числе и в Кыргызстане, автор пытается рассмотреть в аспекте влияния на них идеологии ислама. Что из этого получилось — судить читателю, у нас же возникли некоторые недоумения. В частности, автор утверждает, что А.Акаев и Н.Назарбаев в 1992 году "противились выходу из рублевой зоны" и вдруг в 1993 году Кыргызстан вводит свою денежную единицу; или что "республики Центральной Азии имели преимущества перед другими республиками б. СССР именно в том, что их жители продукты питания и предметы первой необходимости приобретали в основном на базаре, выступающем стержнем экономического развития этих стран (?)" А утверждение, что

Центральная Азия смогла в результате этого избежать экономического хаоса, свидетельствует о своеобразном представлении автора об экономических процессах, происходящих в центральноазиатском регионе.

Публикуя эти вдержки, мы хотели показать, что зарубежные авторы не всегда добросовестно, со знанием дела анализируют сущность происходящих в регионе процессов и дезинформируют зарубежного читателя, тем самым, еще туже затягивая центральноазиатский узел в международных отношениях.

Ахмед Рашид пишет: "Два государства — Казахстан и Кыргызстан уже в 1991 году начали создавать правовую базу капиталистической экономики, частной собственности, иностранных инвестиций(95).

В Центральной Азии не появилась современная капиталистическая деловая элита. Старая партийная бюрократия управляла своими предприятиями как в прошлом, изменилось лишь одно: их социалистическая риторика уступила место рыночной.

В конце 1992 года усилившийся экономический кризис убедил твердолобых националистов и коммунистов усилить нажим на лидеров и выйти из рублевой зоны, создать собственную национальную валюту. Назарбаев и Акаев противодействовали этому. В октябре 1992 года Назарбаев предлагал даже создать межсоюзный банк и объединенную финансовую систему.

Центральная Азия имела отличительные преимущества над другими республиками бывшего СССР, потому что базар оставался стержнем динамичных и продуктивных частей сектора, гарантируя относительно безбедное существование. В торговле, банковском деле, маркетинге и даже производстве базарный менталитет, базарные методы, которые существовали издавна, могут стать главным мостом перехода полностью к рыночной экономике. В России идею рынка диктовала верхушка новых экономических управленцев (менеджеров), которая навязывала русскому народу нечто чуждое. В Центральной Азии дело обстояло иначе. Изучая деятельность частных предприятий на базаре, теневой экономике и внедряя эту систему в новую жизнь

с помощью законодательства, Центральная Азия смогла избежать экономического хаоса, поразившего Россию. Несмотря на экономический кризис и дефицит продуктов никто в Центральной Азии не умер от голода и лишений, что свидетельствует: жители способны выжить в базарной экономике. Ключом к экономическому успеху является понимание того, что прогресс невозможен без путей сообщения, средств коммуникаций. Доступ к портам Пакистана и Ирана, телефаксные линии просто необходимы".

Статья Шафикула Ислама интересна прежде всего тем, что в ней рассматривается положение Кыргызстана среди стран центральноазиатского региона. В большинстве работ, посвященных этой теме, заметна определенная нивелировка экономики всех стран, входящих в регион.

Ее обычно описывают как отсталую сельскохозяйственную жертву "хлопковой монокультуры", сидящей на огромных запасах нефти, газа, золота и других природных ресурсах. Подобно всем стереотипам, такое представление верно лишь отчасти. Оно игнорирует значительные и важные отличия этих стран в отношении экономических структур, ресурсного обеспечения и т.д.

Ш.Ислам откровенно выступает против такого подхода. Он пишет, что в Центральной Азии существует столь глубокие дифференциации в экономической развитии, что вряд ли есть необходимость этот регион рассматривать как единое целое. В частности, "Казахстан и Кыргызстан обладают наиболее развитой промышленной структурой. В 1991 году промышленное производство давало более 35% валового продукта. Уровень индустриализации не ниже, чем в Турции и выше, чем в Иране (21%)"(96).

Ш.Ислам далее подчеркивает, что сравнение с Турцией и Ираном "свидетельствует: Центральная Азия представляет собой не монолитную региональную экономику, которую можно описать в общих понятиях"; а весьма дифференцированную: "Некоторые страны Центральной Азии более развиты нежели Турция и Иран — два мусульманских государства, претендующие на роль регионального гегемона"(97).

Внутрирегиональное распределение ресурсов только

подтверждает такое заключение. Имидж Центральной Азии представляемый западными советологами как регион "хлопковой монокультуры" рассыпался. Тирания "хлопкового колониализма", видимо, так же применима к Кыргызстану и Казахстану, как к Флориде: хлопок попросту не занимает значительного места в производстве и занятости рабочей силы этих двух стран, где проживает 40% населения региона.

Природные ресурсы, которые больше всего привлекают внимание США, Японии и других зарубежных инвесторов в Центральной Азии — энергоносители (нефть и природный газ). Но здесь вновь налицо существенные различия: Кыргызстан и Таджикистан являются несчастливыми соседями богатых такими ресурсами Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

Золото является другим важным ресурсом, которым Центральная Азия обладает в достаточной мере. Региональное распределение золота более чем неравномерно. По запасам золота в регионе, утверждает Ш. Ислам, список возглавляет Узбекистан, затем следуют Казахстан и Кыргызстан, а вот Туркмения и Таджикистан не имеют сколь либо существенных запасов золота. Такое положение вещей, увы, жестокая правда: если иностранных инвесторов привлекают нефть, газ и золото, тогда Центральная Азия, о которой пишут большинство экспертов, "исключает Таджикистан и, вероятно, даже Кыргызстан. Что же касается других природных ресурсов, то Таджикистан и Кыргызстан обладают значительными запасами воды".

Глубокое удовлетворение, видимо вызовут у читателей рассуждения Ш.Ислама о принадлежности стран центральноазиатского региона к "третьему миру". Выше мы останавливались на правомочности такого подхода, поэтому предоставим слово автору статьи: "Другим расхожим представлением, заслуживающим тщательного критического анализа, является тезис о том, что Центральная Азия есть часть третьего мира. Понятие третий мир довольно трудно определить. Скорее всего третий мир охватывает страны, которые обладают в большей мере различиями, нежели, одинаковыми чертами в экономике, демографии и т.д., но эта концепция лишена большого значения."

"Но даже если определить "третий мир" более или менее точно, пять государств Центральной Азии в экономическом отношении, олицетворяя многие черты советской системы, и поныне составляют самостоятельную группу". "В некоторых чертах они обладают атрибутами "типичной страны третьего мира", но в другом отношении они резко от них отличаются. Эти отличия отражают позитивные достижения советского режима — высокий уровень индустриализации, всеобщее среднее образование, превосходная система общественного транспорта, высокие достижения в области высшего образования и научных исследований в математике, технике и т.д. соответствующая сеть социальной защиты с всеобщей доступной медициной. (98).

В образовании и здравоохранении достижения Центральной Азии, конечно, сильно уступают развитым капиталистическим странам, но они все же весьма впечатлительны по сравнению с развивающимися странами."

"Вероятно, самой важной чертой отделяющей страны Центральной Азии от стран "третьего мира" с высоким уровнем доходов — качество человеческого материала. Благодаря обязательному среднему образованию в СССР, центральноазиатский регион обладает высокообразованной и квалифицированной рабочей силой. (99). Уровень грамотности взрослого населения и вузовского образования не уступает индустриальным государствам Восточной Азии. Академии наук, особенно в Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане располагают, порой, лучшими в мире учеными. Оборона, высокие технологии и отрасли тяжелой промышленности занимают тысячи инженеров, техников, квалифицированных рабочих. Большая часть этой рабочей силы — местное коренное население, хотя этнические русские относятся к меньшинству. Многие из них покидают республики из-за страха этнической дискриминации и в поисках более обеспеченной материальной жизни, что уже вызвало определенные трудности в некоторых отраслях Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Большая же часть русских осталась здесь, невзирая на экономические трудности, антирусский национализм".

Однако, отмечая глубокую дифференциацию экономического развития стран центральноазиатского развития,

автор считает, что их не следует противопоставлять друг другу, ибо они вышли из одного интегрированного экономического пространства со всеми его плюсами и минусами. Это в известной мере, проявилось в процессе разработки и осуществлении реформ. Несомненно, можно согласиться с мнением автора, считающим, что стратегию реформ в регионе характеризуют несколько общих черт. Во-первых, по крайней мере на начальной фазе, ход политических реформ позитивно соотносится с экономическими реформами — первые казалось определяли вторые. Например, Кыргызстан, наиболее последовательный политический реформатор региона, сделал многое в реализации рыночных реформ. В 1992 году госдепартамент США в обзоре прав человека дал наивысшую оценку Кыргызстану среди всех республик бывшего Советского Союза, включая вестернизированную Балтию. В мае 1993 года Кыргызстан принял Конституцию, которая провозгласила принцип разделения властей (исполнительной, законодательной, судебной), защиту прав человека и национальных меньшинств. Противоположным примером является Туркмения, где президент-диктатор защищал старую, командную экономику от волны рыночных реформ. Во-вторых, президент демократ или нет, но он один определяет курс политики и экономики страны. В-третьих, руководители государств региона, казалось, заявляют об одних и тех же целях экономической политики. Они все хотят строить "социально ориентированную рыночную экономику". Различия возникают на грани "социально-рыночная". Например, "социально-ориентированная" для Назарбаева означает право народа на бесплатное медицинское обслуживание, образование и пенсии(100).

Впрочем, можно говорить об одной общей черте рыночной экономики: все четыре правительства отчаянно стремятся получить прямые иностранные инвестиции и торговых партнеров вне рамок бывшего Советского Союза, чтобы реализовать свою продукцию. При том, что философия создания собственной рыночной экономики значительно отличается общим для всех государств центральноазиатского региона стремлением к интеграции в мировую экономику. В-четвертых, все четыре правительства проводят политику поспешных реформ,

отличающихся размерами, силой и скоростью. Например, Кыргызстан прошел большой путь в области макроэкономической стабилизации и либерализации нежеле другие республики, но уступает им в приватизации, развитии новых начинаний и предпринимательстве. Напротив, Узбекистан преуспел в приватизации жилья, которая в Ташкенте практически закончена."

Эти различия, однако, не оказывают влияния на, в высшей степени, благожелательное отношение к международным финансовым институтам, программам развития. Все страны региона являются членами МВФ, Всемирного Банка, Европейского банка реконструкции и развития. Наконец, стратегия стран центральноазиатского региона весьма динамична, находится в постоянном изменении.

"Макроэкономический разброд, поразивший экономику республик Центральной Азии, в значительной степени является следствием распада Советского Союза, а не внутренних рыночных реформ(101). Подобно остальным регионам бывшего Советского Союза, центральноазиатские государства в одинаковой степени страдают от трех факторов развития: краха общесоюзной командной системы с ее высокочувствительным уровнем производства, торговли и платежей; внезапная независимость от России — сердцевины системы и одновременно продолжающаяся зависимость от России, которая сама находится в тисках жесточайшего экономического и политического кризиса.

Огромная инфляция, падение жизненного уровня в регионе являются следствием существования этой независимости и зависимости от ядра межзависимой экономики."

Определенный интерес в теоретическом плане представляет категория экономических отношений — "межзависимая экономика". К сожалению, автор не раскрывает своего отношения к этой категории, но пользуется ею довольно широко. Из контекста статьи можно сделать вывод, что под "межзависимой экономикой" автор понимает совокупность противоречивых явлений в экономике стран СНГ, возникших в результате ликвидации Советского Союза, но сохранивших более глубокие связи с Россией — ядром межзависимой экономики,

нежели с другими странами мирового сообщества. В частности, он пишет: "Трения между силами межзависимости, независимости и зависимости определяют пределы деятельности правящей элиты. При общих подходах к рыночным реформам все республики Центральной Азии значительно различаются по экономической стратегии и действенным мерам политического руководства каждого государства, которое совершает непредсказуемые и часто взрывные шаги в этом треугольнике. Предметом такой функциональной экономической стратегии является выход из рублевой зоны. Это решение внесло раскол в регионе, вызвав глубокое воздействие на все аспекты экономических реформ. Кыргызстан покинул рублевую зону в мае 1993 года и ввел собственную национальную валюту — сом. Туркмения также ввела свою валюту — манат.

Три остальные государства региона пока остались в рублевой зоне, мотивируя это политическими и экономическими обстоятельствами. Такой шаг должен был обеспечить им поступление субсидий и трансфертов из России, а также поступление нефтепродуктов по ценам намного ниже мировых. В политическом отношении они хотели сохранить тесные отношения с Москвой, чтобы предотвратить утечку инженеров, профессионалов в результате массовой миграции местного русскоязычного населения и приобрести российский "зонтик безопасности".

"Кыргызстан одним из первых государств бывшего Советского Союза принял амбициозную программу рыночных реформ. В 1992 году президент А.Акаев со своими сподвижниками принял серию законов и указов, которые создавали институты нового рынка и выдвинули первоочередные цели приватизации. К сожалению, Кыргызстан является государством, ресурсы которого весьма ограничены, что, несомненно, сдерживает его развитие. (102).

Слишком много факторов работают против Кыргызстана. Его экономика характеризуется высокой специализацией и сильной торговой зависимостью от республик бывшего Советского Союза; он так же зависел от крупных трансфертов, субсидий и союзного бюджета, что составляло 11% общего валового продукта — в 1990-1991 гг.; импорт из районов бывшего

СССР в 20 раз превышал экспорт. Кыргызстан был импортером даже продовольствия и тем более, находился в большой зависимости от поставок нефти и газа. Его географическое положение приводит к относительной изоляции от рынка; он страдает от ограниченных технических и управленческих возможностей, что сдерживает операционные способности вновь созданных институтов, необходимых для соответствующего экономического и политического руководства."

Такое огромное количество помех на пути к капитализму вынуждает сдерживать свой пыл даже наиболее ретивого, в этом плане, руководства. Неудивительно, что в условиях углубляющегося экономического кризиса правительство вынуждено периодически сдерживать ход реформ, чтобы как-то уладить отношения с растущей политической оппозицией экономической программе.

Власти Кыргызстана так же реформировали систему государственных заказов, что помогло постепенно освободиться от общесоюзной системы экспортного лицензирования, двусторонних протоколов, включая сильные элементы бартерных соглашений, искусственного ценообразования для длинного списка определенных товаров.

В дополнение правительство Кыргызстана преобразовало старую советскую монобанковскую систему. На ее месте появилась разветвленная система банков: коммерческих, акционерных, частных, отраслевых, в которой национальный банк не играет роли пастыря.

Кыргызстан первым из небалтийских стран выполнил три задачи одновременно — ввел собственную валюту; получил одобрение со стороны МВФ и кредиты.

Введя сом, теперь Бишкек, а не Москва несет ответственность за денежную политику, которая была призвана в первую очередь контролировать инфляцию. К сожалению, эта независимость от бывшего Центра не привела республику к желаемой макроэкономической стабилизации.

Приватизация в Кыргызстане началась после принятия соответствующего закона — 20 декабря 1991 года. К декабрю 1992 года примерно две тысячи небольших предприятий торговли, сферы услуг были приватизированы. Примерно 1/5

часть из них выкупили трудовые коллективы, а свыше половины были проданы на аукционах или тендерах. Наиболее быстро прошел процесс, который красноречиво говорит о том, что проблема рынка, частной собственности, новых отношений между людьми и приватизированными предприятиями, соответствующего законодательства и т.д. стали доступны и понятны основной массе населения и восприняты как необходимое условие дальнейшего развития республики.

Ход приватизации и реструктуриализации промышленных предприятий интересуют и зарубежную общественность. Об этом, в частности свидетельствует статья Джона Хинли и Джорджа Ассафа "Реинтеграция республик Центральной Азии в мировое пространство", опубликованная в 1995 г. Авторы статьи обращают внимание прежде всего на тот очевидный факт, что ни в одной из суверенных республик не было научно разработанных концепций приватизации и реструктуриализации, как начала формирования рынка и рыночных экономических отношений. Отсутствие концепции, дополненное расшатыванием экономики, инфляцией, закрытием наиболее рентабельных предприятий не могло не привести к таким экономическим потрясениям, которые, в социальном плане, вылились в массовую безработицу, пауперизацию населения, рост преступности, появление современных нуворишей и т.д. Авторы видят в этом одну из причин того, что в постсоветских республиках приоритетной стала мелкая примитивная торговля, получившая у нас очень выразительную характеристику — "челночная экономика", а ее творцы — "челноки", совершая вояжи в другие республики и страны дальнего зарубежья, занимались обыкновенной спекуляцией, что ни в коей степени не способствовало формированию современного цивилизованного рынка.

"Все республики Центральноазиатского региона приняли законодательство о рыночных реформах, приватизации, промышленной реструктуриализации, мелких и средних предприятий, но ни одна из них не разработала "ясное видение" индустрии в форме программы развития. Отсутствуют также точные статистические данные и другая информация о промышленном секторе республик. Не удивительно поэтому, что в республиках отсутствует отчетливый фокус индустриального

развития. Но без ясного фокуса направления или приоритетов, ни приватизация, ни реструктуриализация невозможны. Все республики заявили о своем намерении развивать программы промышленного развития в ближайшем будущем. Однако, на этот счет имеются ограниченные возможности и способности правительственной машины(103).

Развитие частного сектора и приватизация нерасторжимо связаны с промышленной реструктуриализацией. Причина проста: в экономике почти полностью доминировала государственная собственность; рынок сырья, кредиты и т.д. все определялось государственным сектором. Создание государственных и частных предприятий жизненно необходимы для эффективной реструктуриализации в промышленности, торговле, развитии международных стандартов, эффективности и конкурентоспособности экономики. В настоящее время (1995г.) макроэкономическая стабильность все еще не достигнута, что побуждает развиваться преимущественно торговому частному сектору, т.к. именно здесь наиболее высока оборачиваемость денег, а, следовательно, и в более короткий период ощущается доход, хотя и небольшой по своему уровню".

Здесь следует добавить, что если на заре капиталистической эры рост торговли вызвал к жизни такую экономическую категорию как "первоначальное накопление капитала", который впоследствии был вложен в развитие мануфактуры, а затем и фабрики, приведшие к господству машинного производства, то в постсоветских республиках пока этот процесс не наблюдается. Даже приватизированные предприятия являются либо предметом купли-продажи, либо "перепрофилируются" так, что превращаются в склады, увеселительные заведения, кафе, рестораны, игорные дома и т.д.

Поэтому экономическая стабилизация пока еще остается "голубой мечтой" и, если статистика и отмечает некоторый экономический рост Кыргызстана, например, то он определен прежде всего увеличением добычи золота и экспорта предметов роскоши и драгоценных металлов. Что не осталось без внимания Д.Хинли и Дж. Ассафа: "Исходя из опыта Центральной и Восточной Европы можно предсказать некоторые проблемные

области. Правда в условиях Центральной Азии эти проблемы приобрели крайние формы. Итак:

1. Очень слаба банковская и финансовая инфраструктура, когда только отдельные банкиры могут оценить коммерческий и финансово-посреднический риск.

2. Отсутствие явных источников капитала для развития реструктуриализации или реинвестиций в приватизированный или частный сектор.

3. Правовая регуляционная инфраструктура для поддержки частного сектора быстро создала с технической помощью Всемирного Банка и других (особенно в Казахстане и Кыргызстане) систему управления малыми предприятиями. Но обычно эта система не действует из-за отсутствия профессионалов-менеджеров в правительственной администрации".

Вопрос о приватизации в регионе напрямую связан с промышленной реструктуриализацией. Низкие темпы приватизации (промышленных предприятий — авт.) в республиках и отсутствие хорошо развитого частного сектора обуславливают то обстоятельство, что на некоторое время в общественном секторе будут преобладать государственные предприятия. Следовательно, важно, чтобы в этот промежуток времени правительства постарались улучшить эффективность, продуктивность и конкурентоспособность государственных предприятий. В этом контексте промышленная реструктуриализация стала основным вызовом подъема промышленности в республиках. Однако существующая промышленность в регионе в настоящее время сталкивается с серьезными трудностями." (104)

Во всех странах Центральной Азии переход от командной к рыночной экономике, от регулируемой к либерализированной торговле и ценам привел к тому, что многие отрасли были отрезаны от традиционных источников сырья, рынков сбыта, снижению внутреннего потребления. Больше того, сокращение или приостановление правительственных субсидий в купе с наплывом импортных товаров обнаружило крайне низкий уровень конкурентоспособности отечественных товаров, недостатки производственного процесса, использования

производственных мощностей и промышленных структур. Без реструктуриализации ни одна из стран региона не в состоянии решить проблему высокого уровня безработицы. Политическая стабильность в регионе носит слишком хрупкий характер, чтобы выдержать высокое социальное давление. Реструктуриализация необходима, чтобы не допустить восстановления существующих прежде условий неэффективного производства, устанавливая вместо него новую базу надежного производства и его повсеместного роста.

"Падение объемов производства, обычное банкротство некоторых промышленных предприятий являются неотъемлемой чертой динамичного процесса промышленного развития. Однако эти явления могут свидетельствовать также о неадекватной экономической политике и других недостатках хозяйственной среды или результатом коренных изменений условий, в том числе рост цен и т.д."

В контексте промышленной реструктуриализации, из-за приоритета Москвы в распределении капиталовложений многие районы республик Центральной Азии, в прежние времена, были обделены вниманием. В некоторых районах фигурировали города-предприятия, т.е. когда городской бюджет в основном пополнялся за счет обязательных и добровольных отчислений какого-либо ведущего предприятия. Закрытие такого предприятия грозило социальными и экономическими бедствиями.

"Правительства республик Центральной Азии должны проводить активную политику регионального развития как способа поддержки промышленной реструктуриализации. Действительно, администрация таких крупных городов, как Ош в Кыргызстане, Караганда, Павлодар, Чимкент в Казахстане и т.д., среди прочего являются мощными политическими силами со своими интересами. Любые планы по значительному изменению размеров предприятий в отдельных регионах могут вызвать мощный взрыв социальных беспорядков и в отдельных случаях привести к противостоянию местных властей с центральным правительством."

Поэтому для поддержания внутренней политической стабильности в переходный период чрезвычайно важно

выдвигать инициативы регионального экономического развития.

“На региональном уровне в процессе реструктуриализации возникают две главные проблемы: во-первых, необходимо обеспечить представительство местных групп интересов при решении вопросов, касающихся реструктуриализации и нахождения путей улучшения ситуации. Местные политики, должностные лица и группы интересов должны иметь доступ к профессионалам и ресурсам и выдвигать инициативы. Во-вторых, проблема занятости и безработицы населения. Важно способствовать частному предпринимательству и предприимчивости, развивая мелкие и средние предприятия. В этом отношении необходимо создать на региональном уровне “агентства по развитию”, чтобы направлять местные усилия и обеспечивать подготовку проектов региональной помощи либо от национального правительства либо от спонсоров. Такие агентства ценны с точки зрения сбора информации.”

Информационализация деловой активности, усиление конкуренции регионов за увеличение инвестиций ставит задачу привлечения внутренних и зарубежных капиталов, что требует профессиональных навыков. Кроме того, регионы конкурируют как производители услуг, которые они могут предложить инвесторам, в том числе услуги по маркетингу, транспортировке, консультации, финансовые услуги и, конечно, наличие хорошо образованной и производительной рабочей силы.

В Центральной Азии нет традиции поставщика услуг. Эти услуги необходимо развивать на региональном и национальном уровнях, если блага экономического роста, когда он наступит, распространятся на регионы.

“Следует кратко остановиться на отношениях реструктуриализации и приватизации. Не должна ли приватизация предшествовать реструктуриализации? Однозначного ответа на этот вопрос нет и не может быть. Все зависит от страны, степени ее развития, отрасли производства или отдельного предприятия(105).

Многие предприятия в республиках Центральной Азии требуют помощи в осуществлении планов реструктуриализации прежде, чем будет проведена приватизация. Действительно, ввиду медленного процесса приватизации, видимо, предпочтение

следует отдать реструктуриализации. Во многих случаях” это необходимо, правда, если только найти для них частного инвестора удастся не скоро.”

Такая предприватизационная деятельность обычно включает правовую реорганизацию (преобразование государственных предприятий в акционерные компании или предприятия с ограниченной ответственностью) и создание надежных подразделений бизнеса, отказ от неосновной деятельности или социальных услуг. В некоторых случаях требуется финансовая реорганизация для того, чтобы, так или иначе, привлечь частные инвестиции.

На уровне предприятий, где главное действующее лицо — менеджер, требуется экстенсивная реорганизация, включающая выпуск новой продукции, использование современных менеджеров, бухгалтерских навыков и маркетинговой практики.

Государственные холдинговые компании, как главный фактор.

Многие государственные предприятия, считают авторы, были формально придатками государственных холдинговых компаний или ассоциаций. Иногда холдинговые компании были просто прежними функциональными министерствами.

“Приватизация и корпоратизация постепенно укрепили позиции генерального директора отдельных государственных предприятий. Это явление особенно далеко зашло в Кыргызстане, где приватизация передала большую часть собственности работникам. Но даже в таком случае хронический дефицит сырья, оборотного капитала до сих пор ставит большинство предприятий в зависимость от государственного бюджета(106).

Преобладание государственных холдинговых компаний, действующих на уровне межгосударственной плановой и бюджетной систем и предприятий создает дополнительные сложности для реструктуриализации в регионе, в то время как они могут действовать в качестве промежуточных институтов при крахе Центральной плановой системы. Основа для их правовой и финансовой поддержки пока неясна, однако, они осуществляют официально важные контрольные функции предприятий

особенно капитального финансирования, маркетинге и реализации."

Холдинговые компании страдают от многих зол прежнего механизма центрального планирования. В частности, концентрируя торговые операции в холдинговой компании, предприятия эффективно изолировались от рынка и потребителей своей продукции. Не было создано ни одной холдинговой компании, которая ввела бы систему контроля, основанную на современной системе менеджерского бухучета.

Вместо этого основной функцией холдинговых компаний стала: "быть административным, собственно, пассивным распределителем денежных потоков и разрешений о торговле (реализации)."

"Вопрос: не следует ли холдинговые компании устранить или преобразовать? Очевидно, что нет категоричного ответа, поскольку он зависит от многих факторов, в том числе персонала холдинговых компаний. Однако, ввиду сложности задач экономической реформы в Центральной Азии, именно — нехватки компетентного управленческого персонала, чтобы руководить реструктуриализацией на многих государственных предприятиях региона, холдинговые компании должны еще работать."

В заключении статьи авторы особое внимание уделяют проблеме управления предприятиями, как необходимого условия экономической стабилизации и дальнейшего развития.

Менеджмент и развитие предпринимательства.

"Развитие менеджмента широко признается как приоритет технической помощи. Общий объем подготовки менеджеров в республиках трудно оценить, чтобы не сказать, что этого невозможно сделать. Влияние менеджмента очень ограничено. Ни одно предприятие, на котором мы побывали, не имело бизнес-плана, никто даже не знал, из чего собственно складывается стратегия ориентированного на рынок бизнеса. Управленцы предприятий:

1) полагали, что их стратегическое мышление фокусировалось на динамике государственного планирования и бюджетной системе независимо от того, что предприятие было

формально акционерным обществом;

2) принимали решение в соответствии с административными или бюрократическими критериями скорее, чем на основе экономических или предпринимательских факторов;

3) были очень удивлены западной технологией, стремились преодолеть разрыв между существующим предприятием и технологией;

4) не имели доступа к современной информационной системе; не были знакомы с активными финансовым менеджментом;

5) были, не в состоянии составить план маркетинга или продемонстрировать рыночную исследовательскую активность. Руководители предприятий пассивно ожидали от холдинговых компаний или соответствующих торговых организаций распоряжений о закупке;

6) рассматривали промышленный дизайн и развитие как автономную деятельность, лишенную всякой систематической системы ожиданий потребителя. Даже дизайн готовых изделий был для них своего рода эстетическими упражнениями, никоим образом не связанными с соображениями маркетинга;

7) были не способны контролировать качество продукции;

8) не контролировали зарплату, условия труда и социальные задачи предприятий.

Эффективная менеджерская подготовка требует поддержки культуры предприятий."

Таким образом, Д.Хинли и Дж.Ассаф, в целом благоприятно отзываясь о происходящих экономических сдвигах в Кыргызстане, возможных перспективных успехах, напрямую связывают их с развитием менеджмента на предприятиях. Не случайно в зарубежной экономической литературе придают первостепенное значение организации управления предприятием, начиная от организации условий рабочего места и труда и кончая сложнейшими технологиями.

В нашей же литературе проблеме управления предприятиями уделялось второстепенное, если не ниже,

значение. В научных и общественно-политических публикациях господствовала точка зрения о том, что главное — обеспечить научное управление обществом. Последнее представлялось как приведение в соответствие субъективной деятельности людей с требованиями объективных законов общественного развития. Коль общество подчинено действию объективных законов, то и предприятия не могут их избежать, а, следовательно, управление ими выступает как функция научного управления обществом. Поэтому всякие новации в области предпринимательского менеджмента преследовались, если не репрессивным, уголовно наказуемым (было и такое), путем, то всяческими запрещениями, комиссиями, критикой и другими нехорошими действиями, имеющимися в арсенале партийных и народно-контролерских органов в избытке.

Сейчас, по прошествии почти 10 лет со времени объявления независимости и суверенитета Кыргызской Республикой и началом перехода ее к рыночным отношениям, можно подвести некоторые предварительные итоги экономических достижений страны.

В конце декабря прошлого года еженедельник "New Europe" опубликовал статью, посвященную реформам в Кыргызстане, где подчеркивает, что экономика республики развивается успешно, хотя и не высокими темпами. Кыргызстан в области стабилизации макроэкономики, начиная с 1995 года, прочно удерживает положительные позиции: если рост внутреннего валового продукта составил 1%, то в 1996 году этот показатель достиг уж 5%. По данным Национального статкомитета Кыргызской республики объем ВВП в январе-августе 1997 года в текущих ценах составил 17338,1 млн. сомов, что на 18,1% выше, чем за соответствующий период прошлого года. Рост реального объема ВВП произошел за счет увеличения объема продукции промышленности и сельского хозяйства. Удельный вес этих отраслей в объеме внутреннего валового продукта в июле составил 67,8%, августе — 68,1%. К ноябрю месяца по данным "New Europe" ВВП возрос до 23,6 млрд. сомов.

Далее еженедельник отмечает, что производство, хотя и растет, но некоторые его области безнадежно отстают. Об этом весьма убедительно говорил премьер-министр Кыргызской

Республики К.Жумалиев на встрече с журналистами в июне 1998 года: "На пальцах можно пересчитать предприятия (в промышленности — авт.) имеющие положительный результат. в число их входят: "Кумтор оперейтинг компани", аффинажный завод Кара-Балтинского горнорудного комбината, Джалал-Абадский нефтеперерабатывающий завод, Хайдарканский ртутный комбинат, "Кыргызавтомаш", Кантский цементно-шиферный комбинат"... В октябре 1998 года Президент Кыргызской республики А.Акаев, выступая в парламенте, говорил, что объем промышленного производства все еще низкий. Катастрофически падает производство в легкой промышленности: за 10 месяцев оно снизилось на 12%, а производство электроэнергии за этот же период упало на 10%(107).

Тяжелое положение сложилось и с бюджетом. Как свидетельствует "New Europe" за январь-сентябрь его дефицит составил 792,7 млн. сомов (около 46 млн. долларов США). Этот дефицит компенсировался за счет внутренних источников — кредиты Национального банка (43%), кредиты международных финансовых организаций (47%), доходы от продажи казначейских векселей (10%). В целом доходы республики оставили 3,2 млрд. сомов (15% ВВП), а расходы — 4,9 млрд. сомов (19% ВВП). 77% всех доходов составили налоги. На 1998 проект предполагает рост ВВП на 4,6% и следовательно дефицит бюджета сократиться до 4,2% ВВП вместо 5,6% ВВП в 1997 г.

Уровень инфляции в 1996 г. составил 22 %, а цены на потребительские товары поднялись только на 10,4-10,5% (с января по октябрь) свидетельствует еженедельник. Казалось бы, что эти цифры должны вызвать оптимизм, однако, по свидетельству председателя Национального банка М.Султанова за ноябрь цены поднялись еще на 6 процентов. Симптом довольно опасный.

Промышленный сектор в Кыргызстане был одним из наименее эффективных в бывшем Советском Союзе. И это не случайно: он в основном был ориентирован на оборонную сферу — на наименее непродуктивные заводы, а другие (мирные) предприятия не могли конкурировать ни на международном, ни на союзном рынках. Поэтому основная ставка в настоящее время делается на сельское хозяйство (надо учитывать, что 60%

населения КР проживает в сельской местности), что дало положительные результаты. К концу октября 1997 года республика собрала 1 млн. 735 тысяч тонн зерна, почти в два раза больше, чем необходимо для удовлетворения внутренних нужд (900 тыс. тонн). Эта тенденция сохранится и в текущем году. Поэтому не случайно, что в сельском хозяйстве наиболее успешно протекают реформы.

Несмотря на такие противоречивые факторы в экономическом развитии республики, программа массовой приватизации завершается, чему в немалой степени способствует стабилизация финансово-кредитной системы. Как отметил К.Жумалиев активизировалась деятельность "Кыргызской сельскохозяйственной финансовой корпорации, которая в прошлом году выдала кредитов на 35 млн. сомов и обеспечила 95% возвратности". Еженедельник "New Europe" связывает успехи приватизации с открытием в Бишкеке второй фондовой биржи Центральной Азии, играющей важную роль в содействии развитию рынка капитала, где необходимо обеспечить направление дефицитных финансовых ресурсов в сферы высокой экономической отдачи."

Заканчивая данную главу, хотелось бы обратить внимание читателя еще на одну деталь: общим для всех авторов, анализирующих тяжелое экономическое состояние нашей республики является то, что все ее бедствия они связывают с командной системой во главе которой стояла Россия и договариваются даже до того, что она экономически эксплуатировала национальные окраины, подчиняя их своим амбициям и великодержавным аппетитам. Ни один из авторов не связывает себя обязанностью раскрыть истинную роль России в подъеме экономики и развитии экономической структуры бывших окраин царской империи. Подход столь же одиозный, сколь и упрощенный. Мы конечно понимаем "социальный заказ", стоящий перед авторами подобных концепций, но наука все-таки требует объективности, односторонний подход к социальным явлениям всегда посрамлял авторов.

Наличие экономических кризисов во всех бывших советских республиках нельзя искать только в злых умыслах одной из этих республик, даже если она и самая большая, вроде

России. Процесс значительно сложнее и то, что плавает на поверхности отнюдь не является первопричиной.

Дело заключается в том, что в централизованном государстве, а Советский Союз был таковым, для стабильного развития должно быть и централизованное управление. В условиях господства государственной (ее тогда называли общественной) собственности такое централизованное управление экономикой могло осуществляться лишь на базе единого народнохозяйственного планирования.

Плановая система (если планы реальны) не самая худшая форма организации хозяйственного развития. Другое дело, что советские планы, как правило, были нереальны, большей частью завышены, а дальнейшее развитие производства шло от достигнутого, точнее: от "невыполненного достигнутого". Это во-первых. Во-вторых, спецификой советского менталитета во всех сферах деятельности была поспешность. И эта специфика не исчезла с развалом Советского Союза, она была перенесена на рыночные отношения, для которых почва ни в одной из республик не была подготовлена, не было научно разработанной концепции перехода к рынку с учетом национальных особенностей. Все республики в один голос заявили о создании социально-ориентированного рынка, не утруждая себя пониманием нелепости, самой категории "социально-ориентированный рынок". Квазинаучная постановка этого вопроса создавала определенный имидж для авторов "социально-ориентированного рынка". И началось... Социально-ориентированная приватизация, получившая в народе грубое, но вполне емкое понятие — "прихватизация", "социально-ориентированный отпуск цен". Неправда ли весьма "мощную социальную роль" сыграло это гайдаровское "изобретение", оказавшееся на редкость живучим? Кто всю жизнь честно трудился — остался ни с чем, даже малые сбережения у него отняли: надо же было как-то покрывать финансовый дефицит, а кто стоял около производства, тот успел прихватить его, на "отпущенных" ценах сколотил весьма приличный капитал.

Речь идет здесь об объективности аналитического подхода, научной добросовестности, лишенной каких-либо идеологических стереотипов. Так или иначе процесс

реформирования развивается в возвышающейся тенденции и никто не в силах остановить его. Завершить разговор хочется на более оптимистичной ноте, которую подсказал нам еженедельник "New Europe": "Будущее Кыргызстана зависит в большей степени от завершения программы экономической реорганизации. Необходима дальнейшая работа, чтобы обеспечить прогресс макрэкономики." Не следует бояться реальности. Очень хорошо по этому случаю говорил наш Президент А.Акаев: "Естественно, что вначале у нас не было готовой модели перехода из одной системы в другую."

Мы были вынуждены идти путем проб и ошибок..., но "смысл всех наших усилий по реформированию общества и экономики состоит в том, чтобы способствовать обретению человеком самого себя и своего места в жизни"(108).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРАХ (данные приведены на момент выхода соответствующих публикаций)

1. Азер Кандан — посол Турции в Пакистане
2. Ассаф Джордж — сотрудник ООН (Вена, Австрия)
3. Боздаг Абидин — сотрудник института Востока (Гамбург, Германия)
4. Брэди Кристин — член комитета по иностранным делам конгресса США
5. Даннрейтер Роланд — научный сотрудник лондонского международного института стратегических исследований (Великобритания)
6. Дуран Халид — сотрудник исследовательского института международной политики (Филадельфия, США)
7. Ислам Шафикул — старший научный сотрудник Совета по международным отношениям (США)
8. Кайзер Роберт — доцент географии университета Миссури (США)
9. Кричлоу Джеймс — сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета (США)
10. Куллэн Роберт — журналист, автор статей о России и бывших советских республиках в «The New Yorker», «The Atlantic Monthly», «Foreign Affairs»
11. Кэнфилд Роберт — профессор отделения антропологии университета Сент-Луиса (Миссури, США)
12. Макмиллан Чарльз — профессор международного бизнеса Йоркского университета в Торонто (Канада)
13. Малик Ифтихар - старший научный сотрудник Сент-Антониз колледж, Оксфордский университет (Великобритания).

14. Мандельбаум Майкл — директор проекта «Восток-Запад»
Совета по международным отношениям университета им. Джона
Гопкинса (Вашингтон)

15. Мейнард Мишель — член комитета по иностранным делам
Конгресса США

16. Мэллоу Крэг — корреспондент журнала «The Banker»

17. Олкотт Марта Брилл — профессор факультета
политических наук Колгейтского университета, старший научный
сотрудник Филадельфийского института по изучению
международной политики (США)

18. Остеркамп Ригмар — сотрудник проекта общества
технического сотрудничества (Германия)

19. Пайпс Дэниэл — редактор журнала «Middle East Quarterly»

20. Патнак А. — сотрудник университета Дж. Неру (Индия)

21. Рашид Ахмед — журналист, шеф бюро по Пакистану,
Афганистану и Центральной Азии журнала «Far Eastern Eco-
nomic Review» и газеты «Daily Telegraph»

22. Рейсснер Иоганн — специалист по проблемам социально-
культурного развития Ирана, стран Арабского полуострова и
исламского мира (Германия)

23. Рем Т. — экономический обозреватель (Германия)

24. Ритц Дитрих — научный сотрудник института Востока
(Гамбург, Германия)

25. Тарин Первез Икбал Хан — сотрудник центра региональных
исследований Пешаварского университета (Пакистан)

26. Уфер Х. — экономический обозреватель (Германия)

27. Фэн Фрэнсис - сотрудник факультета административных
исследований Йоркского университета (Великобритания)

ПАКИСТАН

28. Фукуяма Фрэнсис - американским политолог

29. Фуллер Грэхэм — старший научный сотрудник «Rand Cor-
poration» (США)

30. Хальбах Уве — сотрудник федерального института
международных исследований (Кельн, Германия)

31. Хан Азат Хайят — директор центра региональных
исследований Пешаварского университета (Пакистан)

32. Хаски Юджин — сотрудник Стетеновского университета
(США)

33. Хинли Джон — сотрудник школы менеджмента
Эдинбургского университета (Великобритания)

34. Хельмтrott Х — экономический обозреватель (Германия)

35. Шенгхерр С. — экономический обозреватель (Германия)

36. Шпорлук Роман — профессор исторического факультета
Гарвардского университета (США)

37. Штадельбауэр Йорг — сотрудник Института географии
культуры Фрейбургского университета (Германия)

38. Эффенди Мохаммад — пакистанский полковник

1. *Canfield R.* Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configurations. *Asia Survey*, Vol.32, #10, 1992, p. 885.
2. *Avineri Sh.* Nationalism in Post Communist Societies. *European Review*, #2, 1997, p.253.
3. *Fukujama F.* The End History and The Last Man. N.Y., 1992, p.220.
4. Assistance to the Newly Independent States: A Staff Report to the Committee on Foreign Relations of the United States Senate February, 1994, Washington, p.1.
5. *Khan A.* Islam and Muslims in Eastern Turkestan. *Central Asia Journal*, #30, 1992, p.19.
6. *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, Vol. 18, #4, 1995, p.49-50.
7. Вестник Международного университета Кыргызстана. №1, 1998, с. 73.
8. *Huskey E.* The Rise of Contested Politics in Central Asia: Elections in Kyrgyzstan 1989-90. *Europe-Asia Studies*, Vol. 47, #5, 1995, p.818.
9. *ibid.*
10. *ibid.*, p.819.
11. *Olkott M.B.* Ceremony and Substance: The Illusion of Unity in Central Asia. In: *Central Asia and the World. Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan.* Ed. by M.Mandelbaum. N.Y., 1994, p.40.
12. *Rashid A.* The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationism? L., N.Y., 1995, p.147.
13. (8), p.819.
14. *Bosdag A.* Krise und Demokratie in Kirgisien, *Aussenpolitik*, #3, 1992, s.281.
15. *Kaizer R.* Ethnic Demography and Interstate Relation. In: Na-144

- tional Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. Ed. by Szporluk, L., N.Y., 1994, p.260.
16. See: *Smvoha S., Hanf T.* Modes of Conflict-Regulation in Divided Societies. In: *Ethnicity and Nationalism.* Ed. by A. Smith, Leiden, 1992, p.26-47
  17. (14), s. 132.
  18. *Reetz D.* Central Asia and Pakistan A Troubled Courtship for an Arranged Marriage: Conflicting Perceptions and Realities. *Central Asia Journal*, #37, 1995, p.22.
  19. *Reissner J.* Mittelasian im Regionalpolitischen Kraftfeld. *Geografische Rundschau*, #4, 1994, s.226.
  20. (14), p.282.
  21. *Osterkamp R.* Reformpolitik in Kirgisien, *IFO Schelldienst*, #20, 1993, s.20.
  22. *Islam Sh.* Capitalism on Silk Route? In: *Central Asia and the World. Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan.* Ed. by M.Mandelbaum. N.Y., 1994, p.159.
  23. *Effindi V.* New Political and Constitutional Development in Central Asia. *Central Asia Journal*, #36, 1995, p.90.
  24. *Bozdag A.* Central Asian zwischen Nationalbewegung und Autokratie. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 1993, s.30.
  25. (11), p.251.
  26. (8), p.820.
  27. *ibid.* p.821.
  28. *Mellow K.* Grazing Grounds. *The Banker*, n.64, 1995, p.1.
  29. (21), s.22.
  30. *The Asian Interior*, Vol.38, n.4, 1994, p.582.
  31. *Halbach U.* Islam und Nationalstaat in Zentralasien. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, n.3, 1993, s.12-13.
  32. (14), s.282.

33. (12), p.149.
34. Асанканов А. Кыргызы: рост национального самосознания. Бишкек, 1997, с.20.
35. *McMillan Ch.* Marking the Capitalism Transition A Case Study of a Newly Republic. *Business and Contemporary World*, n.3, 1995, p.156.
36. *Szporluk R.* Statehood and Nation Building in Post-Soviet Space. In: *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*. N.Y., L., 1994, p.8.
37. *Fuller G.* Central Asia and World. In: *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*. N.Y., L., 1994, p.106.
38. *Fiermann W.* The Division of Linguistic Space. *Nationalities Papers*, Vol, 23, #23, 1995, p.510.
39. Демографический ежегодник Киргизской Республики 1996 года, Бишкек, 1997, с.34.
40. там же, с.35.
41. *Khan A.* Geo-Strategic Importance of Central Asia. *Central Asia Journal*, #39, 1996, p.9.
42. *Dannreuther R.* Russia, Central Asia and the Persian Gulf. *Survival*, Vol.35, #4, 1993, p.37.
43. (37), p.21.
44. Россия и ее соседи. Взаимосвязь политических и этнических конфликтов. М., 1996, с.174.
45. *Barylski R.* The Russia Federation and Eurasia's Islamic Crescent. *Europe and Asia Studies*. Vol.46, 1994, p.406.
46. *Fuller G.* Russia and Central Asia: Federation or Fault Line? In: *Central Asia and the World. Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan*. Ed. by M.Mandelbaum. N.Y., 1994, p.37.

47. (42), p.38.
48. *Kolossov V.* Ethno-Territorial Conflicts and Boundaries in the Former Soviet Union, Durham, UK, 1992, p.p.49-50.
49. Панарин С. Возможные модели политического развития новых независимых государств Центральной Азии: миграционные последствия. В кн.: *Миграция в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество*. Под ред. Дж. Азраэля, В.Мукомеля, Э.Панина, М., 1997, с.115-116.
50. *Tareen J.* Central Asia: New Economical and Political Implications. *Central Asia Journal*, #36, 1995, p.32.
51. Текущий архив Министерства обороны КР.
52. IFO Schnelldienst, #20, 1993, s.23.
53. Россия и мусульманский мир. Проблемы: Мнения. Дискуссии. События. М., 1997, №3, с.154.
54. Текущий архив Министерства внешней торговли и экономики КР.
55. (37), p.17.
56. *Pipes D.* The Event of Our Era: Former Soviet Muslim Republics Change the Middle East. In: *Central Asia and the World. Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan*. Ed. by M.Mandelbaum. N.Y., 1994, p.85.
57. (12), p. 149.
58. (5), p.36
59. (12), p.207.
60. ibid. p.208.
61. ibid. p.209.
62. ibid. p.211.
63. ibid. p.216.
64. (11), p.85.

65. *Cullen R.* Central Asia and the West. In: *Central Asia and the World. Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan.* Ed. by M.Mandelbaum. N.Y.,1994, p.143.
66. *Duran Rh.* Rivalitaten in und um Zentralasien. *Aussenpolitik*, #4, 1992, s.375.
67. *Azer K.* Turkey and the Central Asia Republics. *Central Asia Journal*, #39, 1996, p.38.
68. *ibid.* p.39.
69. (15), p.262.
70. *ibid.*
71. *Critchlow J.* The Ethnic Factor in Central Asian Foreign Policy. In: *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia.* Ed. by R.Szporluk. L.,N.Y.,1994,p.275.
72. (31), p.15.
73. (18), p.20.
74. (71), p.20.
75. (18), p.21.
76. (34), p.194.
77. (65), p.144.
78. (11), p.43.
79. (66), s.379.
80. *Масе А.* Ислам. М., 1982, с.155.
81. (41), p.12.
82. (37), p.118.
83. *Вечерний Бишкек*, 1998 г., 26 июня
84. *Слово Кыргызстана*, 1998 г., 29 мая.
85. (21), s.22.
86. *ibid.* s.23.

87. *ibid.* s.24.
88. *ibid.* s.25.
89. *Helmschrott H., Rohm T., SchonHerr S., Ufer H.* GUS: Haben die funf Zentralasiatischen Staaten die Wirtschaftliche Talsohne erreicht? //IFO Schnelldienst, #20, 1995, s.15.
90. *Слово Кыргызстана*, 1996, 31 августа.
91. (35), p.140.
92. *ibid.* p.141.
93. *ibid.* p. 146.
94. *ibid.* p.147.
95. (12), p.69.
96. (22), p.151.
97. *ibid.* p.152.
98. *ibid.* p.153.
99. *ibid.* p.157.
100. *ibid.* p.158.
101. *ibid.* p.160.
102. *ibid.* p.164.
103. *Henly J., Assaf G.* Re-Integrating the Central Asia Republics into the World Economy. *Intereconomics*, September-October, 1995, p.238.
104. *ibid.* p.241.
105. *ibid.* p.242.
106. *ibid.* p.243.
107. *См. Жумагулов К.* Правительство четко сформировало основные задачи. //Вечерний Бишкек, 1998, 26 июня.
108. *Акаев А.* Не забывая о прошлом, смотрим в будущее. //Слово Кыргызстана, 1996, 31 августа.

Учеными УЦ "СИГСИПН" изданы следующие книги:

В 1996 г.:

- Акунов А., Ожукеева Т.О., Байболов К.К. Политология. Кыскача создук; - Бишкек, 1996, 401 с.
Ожукеева Т.О., Прытков В.Г., Акунов А.А. Права человека и демократия. - Бишкек, 1996, 168 с.
Проблемы методики и методологии преподавания курсов "Права человека и демократия" и "Политология". (Материалы I международного семинара преподавателей политологии). - Бишкек, 1996, 6 п.л.
Ожукеева Основы политических наук. Учебное пособие. - Бишкек, 1996, 25 п.л.
Ожукеева Т.О. Политические процессы в странах Центральной Азии. (Теория разделения властей) Ч. I. - Бишкек, 1996, 20 п.л.; Ч. II. - Бишкек, 1997, 22 п.л.
Выбор Центральной Азии в цивилизованном пространстве. Курс лекций. Авторы: Мамытова Э.А., Пухова М.Ф., Ожукеева Т.О. и др. - Бишкек, 1996, 21,7 п.л.
Киютин В.Г. Историческая концепция Аврелия Августина. - Бишкек, 1996, 133 с.

В 1997 г.:

- Политология Курс. лекций проф. Артыкбаева М.Т. - Бишкек, 1997, 12,7 п.л.
Глен Райт "Государственное управление". Учебник. (перевод англ.). - Бишкек, 1997, 21 п.л.
Глен Райт., Кен Е.Мак-Викар, Томас Монастырский. Словарь терминов и понятий по государственному управлению (перевод с англ.) - Бишкек, 1997, 6 п.л.
Проблемы методики и методологии преподавания курсов "Права человека и демократия" и "Политология" (Материалы II международного семинара преподавателей политологии). - Бишкек, 1997, 5,5 п.л.
Артыкбаев М.Т., Артыкбаев А.М. Политическая система "открытых" и "закрытых" обществ. - Бишкек, 1997, 20 п.л.

В 1998 г.:

- Шеринкулов М.Ш. Парламенты за мир. - Бишкек, 1998, 322 с.
Акунов А., Ибраева В. Адам укуктары. Окуу куралы. - Бишкек, 1998, 260 б.
Политология, политика и современность. Учебное пособие: КГНУ КазГНУ, Оклахомский университет (США). - Бишкек, 1998, 21,7 п.л.
По вопросу приобретения данной книги обращаться по следующему адресу:
г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, к.233. Учебный Центр "Стратегические исследования государственной службы и политических наук".
тел.: (3312) 66-01-49

Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов

Сдано в печать 11.08.98. Формат бумаги 60x84/16. УМД
Объем 9,5 п.л. Тираж 500 экз.

Издательство "Элпек". г. Бишкек, ул. Тоголока Молдо, 60.

Учебный Центр "Стратегические исследования государственной службы и политических наук" (УЦ "СИГСнПН") был создан при КГНУ в мае 1996 г. с целью подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в области государственного управления и политических наук, а также для проведения научных исследований.

В Учебном Центре подготовка кадров ведется по следующим специальностям и направлениям на внебюджетной основе:

1. 6300. 310. - "Государственное и муниципальное управление" - по четырем специализациям: а) Госуправление и право; б) Госрегулирование в экономике; в) Госуправление и местное самоуправление; г) Государственная политика и управление. Срок обучения 5 лет.
2. Г. 09. 302. - "Политология", срок обучения - 5 лет.
3. Г. 04. 301. - "Философия", срок обучения - 5 лет.
4. Г. 10. 304. - "Психология", срок обучения - 5 лет.
5. Г. 12. 203. - "Социология", срок обучения - 5 лет.
6. Г. -2. 305. - "Культурология", срок обучения - 5 лет.
7. Магистратура и аспирантура по вышеперечисленным специальностям и направлениям.

Кроме того, ведется переподготовка госслужащих на базе высшего образования. Срок обучения 2 года 6 месяцев. Курсы переподготовки читаются на основе современных методологических концепций, в разработке которых ученые УЦ принимают активное участие.

Диплом КГНУ по названным специальностям дает юридическое обоснование для работы в госорганах различного уровня: сельских управах - айыл окмоту, рай-гор-обл госадминистрациях, министерствах, аппаратах ЖК, премьер-министра и Администрации Президента КР. В условиях административной реформы выпускники УЦ обладают преимуществом перед кадрами госуправления, не имеющими специального образования.

С целью проведения научных исследований в области государственной службы и политических наук и установления партнерских связей с зарубежными исследовательскими и учебными заведениями был создан при УЦ Отдел научных исследований и внешних связей.

УЦ имеет связи с Международным институтом образования Стокгольмского университета (Швеция), Оклахомским университетом (США), Институтом госуправления Турции и Среднего Востока (Турция), КазГНУ, Институтом развития Казахстана и др.

УЦ "СИГСнПН" при КГНУ также работает по грантам международных фондов и организаций: - проект "Права человека и демократия" (ПРООН); проект "Совершенствование госуправления и службы в Кыргызстане" (Фонд "Евразия", США); проект "Усиление реформирования государственной службы в Кыргызстане" (TACIS) и др.